АРХИТЕКТУРА СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

ARCHITECTURE OF THE SOVIET ARMENIA

70-летию
Великого Октября
посвящается

It is devoted
to the 70th anniversary
of the Great October

А.Г.Григорян
М.Л.Товмасян

A.G.Grigoryan
M.Z.Tovmasyan

Москва

АРХИТЕКТУРА СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

ARCHITECTURE OF THE SOVIET ARMENIA

Стройиздат 1986

УДК 72.036 (479.25)

Григорян А. Г., Товмасян М. Л.
Архитектура Советской Армении. - Architecture of the Soviet Armenia.— М.: Стройиздат, 1986.— 319 с.: ил.

Рассказано о становлении и развитии архитектуры Советской Армении. Обобщен опыт проектирования и строительства городов и сел, жилых и общественных зданий, промышленных комплексов. Рассмотрены теоретические вопросы, связанные с проблемами национального своеобразия армянской архитектуры, традиции и новаторство, достижения и перспективы развития зодчества Армении. Для архитекторов и искусствоведов.

Ил. 222

Печатается по решению секции литературы по архитектуре жилых, гражданских зданий и градостроительству.

Рецензент — народный архитектор СССР К. А. Акопян.

Г $\frac{4902010000-535}{047(01)-86}$ 207—86

© Стройиздат, 1986

Содержание

Предисловие 6

1. Исторические предпосылки 8
2. Становление и формирование новой направленности (1920—1941 гг.) 35
3. Послевоенный период (1945—1955 гг.) 85
4. Поиски единства на новых путях (1956—1970 гг.) 124
5. Современный этап (с 1971 г. до наших дней) 188

Список литературы 319

Предисловие

Архитектура Советской Армении, если судить о ней по лучшим примерам,— яркое и самобытное проявление многонациональной советской архитектуры. Она крепко стоит на базе многовековых традиций армянского зодчества, воспринимая эти традиции первым долгом как накопление и творческое использование богатого опыта предшественников, как формирование образа мышления, соответствующего требованию времени и наиболее полному раскрытию творческих возможностей архитектора.

Органической частью армянского зодчества является архитектура ее современного периода, берущая начало с установления в 1920 г. Советской власти в Армении.

«По мере роста культурного уровня народа,— говорится в новой редакции Программы КПСС, усиливается влияние искусства на жизнь общества, его морально-психологический климат. Это повышает ответственность мастеров культуры за идейную направленность творчества, художественную силу воздействия их произведений.

КПСС бережно, уважительно относится к таланту, к художественному поиску. В то же время она всегда боролась и будет бороться, опираясь на творческие союзы, на общественное мнение, на марксистско-ленинскую художественную критику, против проявлений безыдейности и мировоззренческой всеядности, эстетической серости, ремесленничества».

Армения бережно хранит многочисленные памятники материальной культуры, свидетельствующие о созидательном гении ее народа, история которого уходит в глубь веков. Памятники IV—I тыс. до н. э. не редкость на древней земле Наири. Клинописный «паспорт» Еревана свидетельствует о его основании еще в 782 г. до н. э. Гордо стоит в величественном окружении гор храм I в. в Гарни. Касах, Ерерук, Эчмиадзин, Егвард, Аван, Рипсимэ, Гаянэ, Звартноц, Кармравор, Татев, Ахтамар, Мармашен, Амберд, Ани, Санаин, Ахпат, Айриванк, Агарцин, Гошаванк, Ованнаванк, Нораванк... эти и сотни других памятников IV—XIII столетий — немые свидетели тяжелого, временами трагического пути армянского народа.

В IV—V вв. Армения была вовлечена в бесконечные войны. Закономерно, что именно тогда, когда нависла угроза религиозной и культурной ассимиляции армян, великим Месропом Маштоцом был создан армянский алфавит. Значение этого события в борьбе за национальное самосохранение трудно переоценить [1].

Борьба армянского народа против иноземных поработителей завершилась в конце V в. полной победой и освобождением Армении от ненавистного персидского ига. Именно V—VII вв. датируются наиболее выдающиеся памятники армянской архитектуры раннего средневековья. В середине VII и VIII вв.— вновь нашествие, теперь уже арабов, и опять разрушения и опустошения. Освобождение от ига последних ознаменовалось новым возрождением в IX—XI вв.

И так — на всем историческом пути народа: войны, опустошения, созидание, возрождение культурных ценностей для передачи их последующим поколениям. В этом процессе подтверждается могучее стремление народа к сохранению «своей древности». Речь идет «...вообще не только об открытии своих „эпох возрождения" в истории разных народов, то есть о новом осмыслении исторического процесса у них, но и гораздо большем: о самом понимании исторического смысла такой эпохи, об исторических условиях, ее вызывающих и определяющих, ее историческом смысле и, наконец, о закономерностях такой эпохи в истории определенных народов, а через нее и истории человечества» [2].

В этой книге, посвященной 70-летию СССР, авторами не ставилась задача написания истории архитектуры Советской Армении. Ими сделана попытка на общем фоне развития республики и страны рассмотреть сущность происходящих в архитектуре процессов, выявить концептуальные основы отдельных творческих направлений и определить их место в едином русле развития советской архитектуры. При этом акцент с традиционного описательного жанра перенесен в область теории и критики, недостаток работ в которой всегда затрудняет процесс развития.

В какой степени удалась эта задача — пусть определит читатель.

1. Исторические предпосылки

История армянского народа складывалась на обширной территории Армянского нагорья (от Колхидской низменности — на севере до Месопотамской — на юге). Во II—I тыс. до н. э. здесь было создано одно из древнейших государственных образований — Хайаса, в XI—IX вв. до н. э. сформировано государство Наири, а в IX—VI вв. до н. э.— Ванское царство (Урарту ассирийских клинописей). Из племен Армянского нагорья сильнейшими оказались армены (ветвь хаясов), которые, постепенно проникнув в бассейн озера Ван, Ассирию и Урарту, заняли главенствующее положение в последнем, чем и объясняется «. . .равнозначность терминов Урашту и Армина в вавилонских и персидских текстах Накширустемской и Бисутунской надписей Дария» [3].

О былой мощи Ванского царства свидетельствуют развалины многочисленных крепостей, расположенных на территории исторической Армении. Только в границах современного Еревана находятся два крупнейших в прошлом центра урартов — Тейшебаини (на холме Кармир-блур) и Эребуни (на холме Аринберд).

От периода эллинизма сохранились в Гарни крепость III в. до н. э., храм и баня с мозаичным полом I в. до н. э. Автор современной реконструкции античного храма Гарни А. Саинян справедливо отмечает, что «. . .до принятия христианской религии армянская архитектура, находясь в контакте с архитектурным искусством

Греции, Рима и соседних эллинистических стран (Иран, Сирия, Малая Азия и ряд других), воспринимая и перерабатывая отдельные архитектурные формы и детали, в основном шла по самостоятельному пути» [4].

Сложение черт оригинальной армянской культуры значительно активизировалось с принятием в 301 г. христианства в Армении в качестве государственной религии и созданием в конце IV — начале V в. армянского алфавита.

Христианская религия поставила перед зодчими Армении сложнейшие задачи, решенные ими в течение последующих веков на высочайшем творческом уровне, поднявшем армянскую классическую архитектуру, по единодушному признанию ее отечественных и зарубежных исследователей, до высот мирового искусства.

Скульптурные стелы V—VI вв. и дошедшие до нас первые образцы книжной живописи доказывают, что Армения участвовала, наряду с Сирией, Египтом и Италией, в сложении новой иконографии, ставшей затем обязательной для всего христианского Востока.

Господствующее место в начальном периоде становления христианской архитектуры Армении занимала базилика, о чем свидетельствуют памятники IV—V вв. в Касахе, Ереруке, Текоре, Егварде, Ширванджуке, Парби и др. И если датируемая IV в. Касахская базилика имеет характерные для этого типа культовых зданий построения плана и объемов, то Ерерукская базилика убедительно доказывает, что в IV—V вв. армянские зодчие достигли не только высокого художественного уровня, но и своеобразия в разработке христианской культовой архитектуры, создав свой редкий по выразительности архитектурно-художественный язык.

Вместе с базиликальным типом церковных зданий в Армении появляются центрально-купольные композиции храмов, первым примером которых является собор в Вагаршапате (г. Эчмиадзин), построенный в IV в. План собора представляет собой крест, между ветвями которого находятся квадратные помещения. Храм, несмотря на небольшие размеры, монументален благодаря единству и четкости его объемно-пространственной композиции, в которой господствующее положение занимает покоящийся на четырех пилонах купол. В Кафедральном соборе Эчмиадзина явно выражены те новые архитектурные принципы, которые легли в основу дальнейшего развития всего армянского зодчества. Горизонтальная протяженность базилик уступила место вертикальной направленности в организации объемов и внутреннего пространства храмов. Постепенно преодолена расчлененность последнего, достигнуто редкое единство планировочных и объемно-пространственных композиционных решений зданий.

Первым важнейшим звеном в развитии и совершенствовании центрально-купольных композиционных систем по праву считается храм VI в. в Аване. Форма креста в прямоугольном, чуть вытянутом в направлении

Крепость Эребуни. 782 г. до н. э. Общий вид раскопок

Erebuni Fortress, 782 B. C. General view of excavations

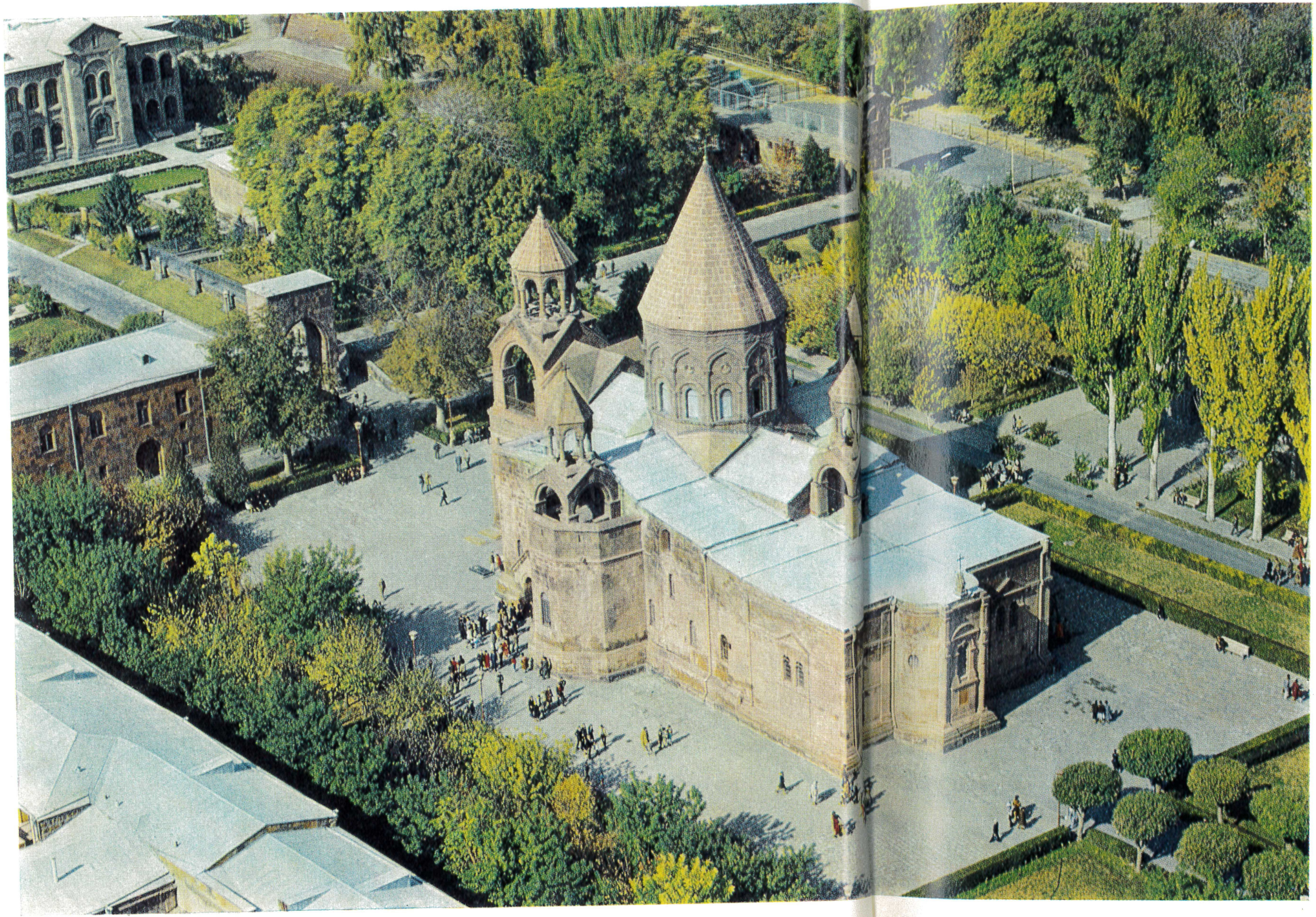
Храм в Гарни. I в. н. э.

Temple at Garni. I cen. A. D.

Эчмиадзин.
Кафедральный собор.
Общий вид. IV—XVII вв.

Echmiadzin. Cathedral.
General view. IV—XVII cen.

восток — запад, плане храма получена полукружьями апсид. Расположенные в углах четыре круглых в плане придела соединены с основным подкупольным пространством. Под сдержанностью и монолитностью нерасчлененных фасадов храма скрывается буквально целый фейерверк системы каменных конструкций, организующих переход к высоко поднятому сферическому куполу. Базиличная строгость наружной архитектуры сочетается в Аванском храме с подчеркнутой вертикальной устремленностью его элегантно разработанного внутреннего пространства. К тому же периоду относятся храмы в Сисиане, Талине и др.

В Армении в VI в. был создан сугубо местный тип храмового зодчества — купольный зал, наиболее ранний пример которого — храм Птгнаванк. Барабан его купола поддерживался арками, перекинутыми между пилонами. Четыре мощных пилона, образуя подкупольный квадрат, брали на себя основные нагрузки перекрытия. Цельность интерьера храма достигалась тем, что пилоны в нем примыкали к продольным стенам, а не стояли свободно. Находящиеся за алтарной абсидой треугольные ниши играют не только декоративную, но и конструктивную роль. Большую художественную ценность представляет декоративное убранство храма, особенно скульптурные композиции на южной и северной стенах, оформление бровок окон.

В VII в. наблюдается особый размах культурного и гражданского строительства. К единству внутреннего пространства и наружных объемов стремятся создатели купольных

базилик, распространенных в Армении еще в IV—V вв. (храм Гаянэ в Эчмиадзине). Центрально-купольная композиция находит наиболее цельное и законченное воплощение в храме Рипсимэ, воздвигнутом в 618 г.

Если в плане храм Рипсимэ отличается от Аванского незначительно (угловые комнаты — приделы квадратны), то в пространственной организации — существенно. В нем синтезировано все лучшее, чего достигло к началу VII в. армянское зодчество: здесь и гармоничное единство с окружающим ландшафтом, и взаимообусловленность архитектурно-планировочного и объемно-пространственного решений, и монументальность форм, сочетающаяся с пластичностью отдельных линий фасада, и остроумные конструктивные решения, использующие возможности камня. Наконец, храм Рипсимэ характерен предельной ясностью архитектурной мысли, логичностью и взаимосвязанностью архитектурных и конструктивных форм. Тектоника этого уникального сооружения во многом достигнута наличием на всех четырех фасадах трапециевидных ниш, которые не только облегчают массу стен, но и служат выразительным элементом декоративной обработки фасада.

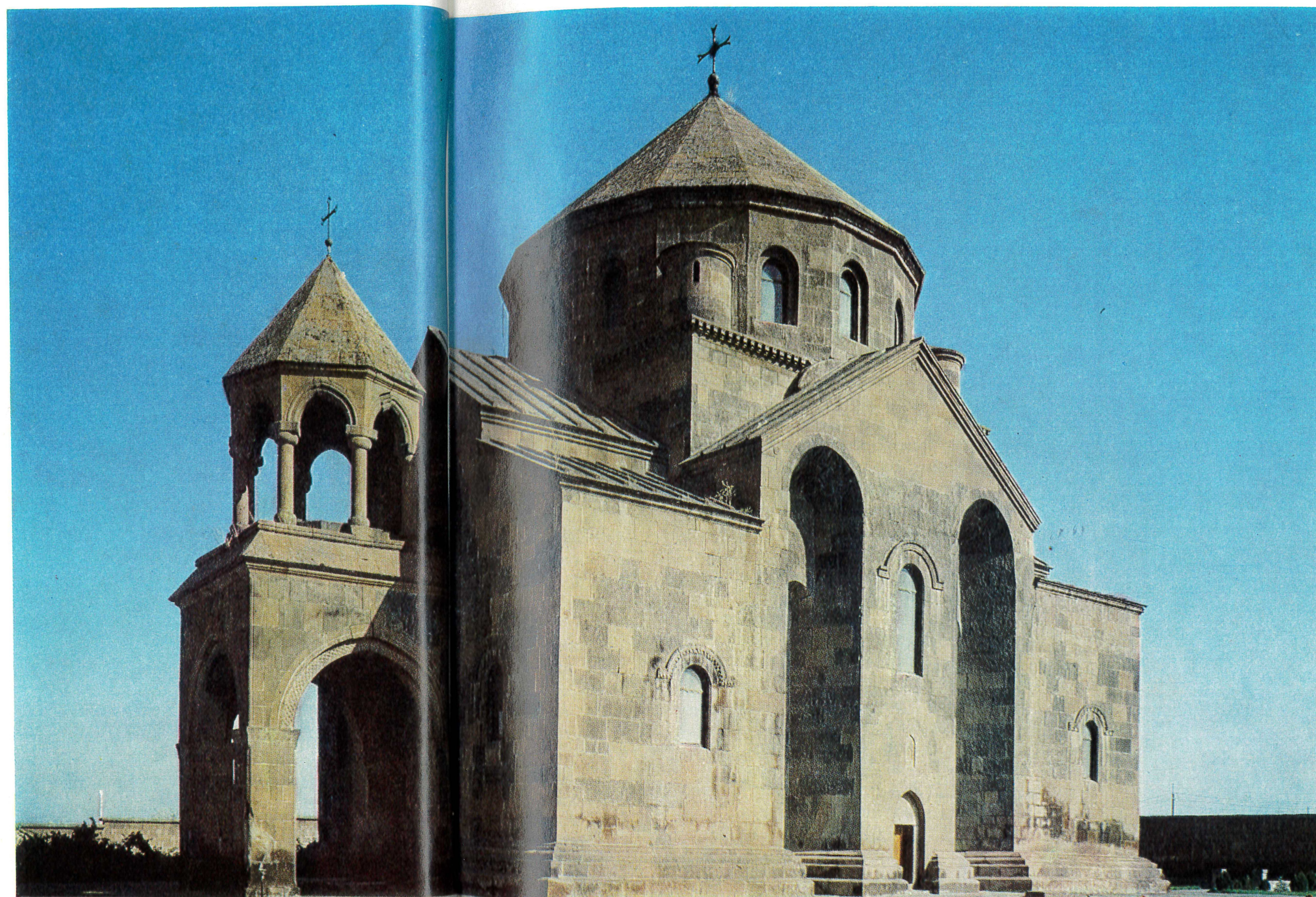
Важными звеньями в развитии центрально-купольной системы являются церкви в Багаране и Мастаре.

Храм в Багаране, построенный в 624—631 гг., имеет квадратный в плане и перекрытый куполом основной объем, к которому примыкают со всех сторон четыре полукруглые эксседры, имеющие снаружи пятигранное очертание. Стоит купол на арках, опирающихся

14

15

Храм Рипсимэ. 618 г. Hripsime temple. 618

на четыре свободно стоящих пилона-устоя. А. Л. Якобсон считает: «В целом храм Багарана дает совершенно своеобразную и новую композицию свободного пространства под куполом, сливающегося с широкими экседрами четырех ветвей креста. Это было крупным шагом вперед... и несомненно явилось большим художественным достижением армянских зодчих» [5].

В относящемся к середине VII в. храме в Мастаре, в отличие от храма в Багаране, внутреннее пространство освобождено от пилонов и полностью перекрыто куполом, благодаря чему обеспечивается цельность его восприятия. Цельна и вся архитектура храма, его объемно-пространственная композиция, правдиво отображающая конструктивное построение здания. Лишенные декоративного убранства стены храма концентрируют внимание на самой фактуре плоскости стены, на игре отдельных объемов.

О наличии еще одной самостоятельной темы в армянской архитектуре VII в. свидетельствуют церковь Зоравор в Егварде, церковь в селе Иринд Талинского района и храм Звартноц, величественные развалины которого находятся недалеко от г. Эчмиадзина. Первые две — восьмиабсидные; композиция их нашла выражение в пространственном решении: абсиды снаружи подчеркнуты чередованием треугольных в плане ниш (вспомним храм Рипсимэ), соответствует друг другу внутреннее и наружное двухъярусное объемное членение памятников, которые выделяются тектоничностью и строгой ритмичностью в организации пространства.

Сугубо местным, возникшим на территории Армении типом храмов является Звартноц. В отличие от центрально-купольных (крестово-купольных) храмов Армении, в плане Звартноца равносторонний крест вписан не в прямоугольник, а в круг, имеющий снаружи многогранную форму. Храм имел трехъярусный объем, завершающийся шатровым многоскатным перекрытием. По реконструкции Тороса Тораманяна внутреннее пространство храма освещалось через вытянутые на фасаде окна, имеющие арочные завершения. Галерея же нижнего яруса имела круглые оконные отверстия с разнообразно декорированным каменным обрамлением. Грани наружных стен храма были богато украшены декоративными полуколоннами с опирающимися на них арками, плоскость стен над которыми была покрыта горельефами с растительным орнаментом. Ритмическое построение храма, его устремленность ввысь четко прослеживались как снаружи, так и в интерьере здания.

Исследователи отмечают, что архитектура Звартноца оказала воздействие на развитие храмового зодчества не только Армении, но и других стран. Явное влияние Звартноца чувствуется в церквах Зоравор и Иринд, отмеченных выше, в Большой церкви в Артике, церкви комплекса Хцконк, некоторых церквах Ани.

Дальнейшее развитие получили в VII в. и купольные базилики, среди которых особо выделяется Одзунский храм, датируемый некоторыми

Развалины храма Звартноц. VII в.

Ruins of Zvartnots temple. VII cen.

исследователями более ранним временем. Хорошо сохранившийся храм, расположенный в селе Узунлар Алавердского района, выделяется оригинальностью планового и пространственного построения. Приземленные несколько пропорции наружных галерей, присущих раннехристианскому периоду армянского зодчества, сочетаются в нем с вертикальной направленностью основных объемов здания, перекрытых стройным куполом. В интерьере эта устремленность еще более усиливается.

Объединение принципов построения плановых композиций купольных базилик и центрально-купольных храмов можно проследить на примере двух грандиозных для VII в. сооружений: Большого Талинского храма и Двинского кафедрального собора. Особым богатством декоративного оформления выделяется храм в Талине, интерьер которого был обогащен фресками, дошедшими до наших дней в сильно пострадавшем виде. Участки с монументальной живописью VII в. сохранились и на алтарной абсиде храма в Аруче.

Но на территории Армении хорошо сохранилось значительное число небольших крестообразных храмов, в которых с неменьшей яркостью, чем в больших сооружениях, проявилось высокое профессиональное мастерство армянских зодчих. В этом ряду стоят церковь Степаноса в Лмбатаванке, церковь Камсараканов в Талине и Кармравор в Аштараке, датируемые VII в. Крест их ясной плановой композиции четко читается в нехитростных объемах этих «миниатюрных» зданий, обладающих цельностью и выразительностью скульптурного произведения. Точно найденные и хорошо воспринимаемые пропорции делают их не только изящными, но и в какой-то мере даже филигранными.

«Все армянское зодчество ранней эпохи пронизано художественным единством и цельностью, единым архитектурным стилем. Основная черта его — лаконичность и ясность архитектурных форм. Приближаясь к зданию, зритель сразу охватывает всю его композицию в целом, как бы сложна она ни была. Наружные массы всегда четки и выразительны; они кристаллически ясны и достаточно полно передают внутренние объемы, столь же ясно воспринимаемые, столь

же четкие и выработанные. Этой лаконичности соответствует и монументальность архитектуры» [6].

Земля исторической Армении была ареной скрещения интересов крупных государств и постоянно подвергалась нашествиям и разорению, что вызывало перерывы в культурном развитии нации. Его следующий этап приходится на конец IX—XI вв. В зодчестве он характеризуется дальнейшей разработкой купольных композиций и формированием больших архитектурных ансамблей. Шедевры этого времени утверждают высокий профессионализм армянских архитекторов, их умение развивать пластические идеи, а также редкий дар возведения зданий в абсолютной гармонии с окружающей природной средой.

Одновременно с архитектурой и в своеобразной стилистической связи с ней развивается скульптура в виде декоративного рельефа на зданиях и свободностоящих стел с орнаментированным изображением креста — «хачкаров», являющихся сугубо местным своеобразным архитектурно-художественным явлением, история возникновения которого связана с утверждением христианства в Армении.

Наиболее ранние постройки этого периода находятся на полуострове озера Севан — церкви Аракелоц и св. Карапета, входящие в ансамбль монастыря, основанного в 874 г. Крестообразные в плане два небольших центрально-купольных храма, стены которых выложены из грубо обработанных камней, прекрасно посажены на рельеф. Они, кажется, слиты с суровым ландшафтом, причем не только благодаря точно найденному

масштабу, но и, что не менее важно, фактурной выразительности строительного материала и цветовому созвучию.

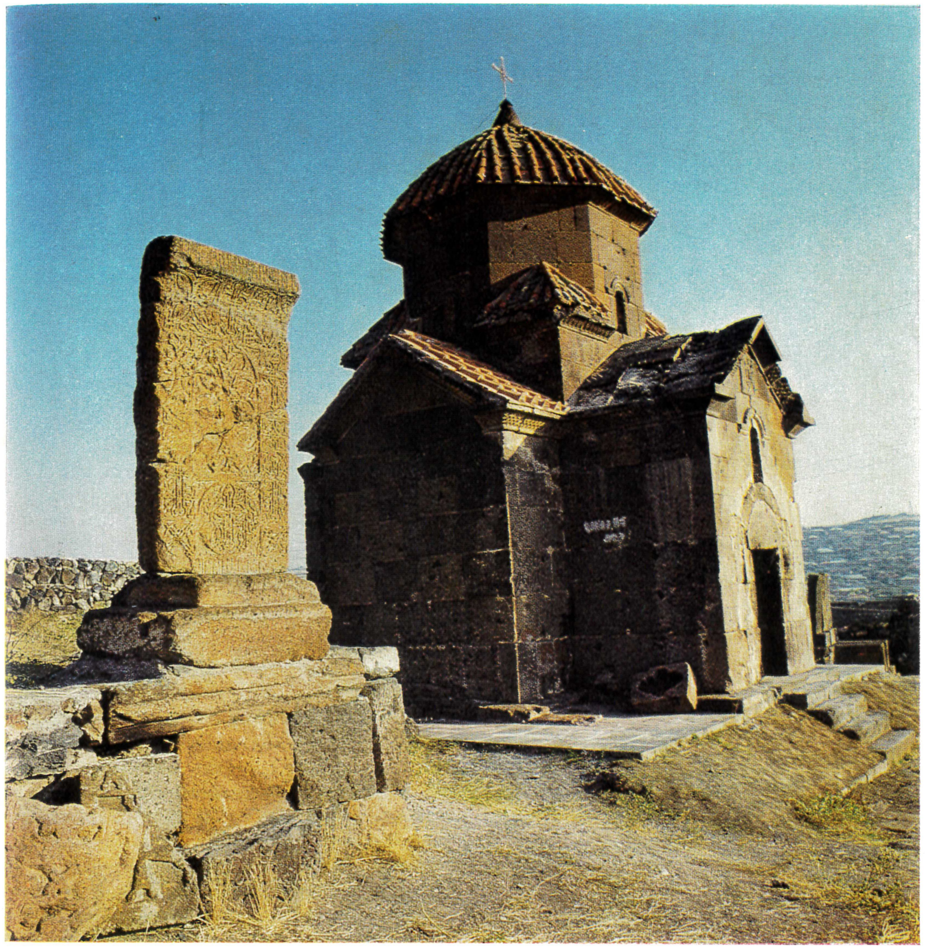
Центрально-купольная композиция нашла творческое развитие в главной церкви Татевского монастыря — храме Погоса-Петроса. Вместо четырех пилонов, поддерживающих барабан купола в аналогичных системах построения, здесь всего два; два других заменены угловыми стенами расположенных с западной стороны приделов.

К формам крестово-купольных сооружений обратился в начале X в. и зодчий Мануэл, построивший дворцовый храм царя Гагика Арцруни на острове Ахтамар Ванского озера, находящегося сегодня на территории Турции. В Ахтамарском храме были упразднены западные приделы, а форма креста нашла значительно более четкое выражение как в плановой композиции, так и в пространственной организации здания. Но особую популярность приобрел Ахтамарский храм благодаря уникальным рельефам, украшающим его фасады и свидетельствующим о подчеркнутом стремлении к пластичному обогащению плоскостей стен.

Важным обстоятельством каждого нового периода в развитии армянской архитектуры являлось то, что он начинался с того, чем кончался предшествующий. И принцип этот, как отмечалось, не был случайностью, так как в противном случае мог образоваться разрыв между прошлым и настоящим, а преемственность —

Аштарак. Церковь Кармравор. VII в.

Ashtarak. Karmravor church. VII cen.

одно из основных качеств армянского зодчества на всех этапах его истории. Проявлялось это и в вопросах творческой разработки определенных композиционных, конструктивных или архитектурно-художественных принципов, и в формировании архитектурных ансамблей, складывающихся на протяжении жизни нескольких поколений, и, наконец, в градостроительном подходе к решению даже отдельных архитектурных задач.

В великолепной столице Армении, городе Ани одним из крупнейших зодчих средневековья Трдатом, реставрировавшим в 989 г. грандиозный купол Св. Софии в Константинополе, был построен знаменитый Анийский кафедральный собор (989—1001 гг.). В этом крупнейшем храме города зодчий, творчески переработав общий принцип купольно-базиличных культовых построений VII в., создал широко раскрытое внутреннее пространство, поддержанное архитектурными формами здания как в целом, так и в отдельных его деталях. Достигнуто это было благодаря значительному расширению центрального нефа и подчеркнутому вертикализму устремленного в подкупольное пространство интерьера собора.

В решении интерьера Анийского собора, по мнению известных европейских ученых И. Стржиговского, Ш. Даля и других, армянским зодчим были впервые применены те принципы, которые позднее развились в романских и готических архитектурных памятниках.

Другое творение Трдата — храм Гагикашен построен по плану Звартноца. Но зодчий не мог допустить механического копирования. И дело здесь не в числе наружных граней (их в Гагикашене 36 вместо 32 — в Звартноце), а в продолжении стремления увеличить центральное подкупольное пространство культовых сооружений, придать всей архитектуре возвышенную устремленность.

Сродни Звартноцу и объемное решение Пастушьей церкви, относящейся к XI в. Но как оригинальна ее плановая композиция, как своеобразно обработано трехъярусное членение церкви! В составленный из треугольных ниш контур плана этой жемчужины средневекового армянского зодчества вписана шестиконечная звезда. Шесть скрещивающихся в центре арок поддерживают второй этаж здания. Пространство же третьего яруса объединено в интерьере со вторым. Здесь налицо лишь общность архитектурной концепции, связанная с центричностью композиции и пирамидальным принципом построения объемов. В остальном же идет активный творческий процесс развития, поисков, находок. Наглядными примерами сказанного могут служить также имеющие свои прототипы в предшествующем периоде истории армянской архитектуры многоабсидные церкви Абугамренц (X в.), Спасителя (1036 г.), четырехабсидная церковь Св. Апостолов (Аракелоц).

Многочисленные культовые и гражданские здания и сооружения (церковь, дворцы, крепостные стены и башни, мосты, жилые дома, подземные ходы, водоводы, бани

Норадуз. Хачкары VII—XII вв.

Noraduz. Khatchkary (stone crosses). VII—XII cen.

и пр.), развитая система улиц Ани свидетельствуют о высоком уровне и градостроительной культуры средневековой Армении.

Подытоживая свое капитальное исследование, посвященное городу Ани, Н. Я. Марр писал: «Для самого главного элемента в каждой оригинальной архитектуре, именно творчества, важнейшим моментом является местный источник зарождения художественных идеалов. Этим, глубоко захватывающим народные слои культурным брожением и объясняется богатство художественных форм Армении. . .» [7].

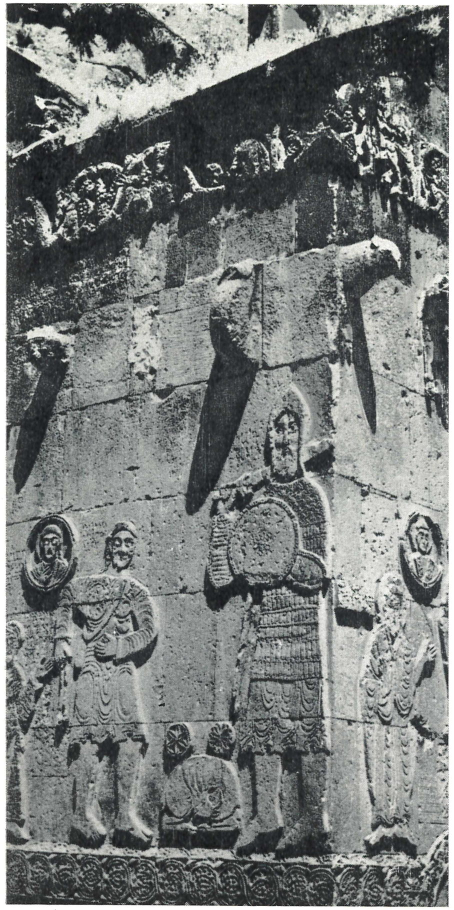
В монастыре Гндеванк, расположенном в ущелье реки Арпа,

Храм на острове Ахтамар. Фрагмент рельефов. 915—926 гг.

Temple in Aghtamar island. Fragment of reliefs. 915—926

Храм на острове Ахтамар. Общий вид с западной стороны 915—926 гг.

Temple in Akhtamar island. General west side view. 915—926

в 996 г. был возведен один из первых притворов, примыкающий к крестово-купольной церкви 936 г. Притворы, или «жаматуны» были по своему характеру зданиями не только культового, но и гражданского назначения. Их истоки лежат в армянском народном жилище (глхатуне), от которого создатели притворов переняли, творчески переработав в камне, как принципы организации пространства, так и формы перекрытий с центральным освещением (ердиками).
В монастырском комплексе Оромос, недалеко от Ани, в XI в. была впервые применена система организации жаматуна с четырьмя колоннами по центру. В жаматуне Иоанна Оромоса,

Ани. Кафедральный собор. 989—1001 гг.

Ani. Cathedral. 989—1001

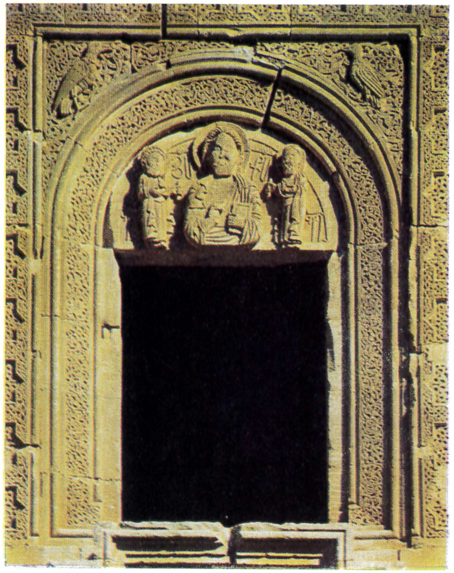
как и в других аналогичных постройках, нельзя не обратить внимания на виртуозность конструктивного формирования плафонов и изысканность отдельных деталей.

Дальнейшую разработку и новые черты получили в XI в. купольные залы. Их композиция была существенно переработана, в чем можно легко убедиться на примере главной церкви (собора) монастырского комплекса Мармашена, находящегося недалеко от Ленинакана. Построено это выдающееся произведение средневекового зодчества Армении в 986—1029 гг. В нем выделяется новаторским подходом к решению стоящей творческой задачи не только план, но и весь примененный в соборе принцип организации пространственной композиции, уравновешенной и предельно гармоничной как в интерьере, так и во внешних формах. Значительно более, чем в других купольных залах, выраженная центричность достигнута благодаря изменению пропорций креста с постановкой купола в центре зала.

Архитектурный ансамбль монастыря Нораванк. Фрагмент портала церкви Аствацацин XIII в.

Architectural] ensemble of Noravank monastery. Portal fragment of Astvatsatsin church. XIII-cen.

24

Легкость и вертикальную устремленность придают интерьеру профилированные пучки тяг, которыми покрыты мощные пилоны собора.

Принципы, о которых говорилось выше, в частности ансамблевость застройки, гармоничность с окружающей природной средой, преемственность архитектурно-художественного мышления проявились наглядно и в сложившихся в X—XIII вв. монастырских комплексах Армении — Ахпата, Санаина, Гегарда, Агарцина, Кечариса, Ованнаванка, Аричаванка, Гошаванка, Сагмосаванка, Гандзасара, Хоракерта, Макараванка, чуть позднее — в комплексах Нораванка, Спитакавора и многих др.

Главная церковь Ахпатского ансамбля — Ншана (X в.) представляет собой внушительный не только по абсолютным размерам, но главное, по архитектуре, купольный зал. Барабан купола главенствует над всеми остальными зданиями, примыкающими к церкви и вырастающими, кажется, из самой земли. Удивительно гармонично происходит нарастание объемов зданий, составляющих комплекс.

Притвор церкви Ншана, завершенный строительством в 1201 г. в период расцвета армянского зодчества и активных творческих поисков,— уникальный памятник архитектуры. Одной из важнейших проблем, над которой работала архитектурная мысль Армении в XII—XIII вв., было создание единого внутреннего пространства здания. Именно в это время впервые применено перекрытие больших залов с помощью взаимно перекрещивающихся арок — очень статичной конструктивной системы. В притворе церкви Ншана идея эта нашла яркое и оригинальное воплощение. В нем система перекрещивающихся арок повторена в вертикальном направлении дважды, что придало интерьеру устремленность ввысь и особую выразительность, вызванную предельной конструктивной оправданностью всех линий.

Основной период формирования

25

Архитектурный ансамбль Ахпата. X—XIII вв.

Haghbata architectural ensemble. X—XIII cen.

Ахпатского комплекса совпал с усилением светской идеологии и ростом масштабов гражданского строительства в Армении. Именно в XII—XIII вв. церковная архитектура Армении испытала на себе сильное влияние народного зодчества. Проследить это можно и на примере трапезной Ахпата, сооруженной в первой половине XIII в. Она представляет собой удлиненный зал размером 9×21,4 м, разделенный на две части двумя круглыми колоннами. Образованные таким образом залы меньших размеров перекрыты системой спаренных взаимно пересекающихся арок стрельчатого рисунка. Возникшие же от пересечения арок квадраты, в свою очередь, перекрыты восьмигранным куполом с центральным световым отверстием по типу ердика. Задача создания широкого и хорошо просматриваемого интерьера трапезной (примеры Ахпата и Агарцина) ставилась не случайно, так как являясь гражданским зданием, трапезная служила и для собрания, а также общения. И не просто ставилась, но и решалась с блеском и совершенством истинного произведения искусства.

В средневековой Армении редкий монастырь не имел своей библиотеки — книгохранилища. Здания библиотек, как правило, представляли собой квадратный в плане зал, перекрытый сводом на перекрещивающихся арках и освещающийся через расположенное в середине свода круглое отверстие. Согласно назначению, в стенах библиотек имелись ниши для книг.

В здании библиотеки Ахпатского монастыря, в частности, ниши завершаются слегка стрельчатыми арками, что прекрасно увязывает их с конструктивным построением и архитектурно-художественным образом всего внутреннего пространства.

Много общих черт с Ахпатом у ансамбля монастыря Санаин, расположенного юго-восточнее первого и сложившегося в тот же период.

Монастырь Нор-Гетик (Гошаванк). X—XIII вв.

Nor-Gettik monastery (Goshavank). X—XIII cen.

Известный исследователь армянской средневековой архитектуры О. Халпахчьян справедливо считает, что «...архитектурные комплексы Санаина и Ахпата принадлежат к числу выдающихся произведений средневековой Армении, художественные достоинства которых по праву выходят за рамки национальной культуры» [8]. Оценку эту можно с успехом отнести и ко многим другим средневековым монастырским комплексам и отдельным архитектурным памятникам Армении, неотъемлемую часть которых составляют многочисленные хачкары (крестовые камни), представляющие уникальное явление в истории мирового искусства.

Установление первых хачкаров историки V в. Агафангеос и Фофстос Бузанд связывают с распространением

Гегардский монастырь. Интерьер притвора главной церкви. 1225—1230 гг.

Geghard monastery. Main church vestibule interior. 1225—1230

христианства в Армении. Придя на смену языческим идеалам и памятникам, хачкары символизировали собой новую веру. Со временем круг их применения был значительно расширен. Не теряя своего религиозного назначения, они устанавливались по поводу различных памятных событий и в качестве надмогильных памятников [9]. Особенно много их, гордо стоящих под палящими лучами армянского солнца и испещренных порывистыми ветрами, на старых кладбищах.

Часто в эпиграфических надписях, имеющихся на хачкарах, сообщаются исторически важные сведения. В связи с этим они приобретают значимость документов истории Армении. Добавим, что хачкары, наряду с миниатюрами, оказались наиболее стойкими к нашествиям иноземных захватчиков, областями национальной культуры, не прерывавшими свое развитие. И есть все основания считать, что несмотря на сжатые рамки и ограниченные возможности хачкаров и миниатюр именно они стали средством сохранения в тяжелые периоды иноземного владычества наследия и большой живописи, и большой архитектуры [10].

Наиболее древние из дошедших до наших дней хачкаров (Неркин Талин — VIII—IX вв.; Варденис, Мец Мазра — 881 г.; в селе Мартирос Азизбековского района — IX в., Норадуз — X в.) просты и лаконичны. Постепенно хачкары становились поистине высокохудожественными произведениями искусства мастеров средневековой Армении — архитекторов, скульпторов, резчиков по камню. Хачкар покрывался тончайшим орнаментом, в который искусно вплеталось не менее изящно

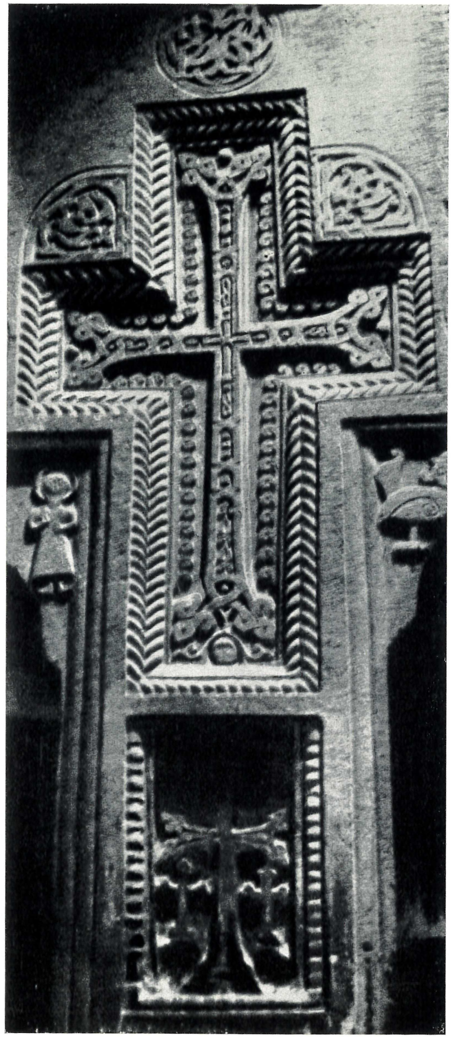
Общий вид Гегардского монастыря. XII—XIII вв.

General view of Geghard monastery. XII—XIII cen.

Гегардский монастырь. Фрагмент притвор второй пещерной церкви XIII в.

Geghard monastery. Vestibule of second cave church. XIII cen.

декорированное изображение креста (хачкары XI—XIII вв. Агавнадзора, Аштарака, Цахац-Кара, Алаяза, Эчмиадзина и др.). Особым разнообразием композиционных решений и орнаментальной обработки выделяются хачкары XIII в., в чем легко убедиться на примере мемориальных памятников Гошаванка, Сагмосаванка, Бджни, Агарцина, Ахпата, Санаина и многих других архитектурных ансамблей средневековья. Богатство фантазии мастеров постепенно выводит их из одной плоскости обработки поверхности хачкара. Они углубляются в толщу камня, ажурная вязь декора становится многослойной, еще более разнообразной и затейливой. В уникальном композиционном решении хачкара Аменапркич из Ахпатского монастыря используются многочисленные изображения человеческих фигур. Присутствуют они и в хачкарах пещерной церкви Гегардского монастыря.

На территории Армении имеется множество хачкаров не только XII—XIII вв., но и более позднего периода. Их обилие и разнообразие поражают очевидцев. Они монументальны и живописны, строги и трепетны, как и природа земли армянской, неотъемлемой частью которой они стали.

Последним периодом развития искусства хачкаров следует считать XVI—XVIII вв. «Разорение страны турками вызвало еще в XV—XVI вв. широкую волну армянской эмиграции в сторону Западной Европы, на восток и на юг, где начали создаваться новые

очаги национальной армянской культуры... Это экономическое развитие вызвало к жизни целый ряд городов и местечек, расцвет которых падает на XVI—XVII вв. Особенно это относится к некогда крупному культурному и торговому центру Армении г. Джуге (Джульфа) на Араксе; художественным свидетельством этого являются прекрасные по своей резьбе джугинские крестные камни, сложная декорировка которых глубоко традиционна, но вместе с тем и очень своеобразна» [11].

Попытка приобщения хачкаров к иным национальным культурам, имевшая место в последнее время, бездоказательна и надумана [1]. Она основана на искажении значения изобразительной символики христианских сюжетов, домыслах об их «митраизских» корнях, а также о якобы неармянских орнаментальных украшениях. Эта попытка «...крайне тенденциозна по смыслу и духу своему и может только дезориентировать читателя» [12].

Мы не случайно остановились на хачкарах. Их художественная культура, как и культура использования декора в памятниках средневековой архитектуры (от скромного декоративного убранства Ерерукской базилики до живописных рельефов порталов церкви и притвора монастыря Нораванка и часовни апостолов Петра и Павла монастыря Св. Стефаноса), и сегодня оказывает влияние на формирование архитектурно-художественных принципов, доказывая неразрывность общей цепи развития всей армянской архитектуры.

Начиная с нашествия монголов в первой половине XIII в., Армения вновь стала ареной непрерывных войн. Разорение и смерть несли армянскому народу персы и туркменские племена, Тимур и турки-османы. Особенно зверствовали последние, превращая цветущие некогда города и села в груды развалин и преследуя цель физического уничтожения армянской нации и ее культуры. Исключение составляли лишь восточные районы коренной Армении, вошедшие позднее (в 1828 г.) в состав России. В них наблюдалась определенная хозяйственная и экономическая деятельность, велось строительство, но, конечно, не в масштабах предшествующего периода. В церковном и гражданском строительстве (в Ереване, Татеве, Эчмиадзине, Мугни, Аштараке и других местах) мы вновь видим возрождение традиционных архитектурных форм, плановых и конструктивных построений.

Период расцвета армянской архитектуры начался с образованием после многовекового перерыва новой государственности армянского народа — Армянской Советской Социалистической Республики.

До того, как перейти к изложению материала следующих глав, хотелось в обобщенном виде вновь изложить архитектурно-художественные особенности рассмотренных памятников, составляющие основу национального своеобразия армянской архитектуры. Это — органическая

[1] Речь идет о статье Д. А. и М. Д. Ахундовых, опубликованной в брошюре к IV Международному симпозиуму по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.

Монастырь св. Стефаноса. Часовня апостолов Петра и Павла. Деталь портала западного фасада. Апостол Петр. XIII в.

St.Stephanos monastery. Peter and Paul Apostle' chapel. Detail of west facade portal. Apostle Peter. XIII cen.

Ленинакан. Фрагмент средневековой крепости

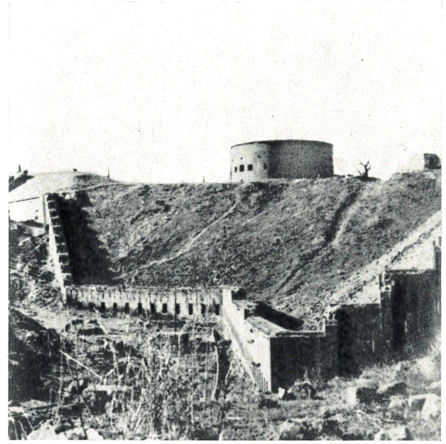
Leninakan. Fragment of medieval church

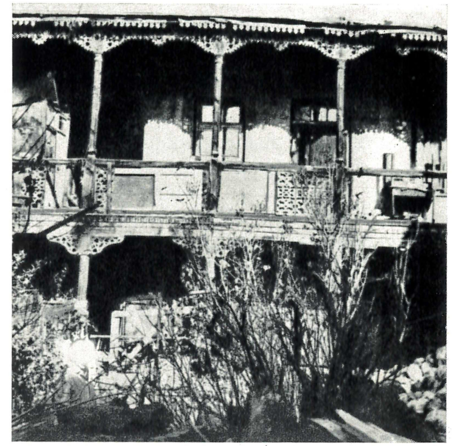
Ленинакан. Жилой дом XIX в. Балконы внутреннего дворика

Leninakan. House, XIX cen. Balconies in patio

Ленинакан. Фрагмент старой застройки города

Leninakan. Fragment of town's old housing development

Историко-архитектурный заповедник «Кумайри». Музей города Ленинакана. Реконструкция

Kumairi-historical and architectural reserve. Leninakan town museum. Reconstruction

пространственная и колористическая связь с окружающей природной средой; стремление к кристаллической структуре построения как предельному выражению равновесия (симметрии); единство архитектурной идеи и инженерной логики; лаконизм архитектурного языка; однородность строительного материала; иерархичность построения элементов здания или комплекса по их значимости от целого к деталям как залог гармоничности архитектурного организма; динамика нарастания архитектурной темы от периферии к центру; гармоничная разработка темы от тектоники к декору при высокой культуре обработки плоскости стены. Вспомним О. Шуази, считавшего, что «...чисто армянский способ украшения, совершенно чуждый византийскому искусству, состоит в покрытии поля стен рядом аркатур то полуциркульной, то подковообразной формы» [13].

Время, выдвигающее перед архитектурой определенные требования, связанные с уровнем общественного развития, играет важную роль в формировании национального своеобразия. Время является и самым строгим судьей. Ведь многие ансамбли, отдельные храмы или гражданские сооружения, которые считаются сегодня лучшими образцами архитектурно-строительного гения армянского народа и воспринимаются специалистами в качестве сугубо национального проявления, в свое время звучали новаторски, возможно, в отдельных случаях даже непривычно и далеко не сразу встали в стройный исторический ряд.

На протяжении всей истории развития архитектуры проблема ее своеобразия неизменно оставалась одной из важнейших, и армянские зодчие решали ее на всех этапах формирования национальной культуры с присущей им глубиной и творческим блеском.

Мы не считали необходимым более подробно останавливаться на историческом материале, касающемся армянской архитектуры досоветского периода ее развития. Он освещен в многочисленных научных трудах [1].

[1] Имеются в виду труды Н. Марра, И. Орбели, Т. Тораманяна, Н. Токарского, А. Якобсона, Б. Пиотровского, В. Арутюняна, О. Халпахчьяна, М. Асратяна, А. Еремян, С. Мнацаканяна, К. Оганесяна, А. Саиняна и др.

2. Становление и формирование новой направленности (1920—1941 гг.)

Становление современной армянской архитектуры непосредственно связано с образованием в 1920 г. Армянской Советской Социалистической Республики. Для армянского народа это был факт огромной исторической важности.

Рассматривая исторические предпосылки формирования современной армянской архитектуры, мы остановились на основных этапах развития средневекового зодчества Армении. Вместе с выработкой ряда кристаллически чистых и четких композиционных структур армянская архитектура всесторонне разработала тему каменной стены, создав национальную школу ювелирной обработки камня. Человек, вдохнувший жизнь в инертный камень и заставивший его говорить языком искусства, фактически возвел свое творение в категорию вечности подобно природе, неотъемлемой частью которой становятся архитектурные памятники. Каждая новая эпоха начинается с болезненного процесса переосмысливания, а иногда и корчевания этих, если можно так сказать, генетических корней. Естественно, что в зависимости от уровня развития нации и «генетического фонда» процесс этот происходит по-разному. Ведь история располагает примерами, когда народы, создавшие в прошлом великие цивилизации и художественные ценности, сегодня, не выделяясь своеобразием, идут в общем русле культурного развития, так как условия жизни, ее требования оказываются сильнее. Не объясняется ли эта болезненность перестройки страхом потери национального своеобразия, которое имеет особое историческое значение для малочисленных народов? Архитектура для армян, подобно письменности, была средством не только сугубо культурного самовыражения, но и борьбы за становление, утверждение и развитие нации, борьбы за выживание против иноземных завоевателей. Ведь последние, стараясь подорвать дух народа и поработить его, уничтожали первым делом памятники материальной и духовной культуры нации. В первой главе мы проследили за тем, как не раз прерывался на сотни лет процесс развития армянской архитектуры в результате завоевания страны Сасанидской Персией, Арабским халифатом, Византийской империей, монголами, турками-сельджуками. И каждый раз с восстановлением независимости наступал период возрождения национальной архитектуры, восстанавливались прерванные временные связи, как уже отмечалось, новый период начинался с того, на чем останавливалось развитие предыдущего.

Особенно длительным и мрачным был период, начавшийся вторжением в Армению в 1386 г. войск Тамерлана (Ленг-Темура), разграбивших почти всю страну. Монголо-тюрков в XV в. сменили не менее свирепствующие кочевые племена кара-Коюнлу и ак-Коюнлу. С начала XVI в. армянская земля становится ареной бесконечных войн между Османской Турцией и Сефевидской Персией. Турецкий историк Ибрагим Печеви, свидетель

варварства османов, писал о том, что турецкая армия, войдя в 1553 г. в Ширак, «. . .разрушила и опустошила селения, уничтожила и сравняла с землей строения» [14]. Зверствовали и персы. В начале XVII в. ими были убиты тысячи невинных, разграблены и разрушены многие города и села Армении, в том числе город Джуга. В 1639 г. происходит очередной раздел Армении между Персией, к которой отходит Восточная Армения, и Турцией, подвергшей жестокому национально-религиозному и социальному гнету население Западной Армении. Несмотря на упорную освободительную борьбу армянских патриотов, такое положение сохраняется до XIX в. Только в 1828 г. Восточная Армения в результате победоносных действий русских войск в русско-персидской войне 1826—1828 гг. присоединяется к России, освободившись от ига персидских ханов. Над населением же Западной Армении нависла угроза физического уничтожения — в конце XIX в. султаном Абдул Гамидом был разработан и начал осуществляться чудовищный план всеобщей резни армян. Только за период с 1894 по 1896 гг. погибло около 300 тыс. чел., сотни городов и деревень подверглись опустошению и разрушению. Наиболее же страшную страницу своей истории армянский народ пережил в 1915—1916 гг., когда потерявшие человеческий облик младотурки осуществили геноцид армян, в результате которого погибло более полутора миллионов человек, среди которых были и многие выдающиеся деятели культуры.

В отдельных районах Западной Армении (Сасун, Ван, Шапин-Гарахисар, Антиохия и др.) население оказало героическое сопротивление варварам, но силы были слишком неравны, так как султанское правительство бросало против беззащитных людей регулярную армию и вооруженные банды разбойников. Державы же Антанты, «. . .считавшие армянский народ своим союзником, фактически не предприняли никаких практических шагов для спасения жертв турецких вандалов. Они ограничились тем, что 24 мая 1915 г. опубликовали заявление, которым возложили на правительство младотурок ответственность за резню армян» [15]. Лишь с помощью русских войск в годы первой мировой войны около 350 тыс. чел. переселилось в Восточную Армению и другие районы Кавказа. Немало армян, спасая жизнь, перебралось в другие страны мира, где до сих пор существуют армянские колонии.

Годы первой мировой войны тяжелейшим бременем легли на плечи народов России. В стране, как и в Восточной Армении, царили разруха и голод. О какой-либо активной строительной деятельности не могло быть и речи.

Таково было положение в Армении накануне Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей глубочайшее воздействие на политическое, социально-экономическое и духовное развитие многих народов мира, в том числе армянского, и приведшей к победе Советской власти в Армении и созданию новой армянской государственности.

Процесс зарождения новой социалистической культуры начался

с первых дней победы Октября, в условиях революционной перестройки окружающего мира. При общей целенаправленности творческих поисков, в зависимости от конкретных условий исторического развития и современного состояния нации, процесс этот принимал определенные формы, отражающие местную специфику.

Важным обстоятельством, оказавшим серьезное влияние на становление армянской советской культуры, в том числе — и архитектуры, явилось то, что в нем участвовало два поколения, путь которых к этому рубежу культурного развития был различен. В 20-х годах в Армению вернулись многие уже признанные деятели культуры, осознавшие перспективы, которые открыла перед их Родиной Советская власть, и отдавшие ей весь свой творческий опыт и знания. В области архитектуры они стояли на позициях широкого использования классического наследия. Более молодое поколение, пришедшее в искусство с революцией или благодаря революции и обладающее обостренным чувством нового, было сторонником более решительных перестроек и новаций.

В смысле же сугубо архитектурной специфики необходимо принять во внимание огромный разрыв, образованный в развитии армянской архитектуры между XIV и XX вв.

В 20-х годах в Армении развернулись крупномасштабные работы по перестройке народного хозяйства, строительству и реконструкции не только Еревана, но и других городов и сел республики. Среди архитекторов, возглавивших строительную деятельность Советской Армении, первым, по праву, называется имя академика Александра Таманяна, признанного зодчего и общественного деятеля.

Основу творческой концепции А. Таманяна, наряду с пониманием исторической миссии архитектуры в процессе национального возрождения, составляла беспрецедентная позитивная верность традиционализму, благодаря которому народ не раз сохранял свое богатейшее культурное наследие. Именно так после арабского владычества в X—XI вв. «зодчие . . . Армении. . . подхватили оборванную нить художественного развития и стали н а р о ч н о с л е д о в а т ь архитектурным формам VII в., ставшим классическими» [16] (выделение наше: А. Г. и М. Т.).

А. Таманян и его единомышленники следовали путем своих предков тысячелетней давности. Они понимали, что первым делом необходимо вернуть завоеванное веками величие армянского зодчества, создать для архитектурного творчества «точку отсчета». Менее чем за 20 лет Советской власти в Армении была «подхвачена оборванная нить» развития национального зодчества, пришедшего в упадок еще в XIV в., и создана основа его нового возрождения. Подобный традиционализм в других условиях мог быть расценен по меньшей мере как консерватизм, но в Армении он был исторически закономерен. В данном случае традиционализм выступал в первых рядах со всеми видами искусств как средство национального самоутверждения и

Старый Ереван. Фото начала XX в.

Old Yerevan. Photo of early XX cen.

подъема революционно-романтического духа народа. В статье «Создадим новую, советскую архитектуру» А. Таманян в 1934 г. писал: «...для развития архитектуры в настоящее время создаются довольно благоприятные условия, нам дана установка: изучить классицизм, античный мир, ренессанс (эпоху Возрождения) и создать новую, советскую архитектуру». И далее: «...у нас в Армении для этого имеются особо благоприятные условия. Природа щедро одарила нас строительными материалами: разнообразные виды туфов, гранит, базальт, драгоценные породы мрамора, оникса, яшмы, конгломератов и других, которые представляют мастеру богатую палитру для художественного оформления как фасадов, так и интерьеров зданий. Эти материалы дают нам возможность создать

подлинную архитектуру, поскольку в то время, когда в других странах архитекторы вынуждены создавать различные формы камня из искусственных материалов, мы имеем возможность создать архитектурные формы из естественного материала» [17].

До того, как перейти к анализу отдельных произведений, скажем, что отношение Таманяна к архитектурному творчеству дополняется и следующим его высказыванием: «Для расцвета архитектуры весьма благоприятным обстоятельством является то, что монументальные сооружения дают возможность включить в архитектуру скульптуру и декоративную живопись, тем самым сделать участником создания архитектурного произведения наших талантливых художников и скульпторов, представляя им чрезвычайно интересное поприще для созидания. Взаимодействие трех искусств (архитектура, скульптура, живопись) приведет к расцвету зодчества» [18]. Четкая и ясная концепция.

Закономерность традиционализма того периода обусловлена также сложившейся, но на первый взгляд парадоксальной, взаимозависимостью этого традиционализма и господствующих в те годы в стране «новых», как это принято называть, конструктивистско-функционалистических направлений. Если в публикуемых декларациях «новые» критиковали традиционность форм и архаичность мышления «классиков», то в вопросах методов строительства они были «пасынками»

План города Еревана 1906—1911 гг.

City of Yerevan plan 1906—1911

Ереван. Фрагмент старой застройки города

Yerevan. Fragment of city old development

40

41

Площадь имени В. И. Ленина в Ереване. Общий вид

V. I. Lenin Square in Yerevan. General view

у традиционного строительного производства.

На деле их здания строились в камне, часто имитируя новые эстетические устремления. С другой стороны, представители этого направления в архитектуре Советской Армении, пытаясь переосмыслить некоторые идеи конструктивистов и функционалистов на конкретной почве, искали проявления национального своеобразия архитектуры в народном зодчестве, на котором во многих аспектах базировалась архитектурная классика. Традиционалисты же, хотя и обвинялись в стилизаторстве, были в этот период более последовательными в вопросе органичности архитектурного формообразования, определенного реальными конструкциями и методами строительства.

Именно взаимосвязанностью указанных направлений объясняется стабильность и непрерывность концептуального развития творческой направленности армянской советской архитектуры, выражающей ее динамическое единство. Конструктивизм 20-х годов в Армении окрашен материализованностью и лиризмом традиционализма и, наоборот, традиционализм 30-х годов — новациями современной архитектуры. Как мы убедимся в последующих главах, это продолжается и в настоящее время. Кроме того, что подобное взаимоотношение в этическом плане может быть оценено как проявление высокой человечности, взаимосвязанность их отдельных формообразующих начал и композиционных приемов, объективно обеспечивали необходимую гармоничность зданий в архитектурной

среде. Таковы застройки небольшой площади у кинотеатра «Москва», кварталов жилого района для рабочих завода СК, северного участка ул. Налбандяна в Ереване, застройка площади им. Майского восстания в Ленинакане. На примерах видно, что продиктованные жизнью рационалистические начала часто бессильны подавить основу сложившейся веками духовной культуры народа и что со временем все лучшие произведения армянской архитектуры, независимо от остроты и новизны заключенных в них идей (а это было и в средние века), выстраиваются в стройную систему. Не это ли феномен армянской архитектуры, национальное своеобразие которой всегда основывалось на глубинных процессах психологического характера?

В широкомасштабной строительной деятельности выработка определенных градостроительных позиций играет первостепенное значение. И А. Таманян не случайно начал с разработки генерального плана Еревана, который был в 1924 г. утвержден правительством молодой республики.

Перед тем как обобщить принципы, заложенные А. Таманяном в перспективу развития города, остановимся на основных положениях первого генерального плана социалистического Еревана, по которому намечался рост населения с 60 до 150 тыс. чел.

В соответствии с натурным планом Еревана, выполненным в 1906—1911 гг., главные улицы города направлены

с северо-востока на юго-запад. Между основным ядром города и ущельем реки Раздан располагалась Ереванская крепость. Город имел множество фруктовых садов и виноградников, склоны же окружающих возвышенностей были оголенными. В основном Ереван был застроен глинобитными домами, в общей среде которых выделялось и немало одно-двухэтажных каменных зданий, несколько церквей и мечетей.

В основе разработки первого генерального плана социалистического Еревана, по утверждению самого автора, использованы «...принцип и формы города-сада, как лучший пример и самый удачный прием в новом градостроительстве» [19]. Исходя из условий местности и существующей системы магистралей А. Таманяном была принята радиально-кольцевая система планировки с созданием новой композиционной оси города «север — юг». Центральное ядро города опоясывалось бульварным кольцом.

Ссылка на «город-сад» в данном случае довольно условна, несмотря на высокий авторитет автора. Принципы, заложенные А. Таманяном в основу запроектированного им генплана Еревана, кроме общности названия и нескольких неполных кольцевых улиц не имеют ничего общего с социально-реформистскими идеями Эбенизера Говарда, изложенными в книге «Города-сады», изданной в 1897 г. Совершенно разнятся они и от осуществленных в начале XX в. городов-садов Лечворт, Уэльвин (Англия), Хеллерау (Германия) и других, несущих на себе печать характерных противоречий, присущих капиталистическому обществу. Говардовская идеализация деревенского уклада жизни в условиях капиталистического города не могла быть приемлемой в новых социальных условиях развития нашего общества тем более, что Ереван формировался как столица республики, его административный, промышленный и культурный центр со всеми вытекающими из этих функций последствиями. Желание же создать по возможности озелененный город, окруженный садами и парками, полностью соответствовало природно-климатическим условиям территории, на которой намечалось развитие Еревана.

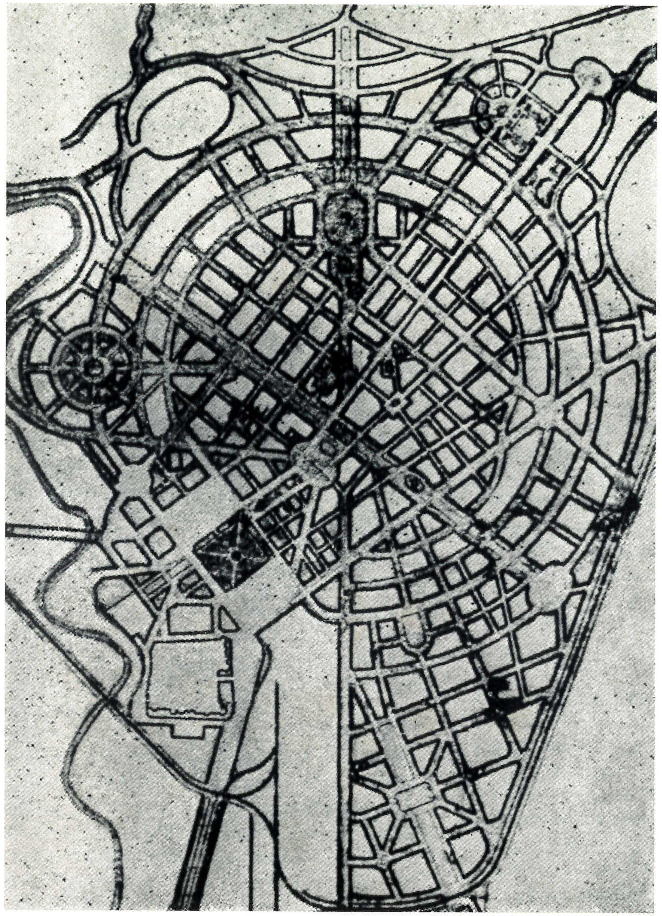
Сохранив исторически сложившуюся сетку улиц центра, А. Таманян вместе с тем предусмотрел коренную реконструкцию организма старого города и его перспективное развитие на базе новых политических и социально-экономических условий.

В соответствии с зонированием города в его основном ядре в пределах бульварного кольца предусматривалось строительство объектов жилищно-гражданского назначения. Фактически город располагался между ущельем реки Раздан и охватившими его полукольцом с севера, северо-востока и востока возвышенностями в виде природного амфитеатра. Промышленная зона располагалась южнее селитебной на более равнинной местности (с учетом направления господствующих ветров). За пределами бульварного кольца в северной части Еревана намечалось создание студенческого городка,

Эскиз генерального плана Еревана 1923 г. Архит. А. Таманян

Outline of Yerevan's master plan, 1923. Arch. A. Tamanyan

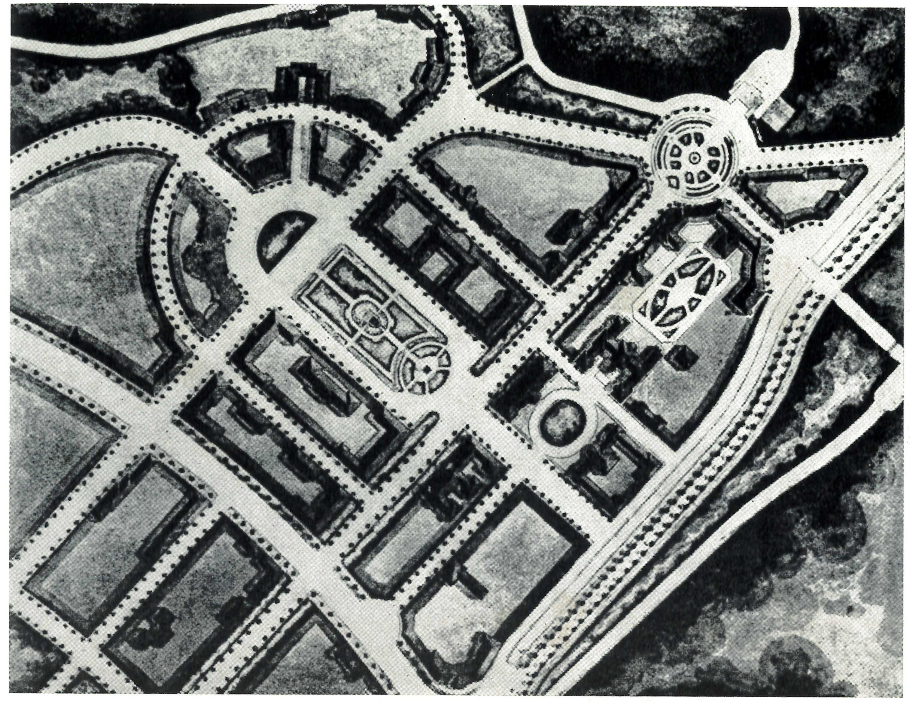
44

45

Ереван. Проект планировки студенческого городка. 1924 г. Архит. А. Таманян

Yerevan. Campus layout design. 1924. Arch. A. Tamanyan

в композиционном центре которого был запроектирован сквер с обсерваторией Госуниверситета и зарезервированы территории для строительства институтских комплексов.

Таким образом, в соответствии с генпланом было предусмотрено четкое функциональное зонирование территории, исходящее из особенностей природно-климатических условий. В прорисовке самого плана явно прослеживается органическое вписание города в природную среду окружения с учетом сложившейся структуры. Создание же новой композиционной оси север — юг пространственно раскрывало город в целом и его застройку на Арарат.

В центре планировочной

композиции Еревана намечалось создание главной административной и общественной площади, носящей имя В. И. Ленина. К ней сводились основные артерии города и от нее же расходилась целая система площадей — в северном и юго-западном направлениях. На главной оси площади предусматривалось воздвигнуть памятник В. И. Ленину, строительство которого было осуществлено в 1940 г.[1].

Связь с расположенной с севера Театральной площадью должна была осуществляться через Северный проспект. В юго-западном направлении от площади имени В. И. Ленина тянулся бульвар, завершающийся площадью С. Шаумяна. Раскрывалось пространство застройки и к югу от площади имени В. И. Ленина, на месте стыка Кольцевого бульвара и радиальных улиц, идущих от центра, чем подчеркивалась композиционная направленность планировочного решения генерального плана.

Центральное ядро города с северо-запада на юго-восток пересекал Главный проспект, проходящий в непосредственной близости от площади имени В. И. Ленина и пространственно связанный с ней. На его оси проектировался бульвар.

Несмотря на то, что непосредственно в центральном ядре города намечалось расширение некоторых улиц, стремление А. Таманяна к сохранению отдельных зданий, сданных в эксплуатацию до утверждения генплана, фактически привело к созданию в этой зоне небольших кварталов, площадью 0,5—3 га.

[1] Скульптор С. Меркуров, архитекторы Л. Вартанов, Н. Паремузова.

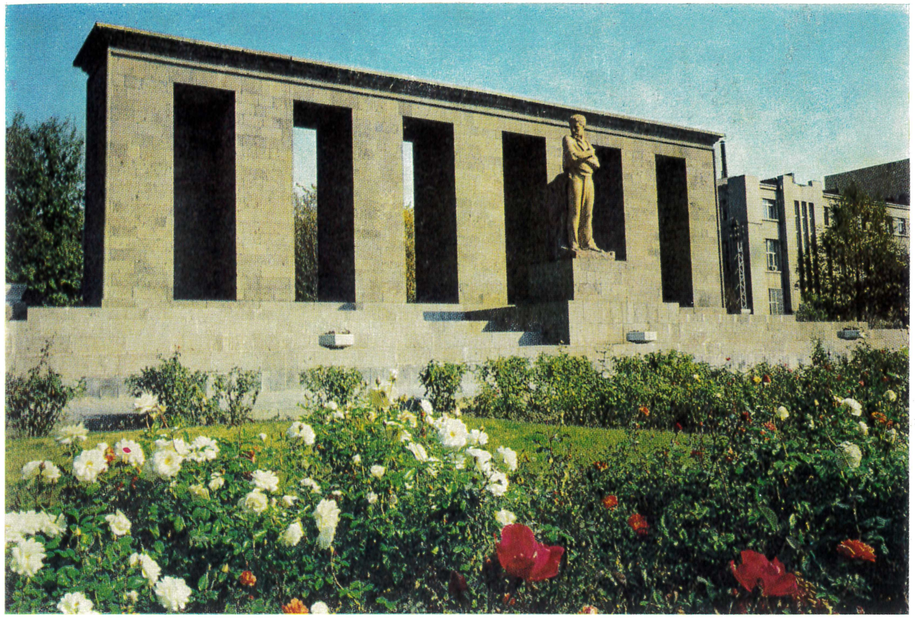
Принятая радиально-кольцевая система планировки позволила создать удобные взаимосвязи между всеми районами города и органически вписаться в природный амфитеатр, образованный склонами Норкского, Канакерского и Саритагского плато.

А. Таманян, хорошо знакомый с русской и мировой градостроительной практикой, писал в защиту своих идей: «Город должен иметь центр и несколько районов, которые должны быть расположены так, чтобы кольцевыми улицами самым коротким путем соединялись друг с другом и чтобы легко можно было обеспечить сообщение с центром города. По соображениям здравоохранения город должен иметь кольцевые зеленые улицы без строений, так называемые «легкие города», через которые чистый воздух достигал бы его центра» [20].

Улучшению природно-климатических условий Еревана было уделено особое внимание. Общая площадь зеленых насаждений по генплану достигала 140 га с выделением под общественную зелень до 15% территории города. С целью создания соответствующих санитарно-гигиенических условий и уровня благоустройства намечалось равномерное распределение озелененных территорий в городском организме. Наиболее крупные массивы зеленых насаждений планировалось создать в ущелье реки Раздан, в районе Комсомольского озера, на окружающих город склонах. Активная роль в формировании городского пейзажа отводилась и водным поверхностям (озеро в ущелье реки Раздан, Комсомольское озеро, ряд более мелких водных бассейнов), значимость которых особенно велика в условиях сухого ереванского климата. В первом генплане Еревана уделено серьезное внимание вопросам создания необходимых непосредственных и визуальных связей с природной средой. Проявилось это в создании композиционной оси города север—юг, ориентированной на Арарат, Кольцевого бульвара, раскрытии перспектив на Арагац, в принятой системе озеленения городских улиц, нормативная ширина которых была завышена на 10 м. Отмеченная система кольцевых магистралей, охватывающая город и раскрывающаяся лишь в юго-западном направлении, т. е. в сторону исторической Ереванской крепости и ущелья реки Раздан, также была продиктована ландшафтом территории.

Памятник С. Шаумяну в Ереване, 1929 г. Скульптор С. Меркуров, архитектор И. Жолтовский

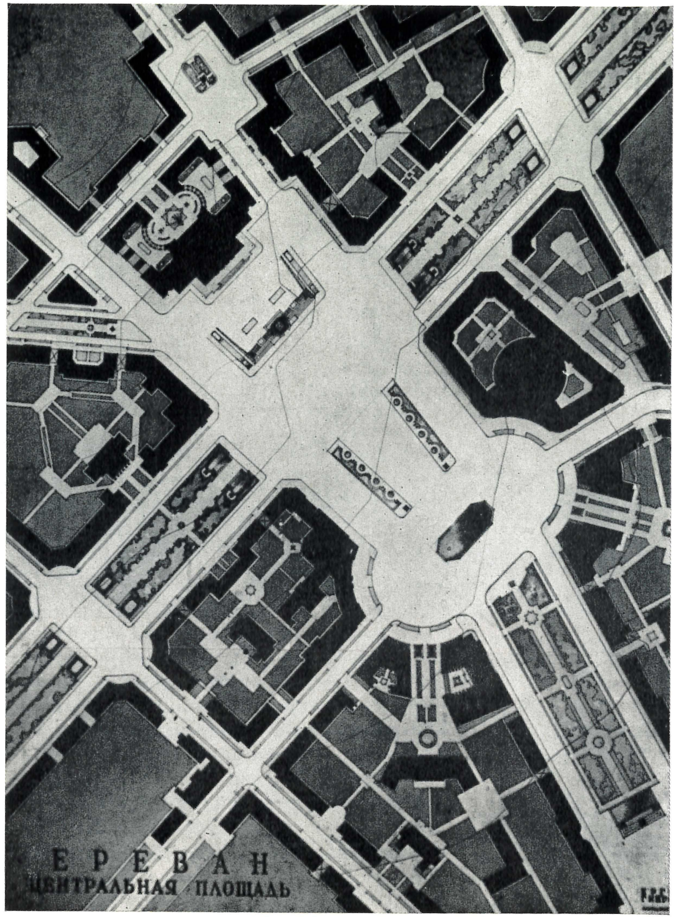
S. Shaumyan monument in Yerevan, 1929. Sculptor S. Merkurov, Arch. I. Zholtovskii

Ереван. Площадь имени В. И. Ленина. Вариант застройки Гипрогора, 1938 г.

Yerevan. V. I. Lenin Square. Giprogor's version of development, 1938

48

Ереван. Памятник В. И. Ленину, 1940 г. Скульптор С. Меркуров, архитекторы Л. Вартанов, Н. Паремузова

Yerevan. V. I. Lenin monument. 1940. Sculptor S. Merkurov, Arch. L. Vartanov, N. Paremuzova

49

Опережая события, скажем, что развитие центра Еревана в юго-западном направлении и в наши дни во многом предопределено идеями, заложенными в первом генеральном плане города. В этой части предусматривалась система площадей различной конфигурации, берущая начало от площади имени В. И. Ленина. Юго-западное направление развития центра было планировочно поддержано созданием радиальных улиц в сторону Конда и южного района города. Наконец, оно закреплялось четко пересекающим центр Главным проспектом, выходящим к ущелью реки Раздан.

Внимательное, творческое отношение к природной среде, принятие планировочных и пространственных решений, вытекающих из особенностей естественных условий территории, ансамблевый подход к решению, казалось, локальных архитектурных задач — все эти и другие характерные черты армянского зодчества были использованы в новом генплане Еревана в сочетании с опытом градостроительной классики.

Генеральный план 1924 г. имел, однако, и отдельные недостатки.

При зонировании города промышленная и селитебная зоны, на наш взгляд, были чрезмерно приближены друг к другу. Стремление к сохранению сложившейся системы улиц привело к формированию ядра селитебной зоны города мелкими кварталами. Вопросы эти активно обсуждались еще в 20—30-е годы. Так, М. Мазманян,

отмечая необходимость пересмотра генплана, писал: «Теперешний Ереван нужно строить, подвергнув некоторым улучшениям существующий проект планировки (например: объединить мелкие участки в крупные жилые комплексы, вследствие чего сократится площадь улиц и т. д.), прекратить жилищное строительство южнее Кольцевого бульвара в сторону вокзала и всю эту территорию отвести под промышленное строительство. . .» [21]. Обоснованно поднимая вопрос необходимости укрупнения жилых кварталов в центре города, М. Мазманян предлагал, однако, чрезмерное приближение промышленного района к селитебной зоне города, тем более без создания защитных полос зеленых насаждений. А. Таманян, как уже отмечалось, наметил в принципе правильное зонирование, но не предусмотрел своевременно между ними необходимого санитарно-защитного разрыва. Момент этот отрицательно сказался на практике застройки Еревана в последующие годы и привел к слиянию промышленных и селитебных территорий города.

Отметим еще одно обстоятельство. Новая композиционная ось Еревана север—юг не нашла четкого планировочного решения не только в генплане 1924 г., но и во всех последующих, чем подтверждается сложность градостроительной проблемы, связанной с осуществлением так называемого Северного проспекта — участка между площадью имени В. И. Ленина и Театральной площадью. Это было убедительно доказано и в процессе рассмотрения материалов многочисленных конкурсов и заказных проектов, как непосредственно на застройку Северного проспекта, так и проектов детальной планировки центра Еревана, выполненных в разные годы различными проектными организациями не только республики, но и страны. Привлекает внимание проект А. Таманяна, в котором ось север—юг решена в виде неширокого пространственного коридора без разрядок.

В целом же, рассматривая в ретроспективе развитие столицы Советской Армении, необходимо отметить, что многие принципиальные положения первого генерального плана Еревана 1924 г. выдержали испытание временем и легли в основу разработок всех последующих генпланов. Более того, там, где были нарушены некоторые его положения (застроен Кольцевой бульвар на участке между пр. Ленина и Кондом, прерван Главный проспект и смещена композиционная направленность площади имени В. И. Ленина строительством здания Картинной галереи Армении и других случаях), был нанесен серьезный ущерб цельности формирования градостроительной идеи, пространственной и планировочной организации города.

Несомненно влияние первого генерального плана Еревана 1924 г. и заданного А. Таманяном на практике уровня градостроительной культуры на разработку генпланов многих других городов, рабочих поселков и сел республики. Будущее развитие Еревана в сторону Канакерского и Арабкирского плато также было

предусмотрено А. Таманяном в его предварительных градостроительных разработках по созданию нового генплана, к которому он приступил в 1935 г., но, к сожалению, не смог завершить из-за смерти.

Работа над генеральным планом «Большого Еревана» с расчетной численностью населения в 450 тыс. чел. была завершена в 1939 г. авторским коллективом Ленгипрогора [1].

Новым градостроительным документом, в основе которого лежало развитие идей первого генплана, намечалось концентрическое расширение территорий вокруг создаваемого центрального ядра с включением в границы перспективного развития Еревана площадок на Арабкирском и Норкско-Саритагском плато, правом берегу реки Раздан в районе Далминских садов, а также поселков Нор-Малатия, Нор-Себастия, расположенных в западной части столицы и Нор-Бутания — на юге. Поддерживая и закрепляя основную композиционную ось города север — юг, авторы продолжали ее в северном направлении на Арабкирском плато. Сохранялась радиально-кольцевая система планировки центрального ядра Еревана.

Вместе с селитебными районами новые промышленные зоны проектировались на свободных территориях в северной и западной частях города, что в последующие годы привело к крайне нежелательным последствиям, нарушило логичность принятого до этого зонирования города и создало значительные градостроительные проблемы, преодолевать которые с каждым годом становится все труднее. Не была преодолена и проблема «мелких кварталов». Задача эта, видимо, авторами и не ставилась, что также вызвало немало трудностей в последующем.

В качестве положительного момента генплана Еревана следует отметить планирование обширных работ по озеленению и обводнению городских территорий: создание лесопарковой зоны на окружающих центральную часть склонах, целой системы парков и ряда бассейнов на базе рек Раздан и Гедар.

Разработка перспективных градостроительных документов в первые десятилетия установления Советской власти приобрела особую значимость в связи с необходимостью определения путей социалистической реконструкции и развития городов и сел Армении.

В 30-е годы были разработаны генеральные планы и двух других крупных городов Армении — Ленинакана и Кировакана.

Экономической базой, на основе которой стал развиваться древний Гюмри — Ленинакан, была текстильная и пищевая промышленность, а также промышленность строительных материалов, связанная с добычей в прилегающих к городу районах туфа, мрамора и пемзы.

Первоначальное строительство, особенно после землетрясения 1926 г., было сосредоточено в основном в центральном районе Ленинакана и велось по проектам застройки, разработанным архит. Д. Числиевым.

[1] Архитекторы И. Малоземов, С. Клевицкий, Н. Заргарян и др.

В соответствии с генеральным планом 1932—1937 гг.[1] намечался рост населения с 60 тыс. до 120 тыс. жителей, а на перспективу — до 200 тыс. с развитием города на север, в сторону равнинных территорий, расположенных за текстильным комбинатом. Этот район города был полностью отведен под жилищное строительство. Расширение промышленных территорий предусматривалось на площадке между текстильным комбинатом и железнодорожной линией Ереван — Тбилиси. Принятое взаиморасположение селитебной и промышленной зон города исходило и из учета основных направлений господствующих ветров (северных, северо-восточных и северо-западных). В основу планировочного решения этой части генплана было положено сочетание прямоугольной и радиально-кольцевой систем организации территории. В старом же городе, где планировалась полная реконструкция, намечалось укрупнение жилых кварталов путем объединения ряда старых кварталов. Это являлось важным моментом как в самой планировочной структуре старого города, так и в стремлении привести отдельные части генерального плана (северную и южную) к единому масштабу.

К исторической части города с запада примыкал большим массивом парк культуры и отдыха, от которого брала свое начало вся система озеленения Ленинакана. Центральная композиционная ось города север — юг объединяла обе его части и была усилена несколькими городскими площадями различных

[1] Автор проекта архит. М. Мазманян.

конфигураций, но подчиненных общему градостроительному замыслу. Завершалась композиция круглой площадью с веерообразно расходящимися от нее лучами транспортных магистралей. Однако органической связи между сложившимся городом и предлагаемой новой структурой в генплане не удалось создать, также как не удалось найти нужный масштаб (планировочный и пространственный). Координально менялся и облик города.

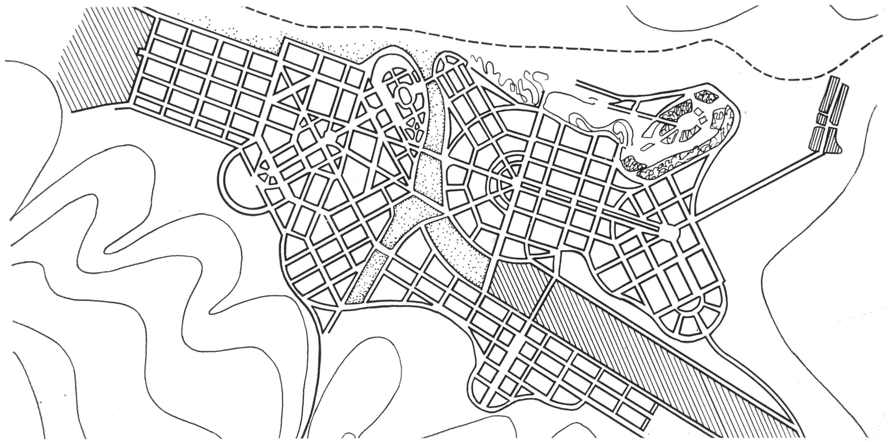
Более реальные пути развития Ленинакана были намечены по генеральному плану 1940 г. с перспективной численностью населения 120 тыс. чел.[1]. Рост города предусматривался как в северном, так и в южном и юго-восточном направлениях с активным включением массивов зеленых насаждений в виде бульваров, парков и санитарно-защитных зон. Большая роль в формировании эстетики города и микроклимата его отдельных частей отводилась водным пространствам.

Интересный градостроительный материал сохранился и по Кировакану. Он свидетельствует об интенсивных поисках, которые вели зодчие республики для определения путей преобразования Кировакана в крупный промышленный центр. Это материалы объявленного в 1928 г. конкурса на проект генерального плана города, а также несколько различных проектов, составленных в основном в 1930-х годах. Среди них выделяются

[1] Архитекторы Г. Давтян, С. Карапетян, П. Манукян, Г. Мурза.

Проект планировки Кировакана, 1934—1937 гг. Архит. М. Мазманян

Kirovakan's layout design, 1934—1937. Arch. M. Mazmanyan

работы К. Алабяна и Г. Кочара (1929—1930 гг.), М. Мазманяна (1934—1937 гг.) и Н. Заргаряна и А. Минасяна (1939 г.).

По первому из них будущий Кировакан в виде раскрытой подковы вписывался в рельеф местности, амфитеатром поднимаясь по склонам окружающих гор. В целом город был вытянут с запада на восток с явно выраженной центральной магистралью, трактованной в качестве бульвара. По обе стороны от нее располагались укрупненные жилые кварталы с учреждениями культурно-бытового обслуживания населения. Линейно развитый общественный центр, также повторяя рельеф, имел несколько изогнутую форму. Формирование жилых кварталов осуществлялось путем сочетания строчной и периметральной (замкнутой) систем застройки с нарастанием объемно-пространственных акцентов от периферийных районов индивидуальной застройки к центру.

В основу разработки планировочной схемы 1929—1930 гг. было положено промышленное назначение города без учета перспектив курортного развития. Проектом предусматривался значительный снос существующих зданий и поэтому его осуществление в натуре оказалось невозможным несмотря на то, что в нем в основном были заложены передовые идеи.

В противоположность первому генплану, по которому город решался одним массивом, проектом 1934—1937 гг. намечалось создание

Схема планировки Кировакана, 1939 г. Архитекторы Н. Заргарян, А. Минасян

Kirovakan's planning scheme, 1939. Architects N. Zargaryan, A. Minasyan

трех крупных образований, органически связанных друг с другом. Каждый из этих районов имел собственную схему развития планировочной структуры, вытекающую из естественных природных условий. Вписав контур генплана и его отдельные элементы в рельеф местности, автор нашел в пределах старого Кировакана правильное взаиморасположение селитебной и промышленной зон, оставив резерв для дальнейшего роста города. Как и в предыдущем проектке планировки, организация жизни населения предусматривалась в укрупненных кварталах. С довольно развитой системой озеленения города увязан был окружающий лесной массив.

В центральной части города с целью объединения отдельных ее частей создавался широкий кольцевой бульвар в виде многогранника. Значительное развитие получил и общественный центр города, запроектированный в форме овала.

Решение схемы городского ядра, несомненно, было задумано под влиянием идей А. Таманяна, воплощенных в центральной части Еревана.

В новом генеральном плане Кировакана 1939 г. были учтены положительные стороны всех предыдущих разработок и создана органическая связь между сложившейся структурой и планировочной сетью новых городских образований. В соответствии с задачами развития народного хозяйства, как и во всех остальных генпланах, город из курортного превращался в промышленный с сохранением, однако, своих изначальных функций.

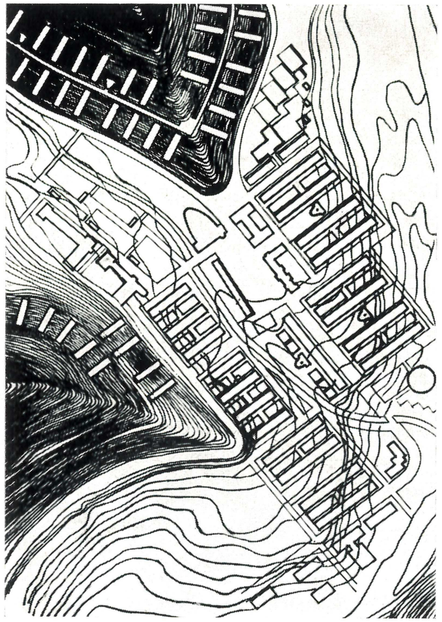
Необходимо остановиться и на генплане рабочего поселка Кафан — одной из интересных и своеобразных градостроительных работ начала 1930-х годов [1]. Будущий поселок автор видел в виде системы крупных жилых массивов, включающих учреждения культурно-бытового обслуживания населения, и территории для строительства двух новых рабочих поселков. Промышленная зона была отделена от селитебной активной полосой зеленых насаждений. Главная же улица, берущая начало от вокзала, являясь основной артерией поселка, тянулась через его территорию до общественного центра, где были сосредоточены культурно-просветительные учреждения. В проекте были учтены природные условия и умело использовано богатое наследие народного зодчества, что выразилось в ступенчатой расстановке домов на крутом рельефе, при которой крыша нижнего дома служит двором-террасой для верхнего. Поселок был разделен на прямоугольные кварталы с земельными участками, отведенными каждому жилому дому. Принятая система создавала максимальные возможности использования территорий в горных условиях и была высоко оценена специалистами.

В довоенный период значительная работа велась архитекторами и в области социалистического преобразования армянской деревни. В организации сельского хозяйства важную роль сыграли укрупненная и коренная перепланировка сел. Одной из наиболее ранних работ в этой области градостроительства был выполненный в 1925 г. А. Таманяном генеральный план поселка Лукашен, планировочная структура которого была заимствована автором у говардовского города-сада. Но среди многочисленных генпланов сел и поселков этого времени было немало выделяющихся своеобразием принятого планировочного решения, вытекающим из сложившейся ситуации и перспектив развития. Это — проекты Вагаршапата и Советашена (А. Таманяна), Паракара и Нораванка (М. Мазманяна), Норагавита (Н. Буниатяна), Арзни, Верин Хатунарха (Р. Григоряна, Г. Кочара), Камарлу (Л. Манучаряна) и др. Села, как правило, разбивались на две части: производственную и жилую. Первая, в свою очередь, подразделялась на производственно-хозяйственную и животноводческую. В жилой зоне вместе с жилыми зданиями

[1] Архит. М. Мазманян.

Генеральный план рабочего поселка Кафан, 1929—1930 гг. Архит. М. Мазманян

Master plan of workers township Kafan, 1929—1930. Arch. M. Mazmanyan

с топографией местности, на которой намечалось строительство. Задачу постепенной ликвидации разницы между городом и деревней некоторые авторы старались решить путем применения в планировке сельских населенных мест принципов и масштабов, присущих формированию городского пространства.

Остановимся на одном из удачных примеров — проекте планировки Вагаршапата (Эчмиадзина), выполненном А. Таманяном в 1925 г. Исходя из сложившейся ситуации (наличия исторических памятников), автор применил для планировки отдельных частей поселка различные принципы: в новой части — радиально-кольцевую систему с ярко выраженными тремя лучами, расходящимися от центральной площади; в старой — увязанную с существующими улицами планировочную систему, усиленную пространственными акцентами в виде площадей и развитой структуры озелененных территорий вокруг Кафедрального собора и других архитектурных памятников. Уличная сеть обеих частей поселка была взаимоувязана, объединяясь в общую систему, несмотря на наличие между ними широкого бульвара. Наглядно прослеживается в генеральном плане Вагаршапата и желание создать необходимые визуальные связи, особенно в исторической части сложившегося поселка.

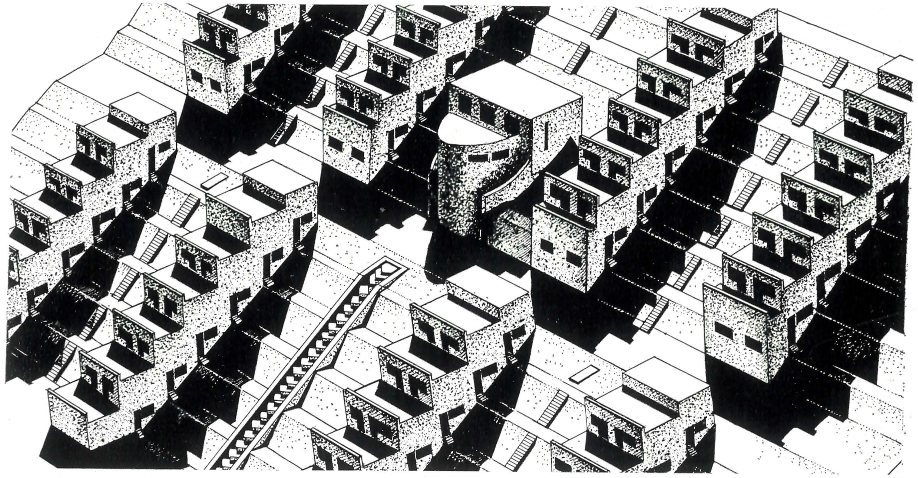
предусматривалось строительство клуба, бани, амбулатории, столовой, детских учреждений, прачечной и пр. Активно вводились в структуру нового села массивы зеленых насаждений, проходящие до общественного центра. К сожалению, рисунок генпланов многих сел имел геометрический характер, свидетельствующий об определенной предвзятости принятых схем и не всегда удачной увязке

* * *

Одной из важнейших и острых проблем 1920—1930 гг. была

Кафан. Жилой квартал рабочего поселка. Макет, 1929—1930 гг. Архит. М. Мазманян

Kafan. Workers' township housing quarter. Mock-up. 1929—1930. Arch. M. Mazmanyan

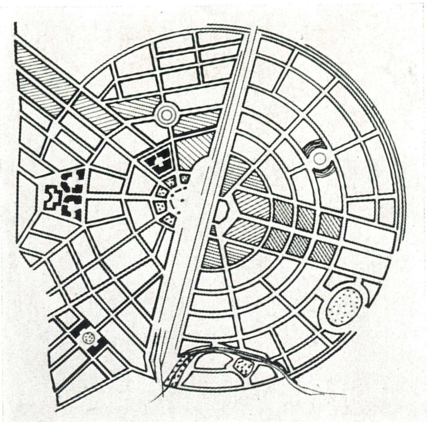

жилищная проблема, которой Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли особое внимание как первоочередной задаче социалистического строительства, требующей от архитекторов и строителей творческого и новаторского подхода.

Первые одноэтажные (реже — двухэтажные) жилые дома Еревана, построенные в 1924—1925 гг., были в явном противоречии с потребностями нового социалистического быта. Приспособленные к нуждам отдельных семейств, они не могли служить базой интенсивного жилищного строительства. Естественно, что вскоре произошел переход к строительству укрупненных домов, к типизации отдельных корпусов и жилых ячеек, к повышению этажности жилых зданий до трех-четырех этажей [1]. Являясь несомненным шагом вперед с точки зрения композиции планов, эти дома все еще не вышли из узких рамок сферы устоявшегося индивидуального быта.

Отсутствие специальных помещений для детских садов и яслей, не говоря уже об отдельных корпусах, вынуждало приспосабливать для этих целей одну из квартир. Аналогичными

[1] К жилым домам этих лет относятся несколько зданий, осуществленных по проектам архит. Н. Буниатяна, жилой дом рабочих Механического завода архит. Г. Баева, общежитие Армводхоза архит. Ф. Агаляна, жилой дом Арменторга архит. Г. Хизаняна и др.

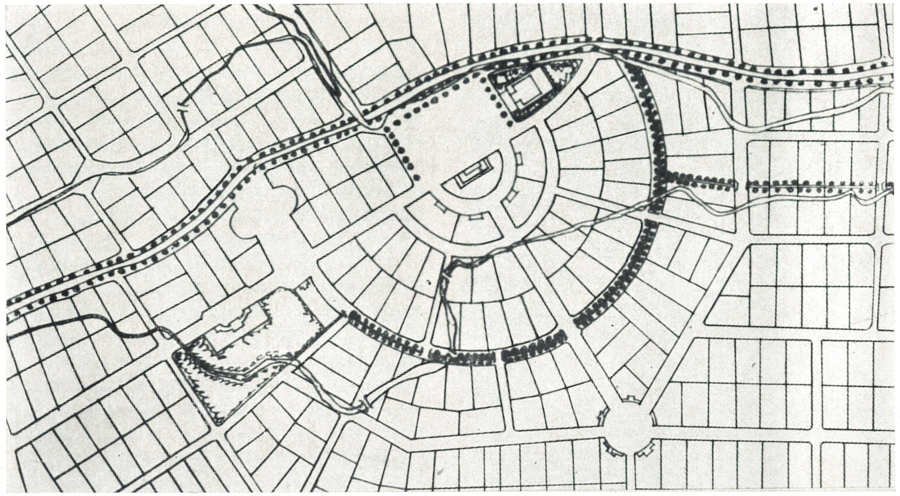

недостатками характеризовалось и жилищное строительство Ленинакана 1926—1927 гг.

Принятие первого пятилетнего плана поставило перед архитекторами и строителями новые важные задачи по промышленному и жилищному строительству. Их успешное решение требовало нового подхода к созданию как непосредственно самого жилища, так и к формированию жилой среды города. Но вместе с тем нельзя было игнорировать огромный исторический опыт и глубокие своеобразные местные традиции народной архитектуры, сложившиеся в различных районах Армении. Процесс творческого поиска был не из легких. Некоторые зодчие (А. Таманян, Н. Буниатян) шли по пути использования классического наследия, в чем можно убедиться по жилым домам по улицам Пушкина (в настоящее время переоборудован под общественное здание), Теряна (за зданием химического факультета Политехнического института), Алавердяна, Маркса, Абовяна (жилой дом ВСНХ) и др. Два жилых дома, расположенных на углу улиц Налбандяна и Туманяна [1], и сегодня, выполняя четкую градостроительную функцию, подкупают правильно найденным масштабом и живописностью фасадов, расположенных симметрично по отношению к ул. Туманяна, обоснованностью принятого планировочного решения (квартиры имеют сквозное проветривание), а в целом образностью архитектуры, решенной в единстве с прилегающим пространством городской среды.

Отдельные архитекторы, решая стоящие перед ними планировочные задачи, в поисках нового образа жилого дома увлекались лишь декоративной стороной оформления его фасадов, не вытекающей органически из всей структуры здания. Таковы жилой дом треста «Арарат» по ул. Налбандяна (архит. Н. Баев, 1927 г.), общежитие рабочих и служащих Наркомздрава по ул. Г. Гукасяна (архит. Г. Хизанян, 1927 г.), жилые дома по ул. Энгельса (архит. Н. Буниатян, 1927 г.),

[1] Запроектированы архит. Н. Буниатяном при участии архит. А. Тер-Аветикян. Построены в 1925—1927 гг.

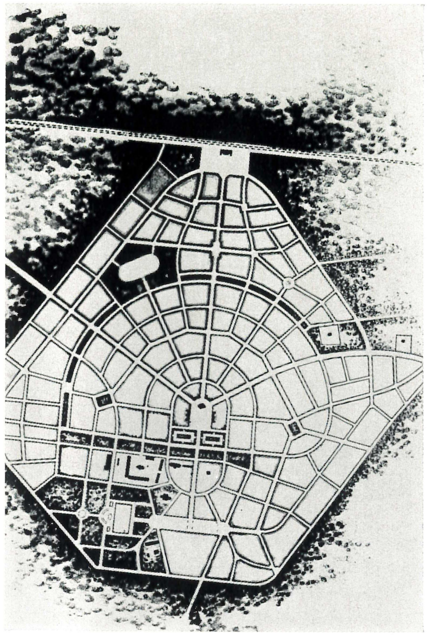
ул. Пушкина (архит. Б. Аразян, 1929 г.) и др.

Однако к концу 1920 — началу 1930-х годов строится и немало жилых домов, обращающих на себя внимание правдивостью архитектурных идей и форм. Таковы жилые дома Зооветинститута и «Айпетшина» (архитекторы А. Агаронян и О. Маркарян), жилые дома «Интернационала» и «Ильича» (архит. Н. Буниатян) в Ереване. На базе накопившегося опыта архитекторами А. Агароняном и О. Маркаряном разрабатывается жилая секция, значительно отличающаяся простотой и удобствами от своих предшественников. Квартиры в ней имели дворовые балконы и были обеспечены сквозным проветриванием, крайне необходимым в природно-климатических условиях Еревана.

Из жилых домов, построенных в эти годы в республике, обращают на себя внимание запроектированные архит. Д. Числиевым двухэтажные двухквартирные жилые дома в Ленинакане. Все три типа дома, расположенных на небольшой площади, созвучны друг другу и несут на себе черты не только самобытной, но и современной архитектуры. Они пространственно организуют площадь, составляя запоминающийся архитектурный ансамбль, органически вошедший в образный строй города.

Проект планировки Вагаршапата, 1925 г. Архит. А. Таманян

Vagarshapat draft, layout, 1925. Arch. A. Tamanyan

В 1929 г. в Ленинакане возводится небольшой жилой комплекс для работников текстильного комбината, составленный из однотипных двухэтажных жилых домов, квартиры которых имели различный набор комнат (от одной до четырех). Архит. Г. Саркисяном с учетом новых требований, а также некоторой оторванности территории от сложившегося города было предусмотрено строительство детских учреждений и магазинов. Применение же для строительства местного черного туфа, оттененного введением красного камня (пилястры, карнизы и другие профилированные элементы), позволило архитектору найти присущий народному жилью Ленинакана колорит.

Интересны были и первые жилые дома, построенные для рабочих Алавердского комбината в Дебетском ущелье по проекту архит. А. Агароняна. Их архитектура в планировочном и пространственном плане исходила во многом из условий крутого рельефа местности.

Вместе с рядом несомненных достижений в градостроительной практике того времени были и значительные недостатки, выразившиеся, в частности, в распыленности жилищного строительства, в отсутствии комплексной поквартальной застройки городов. Периметральная застройка небольших по размеру кварталов, как уже отмечалось, лишала возможности организации системы культурно-бытового обслуживания населения. Магазины, детские сады и ясли были, как правило, встроенными.

В градостроительстве Советской Армении 1930 г. был отмечен первым опытом проектирования отдельного жилого квартала (для рабочих ЕрГЭС), не получившим, к сожалению, полного воплощения [1]. Осуществленный строительством в 1931—1932 гг. на ул. Кармир Банаки в Ереване трехэтажный жилой дом был назван в народе «шахматным» из-за принятого порядка чередования на фасаде лоджий. При его проектировании, как утверждали это и сами авторы, был использован опыт сельского жилого дома. Галерейного типа «шахматный» дом состоял из квартир, приспособленных к потребностям отдельных семейств. С учетом необходимости обобществления культурно-бытовых запросов жителей авторами на том же участке вместе с жилыми домами было предусмотрено строительство отдельных зданий для столовой, клуба, детского сада, яслей и прачечной.

[1] Архитекторы К. Алабян и М. Мазманян.

Творческим развитием передовых принципов в жилищном строительстве явился проект планировки и застройки жилого района для рабочих завода синтетического каучука в Ереване [1]. В нем архитекторы постарались ответить на все вопросы, связанные с организацией нового быта населения, комплексно решить архитектурно-планировочные и инженерные проблемы.

Жилой район планировалось создать из восьми крупных жилых кварталов, к которым с севера примыкал парк культуры и отдыха. Принятая прямоугольная система с централизацией общественных услуг обеспечивала развитие района на будущее вдоль центральной композиционной оси. Принципы формирования района, наряду с защитой от отрицательных воздействий ереванского климата, предусматривали наилучшую организацию быта. Жилые кварталы, расположенные на равнинной местности, были сгруппированы вокруг общественного центра, где предполагалось разместить площадь, школу и клуб. Они имели форму квадрата со сторонами 200 м. В квартал, кроме жилых домов, входили детский сад, ясли, библиотека-читальня, магазин. Каждый квартал, в свою очередь, состоял из четырех равных частей, имеющих замкнутую с трех сторон застройку. Четвертый угол корпуса со стороны общего двора оставался свободным, благодаря чему внутреннее пространство малого двора раскрывалось к центру квартала. Жилые кварталы были расположены под углом к господствующим ветрам. Подобная застройка, создавая полузамкнутые дворы, обеспечивала максимальную защиту от пыли и ветра. С другой стороны, она не была лишена и некоторых недочетов, выразившихся, в частности, в отсутствии сквозного проветривания указанных дворов, недопустимого в условиях жаркого ереванского лета. Определенные недостатки имели и квартиры: узкие коридоры, стесненная кухня, отсутствие ванной комнаты и др.

Однако в целом жилой район для рабочих завода СК в Ереване, особенно с градостроительной точки зрения, занимает важное место в истории современной армянской архитектуры как первый опыт создания укрупненного жилого массива.

На развитие жилищного строительства страны и, в том числе, Советской Армении определяющее влияние оказали решения

[1] Авторский коллектив — архитекторы Г. Кочар, М. Мазманян, Н. Маркарян, С. Сафарян, 1930—1932 гг.

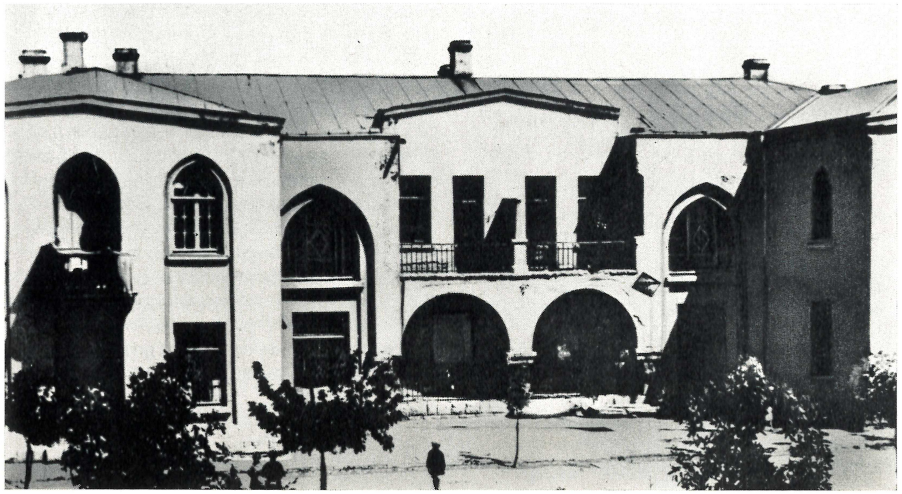
Жилой дом на проспекте Ленина в Ереване, 1930-е годы. Архитекторы С. Сафарян, А. Нушикян

Residential building in Lenin Avenue in Yerevan, 1930s. Architects S. Safaryan, A. Nushikyan

Жилые дома в Ленинакане, 1926—1927 гг. Архит. Д. Числиев

Houses in Leninakan, 1926—1927. Arch. D. Chisliyev

Жилой дом по ул. Кармир Банаки в Ереване, 1931 г. Архитекторы К. Алабян, М. Мазманян

House in Karmir-Banaki Street in Yerevan, 1931. Architects K. Alabyan, M. Mazmanyan

Ереван. Жилой дом преподавателей Зооветеринарного института по ул. Налбандяна. 1929—1931 гг. Архитекторы А. Агаронян, Н. Маркарян

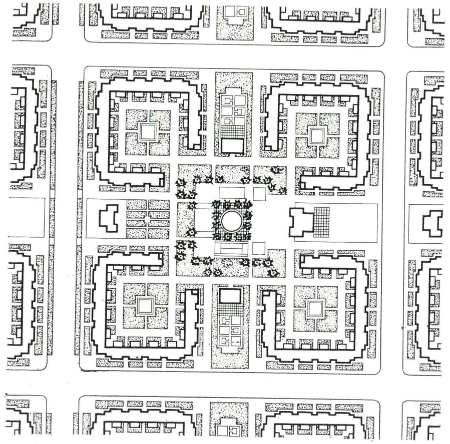
Yerevan. Dwelling for lecturers of Zooveterinary Institute in Nalbandyan Street, 1929—1931. Architects A. Agaronyan, N. Markaryan

Ереван. Квартал жилого района для рабочих завода СК. Генеральный план, 1930—1932 гг. Проект. Архитекторы Г. Кочар, М. Мазманян, Н. Маркарян, С. Сафарян

Yerevan. Residential area quarter for SK Factory workers, design. Master plan 1930—1932. Architects G. Kochar, M. Mazmanyan, N. Markaryan, S. Safaryan

XV съезда ВКП(б), состоявшегося в конце 1927 г., и постановление СНК СССР от 23 апреля 1934 г. «Об улучшении жилищного строительства». За довольно короткое время жилая архитектура сделала большой и качественно заметный шаг в направлении комплексного решения поставленной проблемы. Была значительно улучшена планировка квартир и укрупнен масштаб отдельных зданий и жилых образований, сыгравших положительную роль в формировании ансамблей многих улиц Еревана, Ленинакана, Кировакана и других городов республики. Из жилых зданий, построенных в Ереване в 30-е годы, к числу наиболее удачных следует отнести дома по ул. Абовяна (архит. А. Тер-Аветикян), Дом профессоров по ул. Абовяна (архит. С. Сафарян), дома специалистов по ул. Московян и Дом артистов по проспекту Ленина (архит. М. Григорян), дом горсовета по проспекту Ленина (архитекторы С. Сафарян, А. Нушикян), так называемый «Жилкомбинат» по проспекту Ленина (архит. Н. Буниатян), жилой дом по ул. Туманяна (архит. О. Халпахчьян). Этот список можно было бы продолжить. Но важнее сказать о том, что их объединяет. В архитектуре большинства зданий этого периода широко использованы фактурные возможности естественного камня. Их авторы активно оперируют на фасадах акцентами в виде балконов и лоджий, тактично применяя декор. Правильно найденный масштаб этих четырех-, реже пятиэтажных зданий, их живописная архитектура организовали определенное пространство города, его среду, создали образ таких городских магистралей, как проспект Ленина, улицы Абовяна и Налбандяна.

Характерен в этом плане Дом профессоров по ул. Абовяна, в котором мастерски решен ряд функциональных и эстетических вопросов. Касается это как планировки двух- и трехкомнатных квартир, имеющих двухстороннюю ориентацию, так и сдержанности и органичности решения фасадов. Главный фасад дома, ориентированный на северо-запад, имеет широкие лежачие окна, поддерживающие горизонтальный ритм лоджий. В противоположность многим жилым

Ереван. Общий вид квартала жилого района для рабочих завода СК, 1932 г.

Yerevan. General view of residential area quarter for SK Factory workers, 1932

домам этих лет в целях усиления выразительности фасадов в данном случае лестничные клетки и входы расположены со стороны улицы. Их вертикальный ритм и пропорции органически дополняют и подчеркивают лаконизм главного фасада дома, выложенного из чисто тесаного артикского туфа.

Параллельно со становлением и развитием градостроительной культуры шло формирование творческой направленности новой армянской архитектуры.

* * *

Обыкновенно считается, что «в послереволюционный период существовала историческая мотивированность воинственного оттеснения на второй план в сознании многих мастеров культуры традиций, наследия. Обращение к традициям, историческому наследию началось позже, в 1930-е годы, когда остро встал вопрос о необходимости соединения новаторского эксперимента с историческим опытом и старая школа и ее мастера как носители этого опыта выступили на передний план творческой жизни» [22]. В архитектуре Советской Армении процесс этот

начался не в 1930-е годы, а с первых же шагов ее становления и протекал в своеобразных условиях, о которых шел разговор в начале главы. Наиболее яркое воплощение нашел он в Доме правительства Армянской ССР, строительство которого на центральной площади города началось закладкой в 1926 г. фундамента здания Народного комиссариата земледелия [1]. Здание это не только задало масштаб площади имени В. И. Ленина, предвосхитив в целом решение ее архитектурного ансамбля, но и определило основную направленность зодчества Советской Армении в ответственные годы ее становления.

Решенный в плане в виде многоугольника сложный организм Дома правительства сформирован вокруг внутреннего двора. Конфигурация здания и его композиционные акценты продиктованы градостроительной ситуацией. Касается это, как неосуществленного строительством во дворе главного объема здания, расположенного на композиционной оси города север—юг и призванного, по замыслу зодчего, поддержать ее, так и наиболее развитой в пространственном плане с большим тактом декорированной центральной части, выходящей на площадь имени В. И. Ленина. Мощные арочные проемы, акцентированная на месте изменения конфигурации площади (перехода от ее прямоугольной части к овальной) башня с часами, активная игра объемов и светотеней, особенно в местах переходов, сочетаются в Доме правительства с более спокойной и сдержанной архитектурой

[1] Архит. А. И. Таманян.

фасадов, обращенных к улице Мелик-Адамяна и к проспекту Октемберян. Небезынтересно отметить, что в одном из вариантов планировки площади имени В. И. Ленина, выполненных А. Таманяном в 1932 г., установка памятника В. И. Ленину намечалась в северо-восточной части площади, на месте сегодняшних бассейнов, а пространство площади, обтекая памятник, органически сливалось с Главным проспектом.

Примененная в архитектуре Дома правительства декоративная орнаментика [1] на практике возродила древнейшее искусство резьбы по камню, нашедшее широкую поддержку на всех последующих этапах развития современной армянской архитектуры. Наряду с этим отдельные акценты фасадов, как и отдельные объемы здания, сливаются в единую каменную симфонию, придавая сооружению одну из характерных черт лучших образцов армянского зодчества — архитектурно-скульптурную выразительность.

Архитектурой Дома правительства А. Таманян еще в середине 1920-х годов блестяще доказал возможность правдивого выражения образа общественного здания путем творческого осмысления богатого наследия национального зодчества и классических принципов формирования архитектурного пространства.

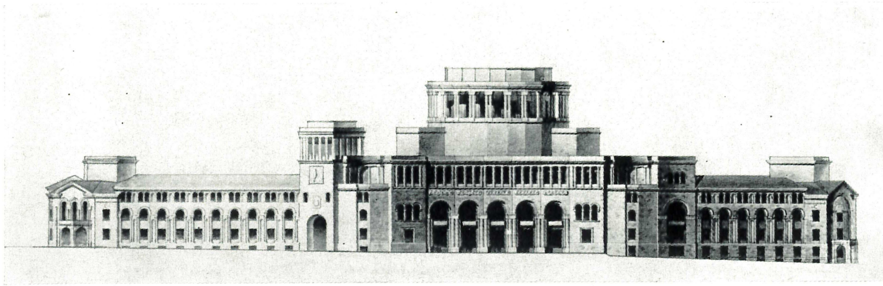
[1] В ее осуществлении принимали участие скульпторы С. Степанян, В. Мелик-Авакян, художник Тарагрос.

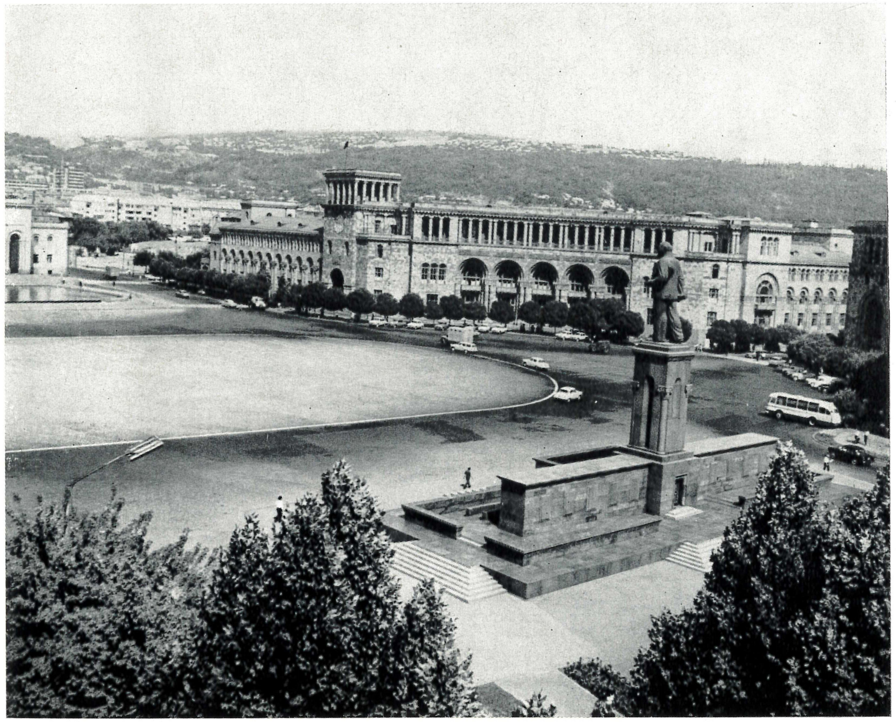
Проект Дома правительства Армянской ССР, 1926 г. Архит. А. Таманян

Desing of Armenian SSR Government House, 1926. Arch. A. Tamanyan

Ереван. Площадь имени В. И. Ленина

Yerevan. V. I. Lenin Square

Ереван. Дом правительства Армянской ССР. Капитель. Скульптор С. Степанян

Yerevan. Armenian SSR Government House. Capital. Sculptor S. Stepanyan

Ереван. Дом правительства Армянской ССР. Вид с площади. Архит. А. Таманян

Yerevan. Armenian SSR Government House. View from the square. Arch. A. Tamanyan →

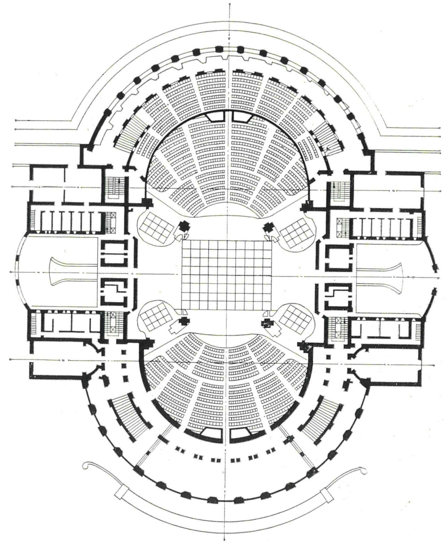
Не менее важна роль и другого общественного здания, построенного в те годы в Ереване по проекту А. Таманяна — Театра оперы и балета им. Спендиарова, задуманного вначале в качестве Народного дома — также нового по назначению общественного сооружения для представлений и народных празднеств.

В соответствии с генпланом 1924 г. здание было расположено на Театральной площади, в качестве одной из доминант композиционной оси север—юг, чем ему придавалось, наряду с Домом правительства, первостепенное значение в становлении и формировании архитектурно-художественного образа Еревана. Его монументальным, выразительным объемом был задан масштаб всему городу.

Сохранившиеся многочисленные чертежи Таманяна свидетельствуют о неотделимости таланта от трудолюбия, направленного на поиск художественных откровений.

Первоначальный вариант Народного дома был запроектирован автором с зимним и летним залами. К летнему залу, окруженному колоннадой, примыкал непосредственно парк, который должен был служить по замыслу автора в качестве фойе. После начала строительства здания в 1930 г. Таманян продолжил работу над проектом, объединив в едином объеме два зала — театральный и концертный. В плане, имеющем овальную форму, они расположены симметрично, что нашло отражение в объемно-пространственном решении здания. Два мощных полукруглых яруса здания венчаются не менее мощной, но лаконично обработанной сценической коробкой. Кроме осуществленного на фасаде довольно сдержанного декора, намечалось завершить второй ярус декоративными вазами и скульптурами, что соответствовало отношению Таманяна к синтезу искусств.

Здание театра оперы и балета им. Спендиарова не только несло на себе важную градостроительную функцию, но и утверждало принципы, которые отстаивал выдающийся зодчий в процессе развития социалистической архитектуры Армении. В небольшом здании Ереванской ГЭС-1, сооруженном еще в 1923 г. на левом берегу Раздана, и в проекте насосной станции на озере Айгер-лич (1925 г.) А. И. Таманян впервые постарался переосмыслить национальные архитектурные традиции и решить новую тематику. «В общей композиции архитектурных сооружений гидростанции я пытался

использовать мотивы древней армянской архитектуры и местные строительные материалы (базальт). Необходимость композиционной увязки объемов сооружения и плоскостей их фасадов с базальтовыми скалами ущелья диктовала самые элементарные и упрощенные архитектурные формы и грубую обработку поверхности камня. Обогащающими элементами сооружения явились башня с электрическими часами, черепичная

крыша, потоки воды и обилие зелени»,— писал Таманян о Ереванской ГЭС-1 [23].

Постройки академика А. И. Таманяна в Ереване по праву считаются «...вершиной поисков национального своеобразия архитектуры» [24].

На формирование творческой направленности периода становления армянской советской архитектуры значительное влияние оказали труды Тороса Тораманяна — выдающегося исследователя древнеармянской архитектуры, ученого-архитектора. Т. Тораманян не только изучал археологические памятники, обмерял многочисленные уникальные творения армянской архитектуры V—VII вв., научно определил самостоятельное место зодчества Армении в истории мировой архитектуры, но и своими многочисленными трудами и публикациями сделал все это достоянием тысяч людей и главное — достоянием специалистов, заложив основы систематизации древнеармянской архитектуры.

Изучением исторических памятников в эти годы занимались и многие зодчие-практики. В их числе — Александр Таманян, который был председателем Комитета по охране и реставрации исторических памятников, Николай Буниатян (Буниатов)— главный архитектор Еревана в 1924—1938 гг. и др. Борясь с механическим «освоением» исторического наследия, Н. Буниатян призывал к его изучению, которое, как он считал, «...особенно необходимо теперь, когда грандиозное строительство в социалистических республиках Закавказья часто грешит механическим перенесением типов сооружений, мотивов и прочих

элементов, не отвечающих местным условиям, климатическим требованиям, либо беспринципно механически копирующих приемы исторической архитектуры с древних памятников» [25].

Н. Буниатян построил в Ереване, кроме жилых домов, значительное число общественных зданий. В их числе — гостиница «Интурист» (ныне «Ереван»), здание сельхозбанка и гостиница «Севан». Гостиница «Интурист», благодаря своему угловому расположению и принятому композиционному решению, активно участвует в формировании как небольшой полукруглой площади, так и ул. Абовяна. В архитектуре здания налицо сильное влияние классического наследия. В немалой степени, видимо, довлел над зодчим и складывавшийся в те годы образ жилого дома, что явно просматривается на фасадах со стороны ул. Абовяна, тогда как центральная часть усилена спаренными колоннами, поднимающимися на высоту двух этажей. Но мастерством зодчего темы эти объединены в цельный организм; архитектура же соразмерна человеку и пространству, на которое она работает.

Здание сельхозбанка, расположенное на площади им. С. Шаумяна, характеризуется желанием автора найти в архитектуре нового общественного сооружения конкретные формы и средства выражения, созвучные исторической армянской архитектуре. Но желание зачастую расходится с действительностью. Несмотря на то, что здание полностью построено

в базальте и имеет значительный набор традиционных для национального зодчества элементов (арки, пилястры, фронтоны, узкие оконные проемы, колонну по оси главного входа и т. д.), единства образного мышления достигнуть в нем архитектору не удалось. Расположенная углом центральная часть здания многословна и тяжеловесна, она не вяжется с архитектурой двух других фасадов с их широкими проемами и немасштабными элементами.

На противоположной стороне площади С. Шаумяна находится здание гостиницы «Севан», которое отличается градостроительным подходом к решению поставленной задачи и логичностью принятой композиции, увязанной с памятником С. Шаумяну — твореньем скульптора С. Меркурова и архит. И. Жолтовского. Архитектуру гостиницы характеризует цельность, акценты — функционально и пространственно оправданы, удачно использована различная фактура базальта и туфа. Она как бы утверждает отказ ее автора от принципов, продемонстрированных в здании сельхозбанка.

Таким образом, творческое кредо Н. Буниатяна наиболее ярко проявилось в таких его произведениях, как гостиница «Ереван», жилые дома на углу улиц Налбандяна и Туманяна, гостиница «Севан» в Ереване. Здание же сельхозбанка, построенное в 1927—1930 гг., ярко свидетельствует о серьезных трудностях, стоявших в новых условиях на пути творческого освоения наследия.

Против механического подхода к использованию в современной архитектуре исторического наследия выступали и представители молодого поколения пролетарских архитекторов — вопровцы, провозгласившие в своей Декларации: «Мы за овладение культурного прошлого, за изучение ее методом марксистского анализа, но не для подражания и механического использования исторического опыта в процессе создания пролетарской архитектуры» [26]. Организация пролетарских архитекторов Армении (ОПРА), созданная в 1929 г., не отвергая национальную культуру своего народа, отвергала «...эклетическую архитектуру и метод эклектиков, механически копирующих старую архитектуру, слепо подчиняющихся классическим канонам и схемам» [27]. В подтверждение сказанного в начале главы относительно принципов связи молодых архитекторов с конструктивистами уместно привести еще одну выдержку из Декларации опровцев: «Мы отрицаем конструктивизм с его абстрактным изобретательством, слепым подражанием и механическим перенесением на нашу почву техники Запада, не считаясь с местными условиями, реальными возможностями, наличием материалов и экономическими факторами, с его чрезмерным забеганием вперед в решении социально-бытовых задач» [28].

Наиболее острой критике в 1920—1930 гг. подверглось творчество Н. Баева, автора зданий Госбанка; Министерства юстиции и Дворца пионеров.

С годами представители молодого

Ереван. Здание Зооветеринарного института. Общий вид, 1928 г. Архит. А. Таманян

Yerevan. Building of Zooveterinary Institute. General view, 1928. Arch. A. Tamanyan

Здание гостиницы «Севан» в Ереване, 1930—1934 гг. Архит. Н. Буниатян

Sevan Hotel in Yerevan. 1930—1934. Arch. N. Buniatyan

поколения армянских архитекторов стали успешно обращаться к классическому наследию национального зодчества. Проявлялось это в основном в архитектуре общественных зданий, на нескольких примерах которых считаем своим долгом остановиться.

Строительство кинотеатра «Москва» относится к началу 1930-х годов, т. е. к периоду, когда его авторами Т. Ерканяном и Г. Кочаром был накоплен определенный опыт проектирования и возведения зданий, в том числе кинотеатров (в Кировакане и Дилижане — Г. Кочаром, в Алаверди — Т. Ерканяном). В кинотеатре «Москва» не просто была разработана тема двухзального зрелищного сооружения, а найдена ярко выраженная новая, современная трактовка накопленного национальной архитектурой опыта пространственного мышления и формообразования. Композиционное решение здания вытекает из сложившейся градостроительной ситуации, связанной с расположением участка между существующими городскими магистралями и небольшой площадью, на которую и был ориентирован главный фасад. Выразительно и художественно осмысленно не только объемно-пространственное построение кинотеатра, полукружье фойе которого объединяет два кинозала, но и использование различных естественных камней Армении в архитектуре фасадов здания: все конструктивные и выступающие из серого базальта, а промежуточные части стен облицованы светло-желтым туфом. Со стороны ул. Абовяна первый этаж решен в виде лоджии, расположенной перед торговыми помещениями. Органично были решены и интерьеры здания, особенно просторное фойе, претерпевшее в наши дни реконструкцию, в результате которой утеряна цельность первоначальной художественной концепции авторов.

Армянская архитектура издревле отличалась удивительной гармоничностью с природной средой. Сложность решения этой важнейшей творческой задачи в современных условиях не только не уменьшилась, а даже увеличилась, особенно в урбанизированном пространстве. В этом аспекте приобретает большую значимость каждый творческий успех, к которому, несомненно, можно отнести винные подвалы треста «Арарат» в Ереване, западная часть которых была возведена еще в середине 30-х годов [1].

Многогранно развитая в плане композиция здания винных подвалов повторяет рисунок бровки ущелья реки Раздан, на котором оно стоит. Было бы правильнее сказать, что здание не стоит над естественным обрывом, а является его рукотворным продолжением. Авторы добились гармонии с природной средой

[1] Архитекторы Р. Исраелян и Г. Кочар. В последующем работа над проектированием всего комплекса была продолжена Р. Исраеляном.

Здание ЕрГЭС-1 в Ереване, 1923 г. Архит. А. Таманян

No. 1 hydraulic power plant building in Yerevan, 1923. Arch. A. Tamanyan

Ленинакан. Кинотеатр «Октембер», 1924 г. Архит. Г. Саркисян

Leninakan. Oktember cinema, 1924. Arch. G. Sarkisyan

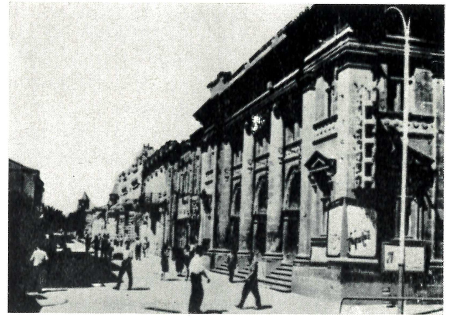
Ереван. Фрагмент застройки города. Справа — Дворец пионеров, 1920-е годы. Инж. Н. Баев

Yerevan. Fragment of city development. On the right — Young Pioneers' Palace, 1920s. Eng. N. Bayev

Площадь им. С. Шаумяна в Ереване. Слева — здание гостиницы «Севан»

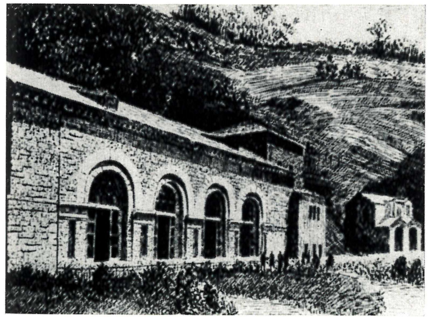
S. Shaumyan Square in Yerevan. On the left — Sevan Hotel building

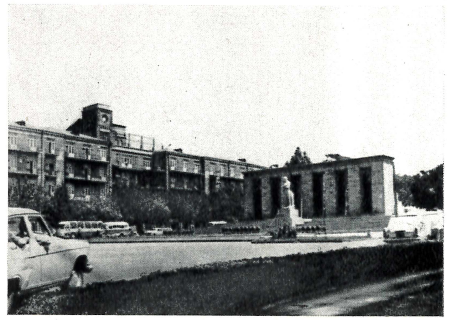

благодаря правильно прочувствованной масштабности сооружения в целом и его отдельных деталей, облицовки здания из грубого обработанного базальта, а главное — пространственной организации здания, созвучной мощным берегам скалистого ущелья. Исходя из этого условия, а также из технологической необходимости, все стены здания, выходящие к ущелью, задуманы глухими. Единственный же вертикальный акцент здания — башня с часами — отодвинута в глубь участка, чтобы не противопоставлять ее базальтовым сталактитам обрыва. Композиционно башня поставлена так, что при восприятии с правого берега окружение ее формируется застройкой городской улицы, а с ущелья воспринимаются лишь стены подвалов. С большим мастерством и огромной выразительностью применен здесь декор в виде известных «портиков с кувшинами».

Редкая по красоте декоративная обработка плоскости стены, умелое и органическое использование мотивов классической армянской архитектуры, исключительная пространственная и цветовая гармония с каменистым ущельем характеризуют это одно из лучших произведений армянской советской архитектуры.

В ином творческом ключе решена Г. Кочаром архитектура Дома творчества писателей Армении на острове озера Севан. Непосредственная близость к средневековым памятникам (церквам Аракелоц и св. Карапета), казалось, должна была продиктовать более традиционное решение, но автор отказался от этого пути.

Понимая, что успех проекта, а потом и самого сооружения во многом предопределяется выбором места, архитектор расположил здание на защищенном от ветра склоне, значительно ниже церквей. Такой подход позволил сохранить сложившийся силуэт, так как строгий ступенчатый объем Дома творчества проектировался на каменистый фон склона. Благодаря правильно выбранному масштабу и развитию раковинообразно раскрывающегося в сторону озера микрорельефа, здание получило хорошую ориентацию и вошло в согласие с доминирующими над всем островом церквами. Созданию масштабной и пропорциональной связи между домом отдыха и природным окружением во многом способствовало также решение первых двух этажей, непосредственно лежащих на рельефе. Облицованы они базальтом, гармонирующим фактурой и цветом с естественной средой, тогда как верхние этажи, читающиеся с нижних точек обзора на фоне голубого неба, облицованы светлой штукатуркой. Выходящие полукругом веранды, повторяющие в общих чертах форму микрорельефа, служат для приема воздушных и солнечных ванн и обзора озера с цепью гор на горизонте. Так было достигнуто эстетическое и функциональное единство этого здания. Забегая вперед, скажем, что в середине 1960-х годов строители вернулись сюда, теперь уже на полуостров, чтобы осуществить новую идею автора — построить выступающий корпус столовой-гостиной. Здание это, к сожалению, значительно нарушило первоначальную гармонию. Оно еще

Здание кинотеатра «Москва» в Ереване. Общий вид, 1933 г. Архитекторы Т. Ерканян, Г. Кочар

Building of Moskva cinema in Yerevan. General view, 1933. Architects T. Yerkanyan, G. Kochar

Ереван. Гостиница «Интурист» (ныне «Ереван»). Проект, 1926—1928 гг. Архит. Н. Буниатян

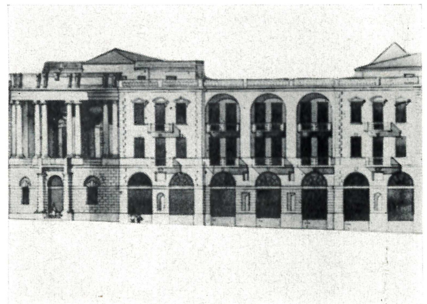
Yerevan. Building of Intourist Hotel (now Yerevan Hotel), 1926—1928. Arch. N. Buniatyan

Ереван. Здание гостиницы «Интурист» (ныне «Ереван»), 1926—1928 гг. Архит. Н. Буниатян

Yerevan. Building of Intourist Hotel (now Yerevan Hotel), 1926—1928. Arch. N. Buniatyan

Дом отдыха писателей на полуострове озера Севан, 1934 г. Архит. Г. Кочар

Writers' holiday home in peninsula of Sevan Lake, 1934. Arch. G. Kochar

Ереван. Винные подвалы треста «Арарат». Общий вид. Архитекторы Р. Исраелян, Г. Кочар

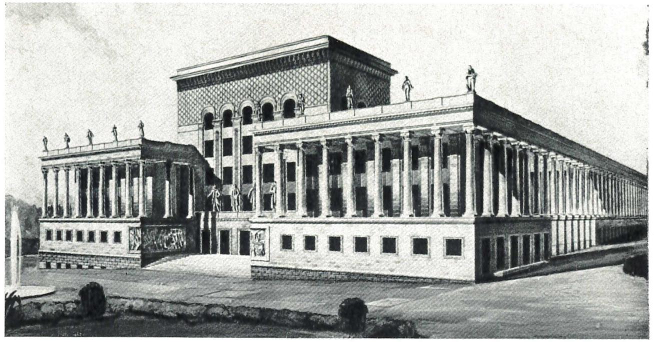
Yerevan. Ararat Trust's wine cellars. General view. Architects R. Israelyan, G. Kochar

раз доказало, что при введении в естественную среду урбанизированных элементов, тем более контрастных необходима предельная тактичность, так как даже незначительные, на первый взгляд, просчеты могут сказаться отрицательно не только на самом сооружении, но и на ландшафте всей территории. Нависающее в виде утеса над прибрежной полосой здание столовой-гостиной внесло явный диссонанс в сложившийся ансамбль и природное окружение. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что не был найден нужный масштаб нового здания, которое, кроме того, было поставлено под углом к основному направлению движения рельефа участка. Тяжеловесны и пропорции конструктивных элементов, которые противоречат задаче создания легкого выносного объема, как это было задумано автором. А ведь аналогичный творческий подход к проблеме, но иное архитектурное воплощение было продемонстрировано Г. Кочаром в композиционном решении, да и во всей архитектуре дома отдыха в Дилижане. Необычное по тем временам для Армении круглое здание высится в окружении зелени густого леса. Богатая природа местности и активные визуальные связи продиктовали автору принцип

Проект Дворца книги в Ереване. Перспектива, 1936 г. Архитекторы Н. Маркарян, М. Мазманян

Design of Books' Palace in Yerevan. Perspective, 1936. Architects N. Markaryan, M. Mazmanyan

разнозначного решения фасадов здания, а в таком случае принятая форма, естественно, явилась наиболее простой и ясной.

К характерным примерам поиска новых выразительных средств в архитектуре Советской Армении периода ее довоенного развития относятся также здания Клуба строителей, бывшего Геологического комитета и Госстраха, Управления Армэнерго, Медицинского института, павильона водной станции, Дворца книги в Ереване, зданий горсовета, гостиницы и кинотеатра «Октембер» в Ленинакане и др. Они разнятся друг от друга архитектурой, свидетельствуя о многогранности творческих поисков.

Клуб строителей, расположенный по ул. Абовяна, состоял из двух основных объемов, один из которых выходил своим крылом на ул. Туманяна. Несмотря на то, что оба здания стояли на участке самостоятельно, они были объединены общим архитектурно-композиционным и стилевым решением, сочетающимся с функциональной четкостью принятой планировки. Хорошо пространственно раскрытые интерьеры театральной части (в настоящее время после реконструкции — здание Русского драматического театра им. Станиславского) сочетаются с характерной для авторов [1] эстетикой фасада, основанной на сочетании горизонтального ритма лежачих окон с пластикой поверхности стены. Исключая введение каких-либо декоративных деталей, они основную ставку в вопросе образной выразительности делают на игру светотеней объемов, чистоту пропорций как отдельных элементов, так и здания в целом, на конструктивную логичность архитектурных форм. Аналогичный

[1] Архитекторы К. Алабян, Г. Кочар, М. Мазманян (1929 г.).

подход был проявлен архитекторами в зданиях Геологического комитета и Госстраха, возведенных на площади им. Азизбекова из артикского туфа. Здесь мы вновь видим сочетание открытых плоскостей стен с прямыми линиями окон, угловые входы, интересные решения функционального плана и другие моменты, отражающие творческий подход авторов к проектам рассматриваемых зданий. «Архитектурное оформление было претворено в ту идею, чтобы без лишних декоративных элементов придать зданию максимальную выразительность его внутреннего содержания, выявив отдельно как общественное учреждение (вертикальными членениями в нижнем этаже), так и жилище (горизонтальным объединением верхнего пояса здания с некоторым выступом вперед)» [29]. Последнее касается здания Госстраха, второй этаж которого был предназначен под жилье для сотрудников.

Однако в более поздних постройках, как это мы проследили на примерах зданий кинотеатра «Москва», универмага по ул. Абовяна, винных подвалов треста «Арарат» и др., авторы продолжили свой творческий поиск, переосмыслив определение принципов и методов использования в современной архитектуре исторического наследия армянского зодчества.

Отмечены в этом плане творческими находками здания Управления Армэнерго (архит. О. Маркарян) и Медицинского института по ул. Абовяна (архит. С. Сафарян). Оба здания решены с учетом важной градостроительной нагрузки, которую они берут на себя в связи с их местоположением на одной из центральных магистралей города.

Здание Армэнерго удачно закрепляет своим объемом открытое пространство на пересечении ул. Абовяна с Кольцевым бульваром, чему способствует акцентированное решение угловой части, поддержанное боковыми корпусами. Отдельные части здания без ущерба их функциональному содержанию решены в едином архитектурном ключе.

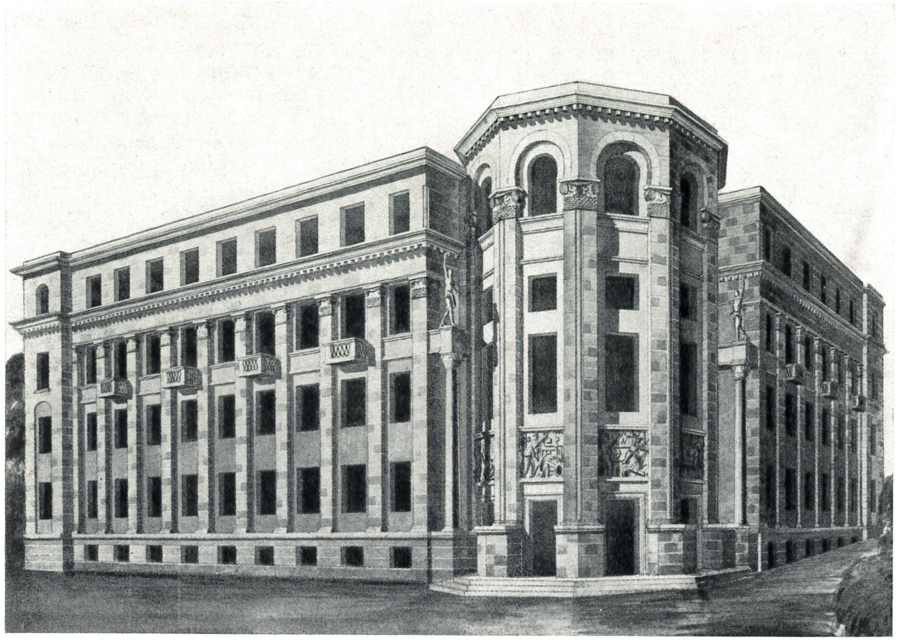
Проект здания Медицинского института, часть которого осуществлена строительством к началу 40-х годов, выделяется присущими творчеству С. Сафаряна качествами: ясностью композиционного решения, однородностью строительного материала и его фактуры (выложено здание из чисто тесаного базальта), сдержанной выразительностью архитектурных форм и только ему присущему эмоциональному настрою. При наличии общего уровня карниза граненые полуколонны и глубокие светотени центральной части не только подчеркивают главный вход, но и усиливают вертикальный ритм пилястр боковых фасадов. Четок и функционально оправдан рисунок плана, в котором все аудитории и другие учебные комнаты обращены во двор. Особенно удачен круглый вестибюль главного входа.

Запоминающийся образ спортивного сооружения создан архит. К. Акопяном. Построенный по его проекту павильон водной станции стадиона «Динамо», архитектура

Здание Армэнерго. Главный фасад. Проект, 1937 г. Архит. Н. Маркарян

ARMENERGO building. Main facade. Design, 1937. Arch. N. Markaryan

82

которого обладала самостоятельной композицией, органически вошел в комплекс Республиканского стадиона. Правильно использовав условия местности, автор расположил павильон на рельефе, связав его с бассейном посредством трибун и лестничных сходов, ставших своеобразным постаментом для здания. Основной темой фасада павильона является пропорционально хорошо найденная, омываемая воздухом и светом колоннада с ризалитами. Общая тональность архитектуры дополняется сочетанием в облицовке павильона камня белого и розового цветов.

Комплекс Дворца книги [1] по

[1] Проект Дворца книги (авторы Н. Маркарян и М. Мазманян) был осуществлен в 30-х годах не полностью, претерпев в последующем значительные изменения в ущерб первоначальному замыслу архитекторов.

83

Проект швейной фабрики в Ереване. Интерьер, 1929 г. Архитекторы Н. Маркарян А. Агаронян

Design of Clothes Factory in Yerevan. Interior, 1929. Architects N. Markaryan, A. Agaronyan

проекту представлял собой замкнутое по периметру двухэтажное здание с многоэтажным центральным объемом, ориентированным на ул. Кирова. Композиционное решение фасадов (осуществленных строительством в 1937 г.) основывалось на сочетании лаконичных плоскостей стен с активно разработанной темой колоннады, часть которой (со стороны ул. Кирова) уже в 60-х годах была разобрана, уступив свое место крайне немасштабной и не имеющей ничего общего с остальной частью многоэтажной «коробке» из железобетона и стекла. Значительно более тактично в те же годы был достроен корпус, выходящий на ул. Исаакяна. Мы не случайно остановились на этом крайне важном обстоятельстве, так как не только в данном случае, но и во многих других в практике современной архитектуры было немало утеряно

из того, что могло представлять сегодня несомненный интерес, особенно в вопросе формирования целостных градостроительных ансамблей. Возвращаясь ко Дворцу книги, отметим, что сохранившийся фасад со стороны ул. Теряна оставляет наиболее благоприятное впечатление. Решен он в виде галереи, образованной протяженной колоннадой, усиленной на углу небольшим выступом. Несмотря на адресность отдельных элементов и, в частности, капителей, в архитектуре, к сожалению, не было достигнуто необходимое функциональное и пространственное единство, а галерея кажется приставленной к скрытому за ней объему.

Однако в целом проект Дворца книги в Ереване можно оценить в качестве положительного опыта на пути творческого поиска в решении задач, поставленных перед новой армянской архитектурой.

Немало интересных творческих находок было и в архитектуре школьных зданий, лечебных и других учреждений республики. Они, как правило, укладываются в общее русло поисков.

Проблема творческой направленности зодчества Советской Армении в период ее становления и развития не могла не коснуться и совершенно новой темы — промышленной архитектуры, некоторые характерные примеры которой (здания Ереванской ГЭС-1 и винных подвалов треста «Арарат») были отмечены нами выше. Особая роль в этом смысле выпала на долю здания Ереванской ГЭС-1 — первенца энергетики республики. Следует выделить также и архитектуру одного из лучших промышленных зданий тех лет — швейной фабрики в Ереване, построенной в 1929—1931 гг.[1].

Далеко не все архитектурные идеи нашли свое воплощение в жизни. Часть из них дошла до наших дней со значительными изменениями, другая, к счастью, меньшая — сохранилась лишь на бумаге (проекты клуба-театра для рабочих «Армтекстиля» в Ленинакане архит. А. Кузаняна, здания техникума в Ереване архит. С. Сафаряна, клуба в райцентре Артик архит. З. Бахшиняна, проекты «Дома-коммуны» для рабочих механического завода в Ереване, клуба архитекторов К. Алабяна и М. Мазманяна и др.).

Подводя итоги огромной работы, проведенной зодчими республики в 1920-х—1930-х годах, необходимо отметить, что именно в эти годы в атмосфере истинно творческого подъема и энтузиазма были заложены основы современной армянской советской архитектуры, создана база, которая позволила успешно пройти все этапы ее развития. Были на этом сложном, временами противоречивом пути, свои просчеты, но заслуга ведущих зодчих республики заключается в том, что они сохранили при этом свои лидирующие позиции, отмечая каждый творческий шаг в архитектуре непроходящими ценностями. Лучшие произведения тех лет и поныне служат своеобразными «точками отсчета».

[1] Архитекторы Н. Маркарян, А. Агаронян.

3. Послевоенный период (1945—1955 гг.)

Первые послевоенные годы были отмечены невиданным пафосом победы советского народа над фашистской Германией. Это оказало огромное влияние на все сферы культурного развития страны. Архитектура не только общественных, но и жилых зданий повсеместно выражала героику военных лет. Скульптурное и лепное убранство зданий, военная геральдика носили ярко выраженный триумфальный характер. В архитектуре Армении середины 40-х и начала 50-х годов, как и всей страны, это художественно-эмоциональное начало нашло свое определенное выражение. Если в довоенный период нетрудно было отметить многоликость творческой ориентации, то в рассматриваемое время все более стало заметно концептуальное единство. Оно стало возможно не только на общей идейной почве праздничности времени. Здесь идея единства народа нашла и общую формальную платформу в армянской национальной архитектуре, возрождение которой началось в предыдущие десятилетия. Кажется, что подобное сужение рамок творческого поиска могло ограничить необходимую свободу зодчего-художника. В чем-то, возможно, это так. Но, как показала жизнь, это была осознанная необходимость. Благодаря такому нормированию формального поиска усилия большого коллектива архитекторов устремились в единое творческое русло. Сила ограничения была столь велика, что даже при имевшей место творческой разобщенности, она в натуре обеспечивала в единой среде номинальную гармоничность и взаимосвязанность отдельных зданий и сооружений. Нормативность архитектурных средств логично вытекала из возможностей ведущей тогда традиционной армянской кладки системы «Мидис».

Арки, карнизы, навершия проемов и скульптурность каменной формы, дополненные выбором неограниченной цветовой палитры армянского камня, синтезировались конкретной архитектурной композицией, которая вытекала из внутренних технологических функций и, главное, из требований внешней среды.

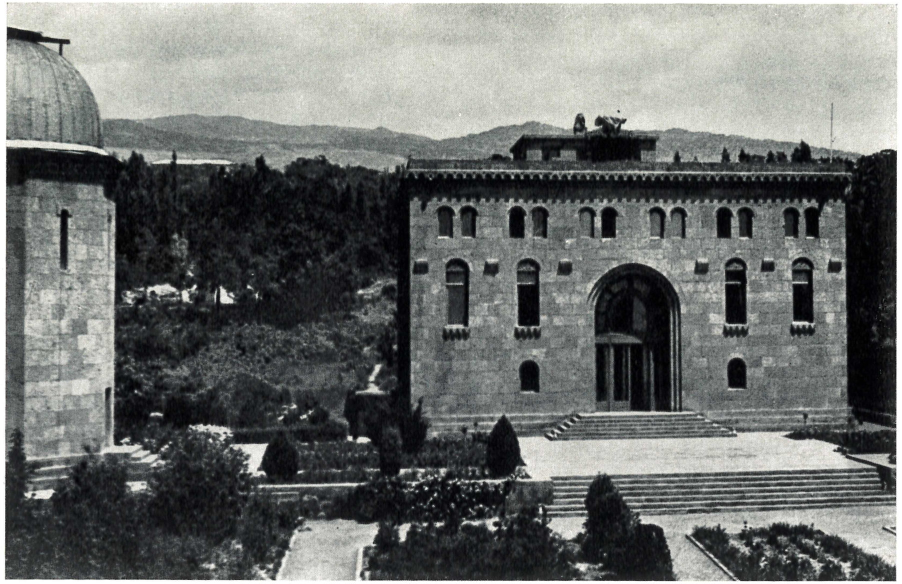
Образно говоря, весь этот ограниченный формальный фонд средств составлял единый и неделимый язык архитектуры, который был в состоянии материализовать сложные градостроительные замыслы. Он был сродни всей национальной культуре, основанной на идее целесообразности, органичности, самоограничения и экономности, подобно храму с единым строительным материалом, пронизывающим все строение снаружи и изнутри.

В этом свете, мягко говоря, становятся весьма сомнительными оценки этого периода деятельности армянских зодчих со стороны отдельных критиков, как выражение стилизаторства. Архитектура Армении этого времени развивала свои собственные традиции, не имеющие ничего общего с прямым заимствованием в свою среду чужих достижений, тем более — ретроспективных. Это был творческий взлет, основанный на исторических процессах, пережитых народом, и на романтике советской действительности.

Проблема новаторства также имела

Комплекс Бюраканской астрофизической обсерватории, 1945—1950 гг. Архит. С. Сафарян

Complex of Byurakan Astrophysical Observatory, 1945—1950. Arch. S. Safaryan.

национальные традиции. Она понималась как стремление к совершенствованию имеющегося, а не изобретению нового ради нового и «в каждый понедельник».

В тот исторический послевоенный период, недостаточная развитость строительной базы еще не могла обеспечить условия архитектурного новаторского поиска. Это станет видно через пару десятилетий. Негативные же аспекты его нами осознаны только сейчас. В основе новаторства лежало присущее искусству стремление скорее вызвать эмоции восхищения — совершенством, нежели удивления новым.

Совершенство предполагает нечто уже имеющееся, которое улучшается и делается соответствующим новым историческим условиям. Оно не может быть создано одномоментно. Его создают иногда несколько поколений. Но разве каждый новый шаг на этом длинном пути не новаторство? Это подтверждается всем ходом развития армянской архитектуры, когда поиск в едином нормированном русле

породил, начиная от примата — базилик, такие типы сооружений, как рассмотренные в первой главе купольная базилика, центрально-купольный храм, купольные залы, круглые многоярусные храмы и др. Все они связаны друг с другом органически. Ни один из этих типов не может быть вырван из их общей генеологической цепи. Один тип вытекает из другого. Трудно даже зафиксировать момент перехода одного в другой.

Таковы исторические корни осмысления идеи новаторства в армянской архитектуре. Принципиально на этой основе шло ее развитие и в рассматриваемый период советской армянской архитектуры. В короткий срок была проделана огромная работа по обмерам, научному анализу и оценке сотен памятников национальной, культовой, светской и народной архитектуры. Это способствовало необычайной активизации обмена информацией и культурному взаимообогащению, в целом поднявшими уровень творческого мастерства. Однако наблюдались и такие явления, как формотворчество, увлечение архаизмами и даже механическое копирование форм далекого прошлого. Несмотря на то, что эти явления исторически объяснимы, они, естественно, компрометировали в целом положительную творческую направленность архитектуры своего времени. Особенно это относится к области объектов массового строительства. Тем не менее они не могли оказать существенного воздействия на общий процесс возрождения и расцвета армянской архитектуры этих лет.

Главная особенность этого периода — формирование архитектурно-художественного образа больших городов Армении и прежде всего ее столицы. Только идейно-художественное единство смогло обеспечить этот творческий взлет. Концепция оказалась настолько созвучной духу времени, что ее влияние вышло за пределы республики.

В этот период в основном завершилось формирование ансамблей площадей имени В. И. Ленина в Ереване и Ленинакане, площади им. С. М. Кирова в Кировакане, строительство комплекса Бюраканской астрофизической обсерватории, зданий президиума Академии наук Армянской ССР, Матенадарана (хранилища древних рукописей), ЦК КП Армении. Сложился ансамбль у моста «Победы» со строительством второй очереди комплекса винного завода треста «Арарат» и коньячного завода. Были построены главный корпус Ереванского хладокомбината, Центральный крытый рынок, здание Института марксизма-ленинизма, поликлиники по ул. Московян в Ереване, ванного здания в Арзни. Интересные образцы архитектуры жилого дома создаются архитекторами Г. Агабабяном, О. Акопяном, Л. Бабаяном, З. Бахшиняном, Г. Исабекяном, Г. Мушегяном, Э. Тиграняном и др.

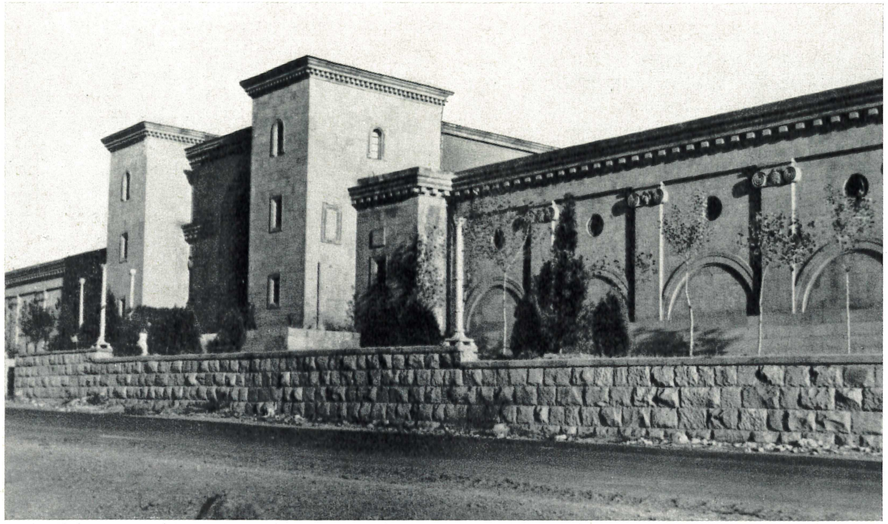
Таков основной, но неполный перечень архитектурных ансамблей и отдельных зданий, многие из которых и поныне формируют архитектурный образ среды, являясь доказательством постоянного развития прогрессивной

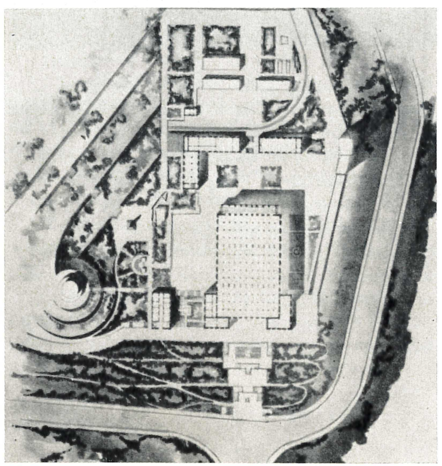
Завод шампанских вин в Ереване, 1948 г. Архит. З. Бахшинян

Champagne factory in Yerevan, 1948. Arch. Z. Bakhshinyan

Проект комплекса коньячного завода. Генеральный план, 1944 г. Архит. Н. Маркарян

Design of brandy distillery complex. Master plan, 1944. Arch. N. Markaryan

мысли в армянской советской архитектуре. Градостроительная осмысленность каждого из них, совместно с художественно-стилистическим единством и нормированным ограничением формообразующих факторов обеспечила гармонию даже в удивительно крупномасштабных членениях звеньев городского пространства. Именно от этих объективно образовавшихся архитектурных «маяков» пошло дальнейшее формирование организованной системы городской среды. Заданные в них архитектурные темы, пропорциональный и ритмический строй и особенно масштабность послужили

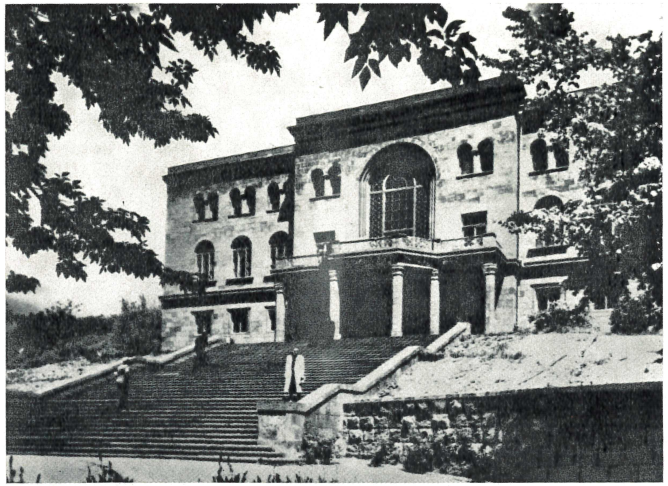
Ереван. Здание коньячного завода, 1944—1952 гг. Архит. Н. Маркарян

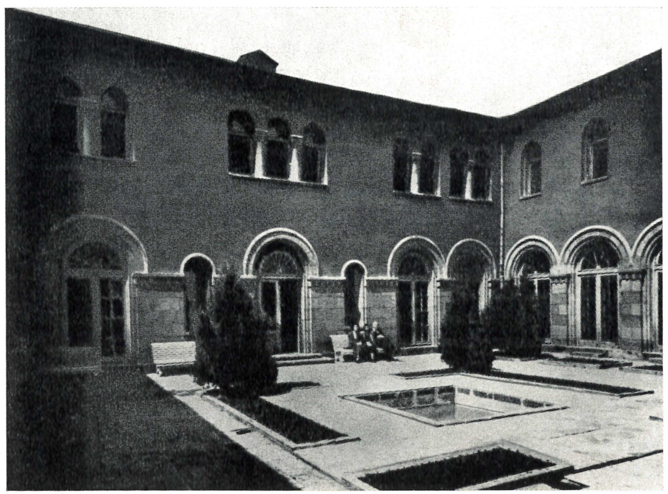
Yerevan. Building of brandy distillery, 1944—1952. Arch. N. Markaryan

Курорт Арзни. Ванное здание, 1951 г. Архит. Н. Маркарян при участии архит. Н. Бажбеук

Arzni resort. Baths building, 1951. Arch. N. Markaryan with participation of Arch. N. Bazhbeuk

Курорт Арзни. Дворик ванного здания, 1951 г. Архит. Н. Маркарян при участии архит. Н. Бажбеук

Arzni resort. Baths building courtyard, 1951. Arch. N. Markaryan, with participation of Arch. N. Bazhbeuk

своеобразным камертоном для развития города на долгие годы.

В этом общем, творчески едином и концентрированно целеустремленном потоке отдельные, подчас казалось, существенные недостатки сжимаются, уменьшаются до уровня малозначительных и частных. Даже композиционные просчеты, часто связанные с увлеченностью классическим симметризмом, благодаря строгому соблюдению нормирования параметров застройки, единству пропорционального строя и цветового колорита не нарушали общую гармонию среды.

Конечно, имели при этом место и серьезные ошибки и отклонения от заложенных в общий архитектурный замысел идей, о которых будет сказано. Но в сложном пространственно-временном сплетении, сохраняя единую градостроительную и архитектурно-художественную направленность были заложены основы образов советских армянских городов и населенных мест.

Общее идейное единство советского общества, победившее фашизм и объединившее все творческие силы в едином концептуальном русле, обеспечило новый подъем армянской архитектуры.

Так еще раз заполнялся исторический пробел «потерянных поколений» армянской архитектуры в стройной и последовательной цепи развития древней и самобытной национальной культуры. Это стало возможно только в условиях социалистической действительности армянской нации.

Именно к этому времени, в 1951 г., был завершен новый Генеральный план Еревана с расчетной численностью населения 450 тыс. чел.[1].

Новым Генеральным планом развитие города было намечено в северо-восточном (Севанском) направлении и на юго-запад, вдоль русла реки Раздан. При этом граница города перешла на правый берег реки — в район Ачапняк.

В новых границах в городскую черту включались пригородные поселения Аван, Норагавит, Чарбах, Харберд, Себастия, Малатия и другие, которые своей жизнью были тесно связаны с Ереваном и входили в его агломерацию. Факт этот следует расценить положительно. Вместе с тем, городской территорией охватывались огромные площади реликтовых плодовых садов и виноградников на западных и юго-западных прибрежных землях, которые и поныне, находясь внутри города, используются лишь в сельскохозяйственных целях.

Этот прецедент не только нарушил функциональные процессы жизни города, но и наложил свой отрицательный отпечаток на систему расселения и компактность городской территории, а также растянул транспортные и инженерные коммуникации.

Во всяком случае, если в процессе бурного роста города и надо было выходить на эти направления, то город тогда, в начале 50-х годов, еще не был готов к этому. Достаточно сказать, что освоение западных и юго-западных территорий массовым строительством началось только через 20 лет, т. е. за

[1] Руководитель авторского коллектива архит. Н. Заргарян.

пределами расчетного срока. В то же время городом уже были охвачены северо-восточные (Норк, Аван) и северо-западные территории, не предусмотренные генеральным планом.

Конечно, жизнь внесла свои коррективы. Но до этого из-за ошибочности градостроительного прогноза и нечеткости установления этапов развития город не избежал ряда серьезных недостатков, характерных для подобного случая. Не на всех стадиях своего развития он представлял собой гармонически законченный градостроительный организм. Кроме того, некомпактность и дисперсность развиваемых территорий распыляли капиталовложения и в целом удорожали массовое строительство.

Архитектурно-планировочная концепция Генерального плана 1951 г. была основана на принципах советского градостроительства довоенного периода с характерным доминированием художественных аспектов, основанных на интуитивном понимании процессов, происходящих в городской среде.

Рост населения города и образование новых жилых районов потребовали решительных мер по развитию улично-магистральной сети города, обеспечивающей трудовые и культурно-бытовые поездки жителей. Ныне действующая сеть в основном была сформирована именно в этот период.

Неглубоко, не по научному были разработаны вопросы всего транспортного комплекса. Естественно, что эту оценку решению проблемы мы даем с современных позиций. Однако об этом приходится говорить, так как многие ошибочные, порой неверные

положения рассматриваемого Генерального плана сегодня реализованы и носят необратимый характер.

Структурное построение генплана вытекало не из синтеза архитектурно-планировочной организации территории и решения улично-магистральной сети, а из системы академических воззрений на организацию городской среды. Единство этой среды формирует сеть главных магистралей, в узловых точках которой образуются площади различной конфигурации. Их иерархичность была призвана обеспечить гармоническую целостность всей городской территории.

Проспекты Маршала Баграмяна, Тбилисский совместно с улицами Таманцинери, Калинина, Себастия, Киевян, Комитаса и другими явились теми артериями, которые связали промышленные районы и центр города с местами нового расселения. Однако эти улицы и площади, часть которых была реализована строительством, сегодня оказались узлами, задерживающими транспортное движение и образующими трудно управляемые средоточия больших масс пешеходов и транспортных средств. Таковы площади им. Спандаряна и др. Небольшие их размеры или большое число примыкающих к ним улиц заставляют сегодня идти на строительство дорогостоящих искусственных сооружений (как это сделано, например, в узле пересечения проспекта Ленина с ул. Кармир Банаки

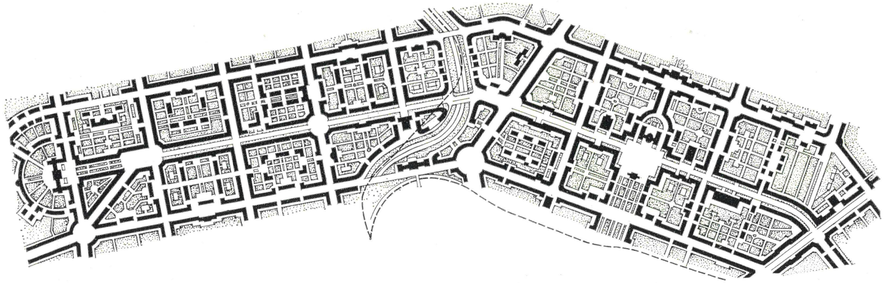
Ереван. Мост «Ахтанак» через реку Раздан, 1943 г. Архитекторы М. Мамиджанян, А. Асатрян, инж. С. Хovнанян

Yerevan. Akhtanak Bridge across Razdan River, 1943. Architects M. Mamidzhanyan, A. Asatryan, Eng. S. Hovnanyan

Ереван. Проект застройки ул. Комитаса, вариант, 1950-е годы. Архитекторы А. Минасян, Ц. Чахалян

Yerevan. Komitas Street development design, variant 1950s. Architects A. Minasyan, Ts. Chakhalyan

и проспекта Маршала Баграмяна с ул. Киевян).

Принятая в генплане ширина магистралей также сегодня не удовлетворяет необходимую пропускную способность. Магистрали общегородского значения в большей части не обладали дублерами, устройство которых сегодня чрезвычайно затруднено.

Нельзя не заметить, что магистральная сеть, принятая А. Таманяном, обеспечивает пропускную способность местами бо́льшую, чем по Генеральному плану 1951 г., поэтому отсутствие резервов для расширения поставило сегодня в трудные условия такие общегородские магистрали, как улицы Себастия, Киевян (с мостом через реку Раздан), Комитаса, Шираки и др.

Архитектурно-планировочное решение застройки вдоль этих улиц несло на себе печать концепций своего времени. К магистралям примыкали кварталы ограниченного размера, разобщенные жилыми улицами. Не соблюдалась строгость обеспечения школьными и дошкольными учреждениями. Пешеходные пути не предусматривались, поэтому с годами проблема бесконфликтности с транспортом осложнялась. Нехватка объектов сферы услуг вынуждала население к лишним поездкам.

В стремлении к ограничению размеров сносимого фонда реконструируемых районов преимущественно застраивалась только неглубокая кромка улиц по красным линиям. Это приводило к застройке плоским фронтом фасадов с отсутствием хотя бы некоторой ее масштабной пластичности.

Реализация заложенных в Генеральном плане архитектурных ансамблей улиц в духе классических периметрально застроенных пространств совпала с периодом пересмотра творческой направленности. Получилось так, что традиционную градостроительную среду улиц и площадей, задуманных Генеральным планом, надо было застраивать неопределенным, а то и обезличенным по архитектурной выразительности объемным материалом.

Сталкивались два противоречивых начала. Задуманная «по-старинке» градостроительная среда застраивалась делавшими первые шаги новыми, а то и просто старыми домами с содранными с них «излишествами».

К сожалению, так оказались застроены многие даже главные улицы города. Исключение в этом ряду составляют те, которые уже были начаты строительством и где архитектурно-художественные концепции были адекватны концепциям Генерального плана. К ним следовало бы отнести улицы Киевян, Таманяна и Калинина, авторы которых попытались в рамках локальных проблем разрешить ансамблевые задачи. В них, особенно в застройке ул. Киевян, имеется выраженное стремление к архитектурно-художественному единству, к которому авторы шли путем определения силуэта, исходя из конкретных средовых условий и привлечения яркой архитектурной темы с динамическим развитием и гармонической разработкой. Однако это стремление к пластическому богатству застройки было зажато в тиски между подпиравшей с тыла этих домов старой застройкой и жесткими красными линиями со стороны «улицы-коридора». К тому же ширина проезжей части, тротуаров и возможности озеленения улицы оказались ограниченными и навсегда закрепленными.

В ином ключе решался проспект Маршала Баграмяна, почти сплошь застроенный малоэтажными индивидуальными жилыми домами, многие из которых не лишены определенного архитектурного интереса. Вместе с тем, даже по оценкам своего времени это была расточительность по отношению к ценным землям, непосредственно примыкающим к центру города. Поздние попытки поднять выразительность архитектурной среды вкраплением отдельных общественных зданий не решили вопрос.

В определенной мере выпадало из общей планировочной структуры города и общественное озеленение. Оно не образовывало непрерывной системы, охватывающей все селитебные территории. Не было сделано попыток объединить между собой многие существующие парки и скверы. Допущенные нарушения Генерального плана 1924 г. в части озеленения также не поздно было поправить. Но, по-видимому, такая задача и не ставилась. Новый Генеральный план слабо коснулся вопросов корректуры центра, обеспечения его органичного единства с застройкой новых территорий.

В этот период продолжалось формирование застройки площади имени В. И. Ленина, длившееся около трех десятилетий. Застройку с уже сооруженным Домом правительства дополнили административное здание (треста «Арарат» и Армпромсвета), реконструированный Дом культуры, а также новая гостиница «Армения» и Дом союза совместно с коренным образом перестроенным Домом связи. Эти здания в равной степени

Жилые дома по ул. Кармир Банаки в Ереване, 1946 г. Архитекторы Г. Таманян, М. Согомонян, С. Шахсуварян

Residential buildings in Karmir-Banaki Street in Yerevan, 1946. Architects G. Tamanyan, M. Sogomonyan, S. Shakhsuvaryan

Административное здание на площади имени В. И. Ленина в Ереване. Общий вид. 1950-е годы. Архит. С. Сафарян, соавтор архит. В. Аревшатян

Administrative building in V. I. Lenin Square in Yerevan. General view. 1950s. Arch. S. Safaryan, co-author Arch. V. Arevshatyan

оправданно подхватили архитектурную тему Дома правительства и отразили определенную индивидуальность их авторов. Если административное здание, в общих чертах композиционно сходное с Домом правительства, в сдержанных лаконичных формах развивает четкость объемного построения и архитектонические начала последнего, то в гостинице «Армения» и Доме союзов, наоборот, архитектурно-художественный акцент перенесен в сферу декоративно-прикладных возможностей красивого розового фельзитового камня.

Следует заметить, что подобные крайние трактовки перечисленных зданий объективно сработали в пользу Дома правительства. Вместе с тем, в силу ряда градостроительных уточнений уже тогда наметилась опасная тенденция сделать его ординарным в застройке площади.

Площадь, по А. Таманяну, трактовалась в нескольких вариантах, среди которых ее раскрытие в сторону Северного проспекта Театра оперы и балета более всех отвечало принятой градостроительной концепции центра.

От внимательного взгляда не могут ускользнуть заложенные А. Таманяном в сжатом виде все особенности природной городской среды в пределах Ереванского амфитеатра. Здесь было создано художественно-идеальное подобие модели города в границах своего времени. Площадь эта подобна скульптурным знакам, характерным для средневековой армянской архитектуры (Гагикашен — в Ани, Ахпатский монастырь и т. д.), или позже в архитектуре итальянского Возрождения, когда донатор (ктитор) держал в руках скульптурную модель основанного им сооружения. Только масштабы отличают их.

Мощные стены Дома правительства и административного здания подобно Норкскому и Арабкирскому склонам задают организующий тон всей площади, как бы направляя движение через просветы между короткими фронтами застройки с южной и юго-западной сторон на гору Арарат и хребет Армянский тавр. Общее движение развивающегося с Северного проспекта пространственного течения здесь кратковременно замирает на мощном, асимметрично поставленном на площади барабане зала Дома правительства, чтобы потом разбиться на лучи, устремляющиеся на Араратскую долину. Лучи — подобные лучам трезубцев в Ленинграде и Риме, но какие далекие от них своеобразием места и времени...

Вся эта сложная система динамического равновесия решала, кроме архитектурно-художественных задач центра, и четкую функциональную аранжировку зданий по значению их содержания. Дому правительства отводилось место доминанты не только в пространстве площади, но и во всей системе Северного проспекта, так как он был размещен на точке излома всей тетивообразной пространственной структуры, состоящей из площадей и бульваров.

В последнее десятилетие, к сожалению, в нарушение этой трактовки было еще раз реконструировано и значительно расширено существующее старое здание Государственного исторического музея с картинной

98

Джермук. Питьевая галерея, 1953 г. Архит. Г. Таманян

Dzhermuk. Drinking gallery, 1953. Arch. G. Tamanyan

99

Здание гостиницы „Армения“ в Ереване, 1955 г. Архитекторы М. Григорян, Э. Сарапян

Building of Armenia Hotel in Yerevan, 1955. Architects M. Grigoryan, E. Sarapyan

Ереван. Фрагмент застройки центра города

Yerevan. Fragment of downtown development

галереей, которое благодаря своему положению на оси площади и резко поднятой высотой многогранного барабана стало главным зданием площади. Этим глубоко ошибочным шагом были сведены на нет те богатые, многозначительные архитектурно-градостроительные идеи, которые составляли квинтэссенцию композиции А. Таманяна. Один неверный шаг низверг всю необычайно динамичную пространственную композицию в разряд замкнутой и статичной.

Не лишне вспомнить, что на проведенном в 1974 г. Всесоюзном закрытом конкурсе на проект центра Еревана пять авторских групп сознательно отказались от идеи Северного проспекта, а две — не полностью осилили трудности, порожденные уже допущенной ошибкой.

Конечно, площадь имени В. И. Ленина — один из интересных и завершенных ансамблей в советской архитектуре. Но как много бы она выиграла, если связь ее со всеми архитектурными компонентами Северного проспекта была бы сохранена и тем самым она стала бы гармонической частью масштабно еще более крупной системы, которая, в свою очередь, являлась бы составной частью композиционного ядра центра.

Гармоничный генплан — это не просто гарантирующая будущую красоту города программа, изложенная на бумаге. Ее красота подобно цветку ярко выражает сущность биологического вида.

Совершенные в недалеком прошлом ошибки сегодня мстят нам сторицей, настойчиво убеждая в том, что дисциплинированность в градостроительстве и принципиальная последовательность реализации перспективных программ более эффективны в своей отдаче, чем частые отклонения от них в стремлении внести «свое новое».

В этом аспекте, кроме приведенного примера с застройкой площади имени В. И. Ленина, весьма красноречив и ряд других.

Оппоненты А. Таманяна, например, считали программированный в генплане Кольцевой бульвар некой неоправданной затеей, не несущей никаких реальных функций, кроме композиционных.

Действительно, эта гигантская непрерывная подкова зелени протяженностью в 5 км — едва ли не главная композиционная артерия, формирующая ядро центра города.

В 40—50-е годы усилиями ее противников, начиная с зоны пересечения с Северным проспектом, она в буквальном смысле была отсечена жилой застройкой и далее не прошла на смыкание с зеленью вдоль ущелья реки Раздан и Кондским холмом. Казалось, что кроме композиционного ущерба, нанесенного концентрической системе озеленения, подчеркивающей подковообразный амфитеатр центра, ничего не случилось. По сей же день сожаления имеют лишь эту подоплеку.

Однако, как показало время, цена градостроительной ошибки не ограничивалась лишь потерями в сфере эстетики. Расчеты показали, что в центре города удельная обеспеченность общественной зеленью сейчас в несколько раз ниже, чем это требуется. Оказалось, что это та часть Кольцевого бульвара, которая пошла под жилую застройку. Дело этим тоже не ограничивается.

При решении вопросов структурного построения генерального плана города на основе современных требований много усилий было приложено для организации пространственного коридора по устройству требуемой кольцевой скоростной городской дороги (СГД), на которой для исключения транзита через центр гасится напряженное центростремительное движение от магистралей общегородского значения. Учитывая горный рельеф, застроенность территории центра и многие другие трудности, выбранное сегодня кольцо СГД проложено по во многом сомнительным по реальности трассам.

Как не сожалеть теперь, что 60 лет назад выбранная зона Кольцевого бульвара, если бы она не была прервана, решила бы и эту проблему! К слову сказать, вынужденное резкое увеличение кольца СГД гипертрофировало размеры центра города, которые оно ограничивает. Его территория равна 1616 га, что немногим меньше центра Москвы в пределах Садового кольца. Приведенный пример показывает, как дорогá цена градостроительной ошибки.

С другой стороны, если градостроительная идея показала свою стабильность и овладела

сознанием людей, значит в ней, благодаря дару объективного предвидения, заложена целая система долгосрочных мер. Поэтому даже небольшое отклонение от идеи приводит к невосполнимым потерям.

В современных условиях архитектурная наука дифференцирована, или скорее, пожалуй, препарирована. Узкая научная специализация дает исчерпывающие ответы или рекомендации. Кажется, синтезировать их — дело не самое сложное. Но именно здесь на первый план выступает мастер, которому дано это искусство. Огромный культурный потенциал вместе с талантом и творческим зарядом в состоянии преобразовать научную энергию в энергию искусства, соединить интеллект с интуицией. Это не умеет делать никто, кроме мастера, зодчего.

* * *

Главные по значимости здания и сооружения в Армении всегда размещались в самых интересных по ландшафту местах. Естественно поэтому особое отношение к сооружениям монументального жанра, в которых художественно-образные задачи призваны ярче всех отразить героику и праздничное торжество своего времени. Среди этих сооружений видное место занимает Монумент Победы в Ереване[1]. Он размещен на бровке Арабкирского плато, замыкая ось проспекта Ленина.

[1] Архит. Р. Исраелян, скульптор А. Арутюнян.

Силуэт его проектируется на небо без каких-либо пространственных посредников. Задача определения масштаба сооружения была одной из сложных. Она была разрешена верным выбором массивного постамента, в объеме которого размещен мемориальный музей. Ступенчатый переход к символической скульптуре Матери-Родины преодолел возможный отрыв доминирующего постамента от скульптуры и сообщил всему сооружению необыкновенное гармоническое единство и легкость.

Армения богата большим разнообразием камня всех цветов и оттенков. Ослепительная сила освещения горного солнца почти черными тенями графически очерчивает даже малейшую царапинку на светлом материале. Это обусловлено разреженностью атмосферы, ослабляющей силу отраженного света, поэтому несмотря на большое разнообразие камня, в архитектуре традиционно предпочтение отдавалось тонально насыщенным оттенкам, которыми природа снабдила страну с особой щедростью.

Выбор черного ереванского туфа на Монументе Победы не случаен. Живописным каменным гладям стен контрастируют резные декоративные рельефы и портал с медной чеканной дверью, которые составляют самостоятельную художественную ценность. Даже при самом сильном освещении тени на них остаются мягкими, не разрушающими единство всего памятника. Кроме того, темный камень обеспечил тональное единство памятника с зеленым склоном нагорного парка, сделав его своим гигантским стилобатом. Р. Исраелян, сохраняя верность требованиям конкретной среды и строительным традициям, разрешил сложную задачу. Сила выразительности, мастерство, с которым она здесь достигнута, и по сей день являются образцом для творческого подражания.

На проспекте Ленина, по оси которого стоит Монумент Победы, на склоне горы было построено здание Матенадарана, всемирно известного хранилища древних рукописей[1]. В формировании образа проспекта, да и всего центра города оно сыграло большую роль. Градостроительное мышление, характерное для направленности рассматриваемого периода, выражено достаточно ярко и в этом здании. Возведенное из серо-голубого базальта, оно весьма выразительно на фоне зеленого склона Арабкирского плато.

Архитектурную тему здания Матенадарана составляет мотив прямоугольного портала, который классической вариацией форм различных пропорций набирает весь музыкальный строй почти глухой каменной стены. Стене с тонкой пластикой портальной темы контрастно противопоставлены семь скульптур выдающихся деятелей армянской культуры, во главе со скульптурной легендой о Месропе Маштоце. Несколько неубедительна здесь нарочитая архаизация форм интерьера и вызывает досаду неудачная гармонизация объема здания со склоном (оно в диагональном направлении как бы вгрызается в природную среду).

[1] Архит. М. Григорян.

Здание Матенадарана в Ереване. Фрагмент фасада, 1950-е годы. Архит. М. Григорян

Matenadaran building in Yerevan. Facade fragment, 1950s. Arch. M. Grigoryan

104

105

Памятник Месропу Маштоцу у здания Матенадарана в Ереване. Скульптор Г. Чубарян

Mesrop Mashtots Monument at Matenadaran building in Yerevan. Sculptor G. Chubaryan

К разряду градостроительно осмысленных сооружений относится и комплекс винного завода треста «Арарат», на котором мы уже останавливались в гл. II. Вернулись же мы к этому примеру, так как комплекс продолжал формироваться и в послевоенные годы, причем предельно гармонично, в общем ключе первоначального решения.

Говоря о нем, трудно обойти ассоциации с неподражаемым описанием собора Нотр-Дам Виктором Гюго, силой слова усилившего одухотворенность уникального сооружения. И в нашем

Ереван. Памятник Давиду Сасунскому
Скульптор Е. Кочар

Yerevan. David Sasunski Monument.
Sculptor Ye. Kochar

случае авторы привносят в здание язык символов и легенд, которые сообщают сооружению таинственность и поэтичность.

Казалось бы, подобная трактовка неуместна для производственного здания. Между тем это свойство вообще присуще национальной архитектуре, и мы убедимся в этом на многих других примерах. Оно характерно и для арочного акведука [1], переброшенного через реку Раздан недалеко от моста Победы. То же понимание материала и его фактуры, сочетающееся с рациональной конструкцией. Вообще ансамбль у моста Победы олицетворяет гармонию архитектуры и природы.

[1] Архит. Р. Исраелян.

Ереван. Здание железнодорожного вокзала. Общий вид, 1955 г.
Архит. Э. Тигранян

Yerevan. Railway station building. General view, 1955.
Arch. E. Tigranyan

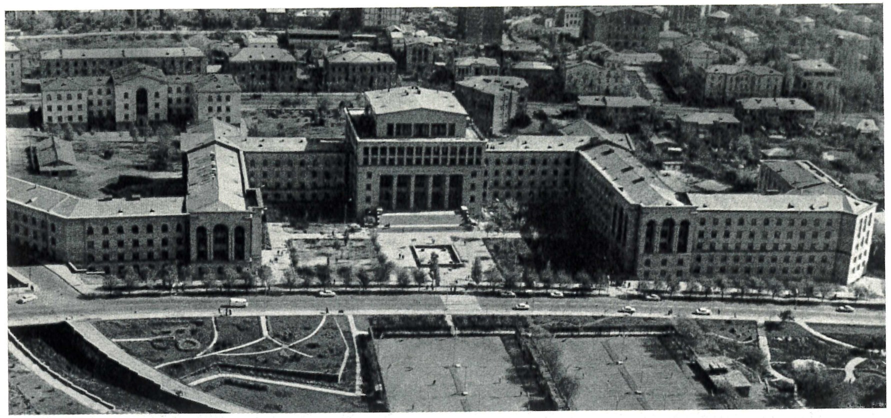

Поставленный на одном из змеевидных изгибов каньона реки, он масштабно организует огромное пространство, при котором ни одно из этих сооружений не переходит в пределы гигантского и остается удивительно человечным (свойство, присущее армянской архитектуре, подчеркнутое нами в начале книги).

В организации пространственной среды центра города важное градостроительное значение имели здания нового железнодорожного вокзала, Ереванского университета и Политехнического института. Их роль определялась прежде всего ответственным местоположением.

Здание вокзала положило начало созданию ансамбля новой площади [1]. Оно расположено в равнинной части города. Многоступенчатое башенное построение центральной части здания со щипцом, подчеркивает створ проспекта Октемберян, идущего от площади имени В. И. Ленина на юг, в сторону горы Арарат. Привокзальная площадь, несмотря на незавершенность всей застройки, еще в эти годы обрела архитектурную организованность, когда перед монументальным зданием

[1] Архит. Э. Тигранян.

вокзала был сооружен памятник герою национального эпоса Сасунци Давиду [1]. Великолепная по экспрессии и динамически уравновешенная конная скульптура стилистикой своей художественно-образной трактовки прекрасно согласуется со спокойным и уравновешенным монументальным зданием вокзала. Забегая вперед, скажем, что заложенная тогда идея площади ныне вступила в завершающую стадию своей реализации. Проект ансамбля площади в целом (новая гостиница и реконструкция Дома культуры железнодорожников), составляющийся с учетом гармонического

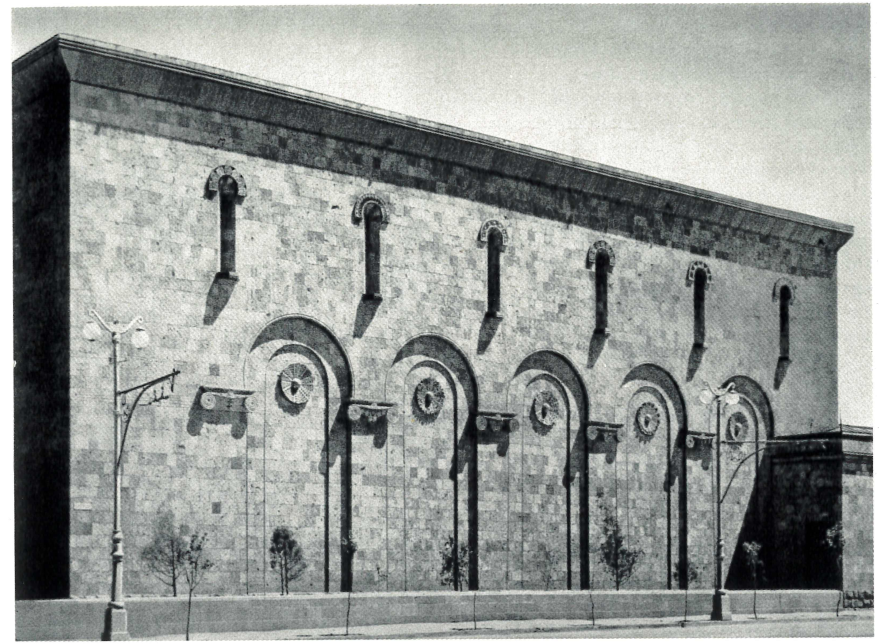
[1] Скульптор Е. Кочар.

архитектурного единства со сложившейся застройкой, обещает удачное завершение всего ансамбля [1].

В несколько иных условиях было построено новое здание университета [2]. Широкий кольцевой бульвар продиктовал продольное композиционное построение комплекса зданий, образующих вытянутый по фронту курдонер. Композиционно верное построение сообщило ему силу, способную на обобщение протяженной застройки вдоль бульварной полосы, сложившейся из отдельных коротких зданий, будто стихийно заполнивших это богатое по ландшафту и ответственное по градостроительным качествам место.

Ограниченная высота здания

[1] Архитекторы Ф. Акопян, А. Алексанян.
[2] Архит. Э. Тигранян.

университета не заслоняет озелененные склоны амфитеатра центра города, чем подчеркивается правильность принятого масштаба. Тем самым в этой зоне зримо ощущаешь соседство двух подковообразных зеленых поясов: большого — по склонам, и малого — по Кольцевому бульвару.

К сожалению, завершение строительства университета совпало с периодом перестройки творческой направленности нашей архитектуры. Не в меру проявленное усердие в этом процессе привело к искажению первоначального замысла ряда начатых строительством ответственных зданий. Упрощению, в частности, подверглась и центральная часть здания университета, выпавшая из общего замысла архитектурной темы. В результате, в завершенном виде здание отражает разные концепции, нарушающие архитектоническое

единство и объективно приводящие к развалу целостности построения архитектурно-художественного образа.

Следы подобной ортодоксальности сохранились еще во многих местах центра города. Новое здание Политехнического института [1] стоит на определенной еще в первом генеральном плане города территории. Могучий по масштабности и лаконичный по архитектурной теме объем замыкает сквер, пересеченный автомагистралью. Пространственное развитие системы ориентировано на нагорный район (старый Норк), уникально озелененный плодовыми садами предгорной фауны Араратской долины. В сложившемся ансамбле необходим ряд небольших градостроительных переустройств, благодаря которому город должен будет получить новую пространственно сформированную среду.

Здания высших учебных заведений мы рассматриваем в плане их градоформирующего значения. Наряду с другими выстроенными в довоенное время подобными зданиями, они пространственно организовали северо-восточную часть центра, где еще по первому генеральному плану города было намечено строительство Академгородка. Позже эта функциональная система была разлажена вкраплением в нее чуждых по содержанию зданий, в результате чего и университет, и Политехнический, и Медицинский, и Зооветеринарный, и Сельскохозяйственный институты испытывают большие неудобства из-за острой нехватки территорий.

[1] Архит. А. Мамиджанян.

Здание ЦК КП Армении, 1949 г. Архит. М. Григорян

Building of Armenian Communist Party Central Committee, 1949. Arch. M. Grigoryan

Начиная с 60-х годов часть из них вынуждена была своими отдельными подразделениями выйти на новые территории за пределами центра города.

Конечно, их компактное расположение на единых или близких друг к другу территориях имеет свои преимущества в кооперировании многих функциональных звеньев (транспорт, технология обучения, культура, спорт, отдых и т. д.). Однако бурный их рост вынуждает к недозволенному переуплотнению застройки новыми корпусами, наряду с передислокацией отдельных факультетов, что вызывает большие затруднения в коммуникабельности институтских подразделений. Назрела необходимость вывода высших учебных заведений в пригородную зону путем организации нового Академгородка. Разрешение этой проблемы будет иметь огромное значение и для последующего развития центра города.

Кроме общественных объектов, которые в силу своего ответственного местоположения играли активную градоформирующую роль, в городе часто на ординарных участках строилось множество других зданий. Благодаря мастерству архитекторов многие из них не только удачно решали локальные ансамблевые задачи, но и вышли в сферу более высоких градостроительных функций.

Композиция здания ЦК Компартии Армении задумана в духе классического трехосного построения с нарастанием к развитой центральной части. Выразительный силуэт здания, расположенного среди зелени парка, тема большого ордера и светло-оранжевый цвет камня придают ему импозантную и довольно мажорную

окраску. Стилистика здания несколько выпадает из общей художественной направленности архитектуры Армении того периода и как бы воздает определенную дань постройкам Еревана 20-х годов в духе классицизма и общей увлеченности в стране образцами итальянского Возрождения в послевоенный период. Даже в таком значительном здании инерция периметральной застройки наложила свой отпечаток. Оно, главным образом, обращено в сторону проспекта, на север, на ближайший склон Арабкирского плато. Между тем место, на котором расположено здание, является природной доминантой, имеющей прекрасную экспозицию на центр города и, далее, на Араратскую долину. Если эти качества были бы учтены при проектировании, то здание получило бы подлинно скульптурное выражение, а главное, стало бы завязкой для формирования в будущем более масштабного архитектурного ансамбля. Так, стремление подчинить здание только улице не позволило развить более широкие градостроительные возможности и привело к застройке территорий, ориентированных на центр, второстепенными зданиями.

По проспекту Маршала Баграмяна было сооружено еще одно значительное здание: это — Академия наук Армянской ССР[1]. Принципиально по композиционному приему оно сходно с предыдущим. Вместе с тем, два обстоятельства его выгодно отличают: во-первых, обращенность

[1] Архитекторы С. Сафарян, М. Мануэлян.

Здание президиума Академии наук Армянской ССР, 1950-е годы. Архит. С. Сафарян

Building of Armenian SSR Academy of Sciences Presidium, 1950s. Arch. S. Safaryan

Ереван. Центральный крытый рынок. Витраж главного входа, 1951 г. Архит. Г. Агабабян, инж. А. Аракелян

Yerevan. Central Roofed Market. Main entrance stained-glass panel, 1951. Arch. G. Agababyan, Eng. A. Arakelyan

Ереван. Центральный крытый рынок. Фрагмент витража, 1951 г. Архит. Г. Агабабян

Yerevan. Central Roofed Market. Stained-glass panel fragment, 1951. Arch. G. Agababyan

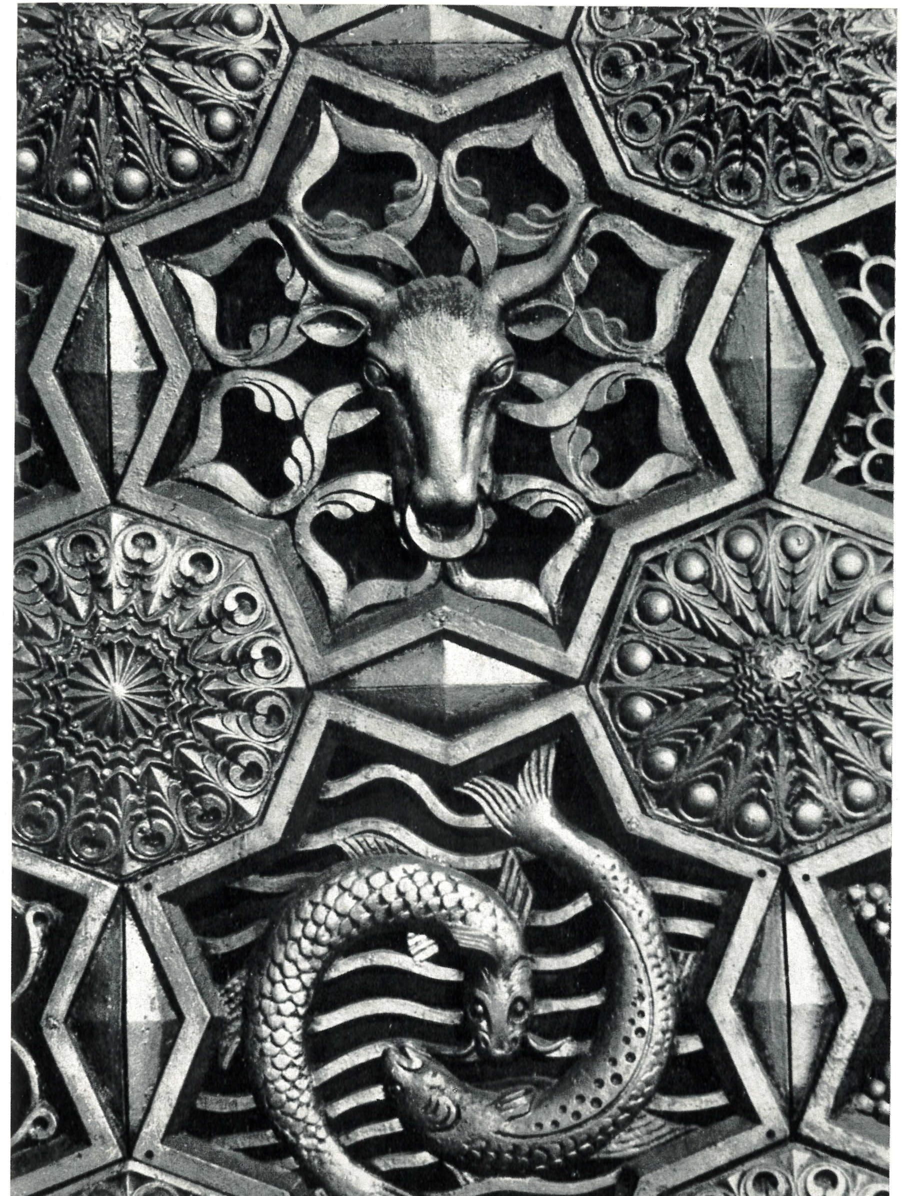
114

на юг, к центру города и Араратской долине; во-вторых, прогалы, оставленные между центральным и боковыми корпусами, удачно просматривались с проспекта и связывали весь комплекс с зеленью склонов Арабкирского плато. Здание отличается искусной объемно-плановой компоновкой и артистически прорисованными архитектурными деталями. Некоторая доля их сухости не снижает общее высокое архитектурно-планировочное качество здания.

Зданиями, роль которых также ограничивалась местоположением, следует считать Центральный крытый рынок и Хладокомбинат в Ереване [1]. Творческий потенциал и культура

[1] Оба здания построены по проектам архит. Г. Агабабяна.

зодчего позволили в ординарной среде найти такие средства, которые значительно подняли их роль в формировании архитектурно-художественного образа города.

Рынок с его огромным внутренним пространством, перекрытым современной железобетонной конструкцией, имеет интерьер, наделенный поистине римским масштабом. Однако этот гигантский объем, выйдя своим главным фасадом на проспект Ленина, неожиданно сливается с его человечной и теплой средой. Этим удивительным преобразованием здание стало неотъемлемой органической частью застройки проспекта. Верно взятая тональность усилена хорошо прорисованным витражом, который по праву может считаться подлинно художественным произведением, в котором мастерски использовано историческое наследие. Тонкое чутье среды художником позволило правильно поставить и разрешить весьма трудную градостроительную задачу.

Если размещенное в богатой природной среде здание винного завода треста «Арарат» своими глухими каменными плоскостями вписалось в ландшафт во многом благодаря тому, что строительный камень и скальные обнажения были одним и тем же базальтом, то здание Хладокомбината по проспекту Орджоникидзе с теми же глухими по технологическим требованиям стенами трудно было примирить с городской регулярной архитектурной средой. И тем не менее такие средства у архитектора нашлись. Ими стали точно угаданный масштаб и строительный материал, идентичный с соседними домами. Цветовой колорит, дополненный немногими со вкусом нарисованными деталями, сообщил промышленному зданию художественную значимость.

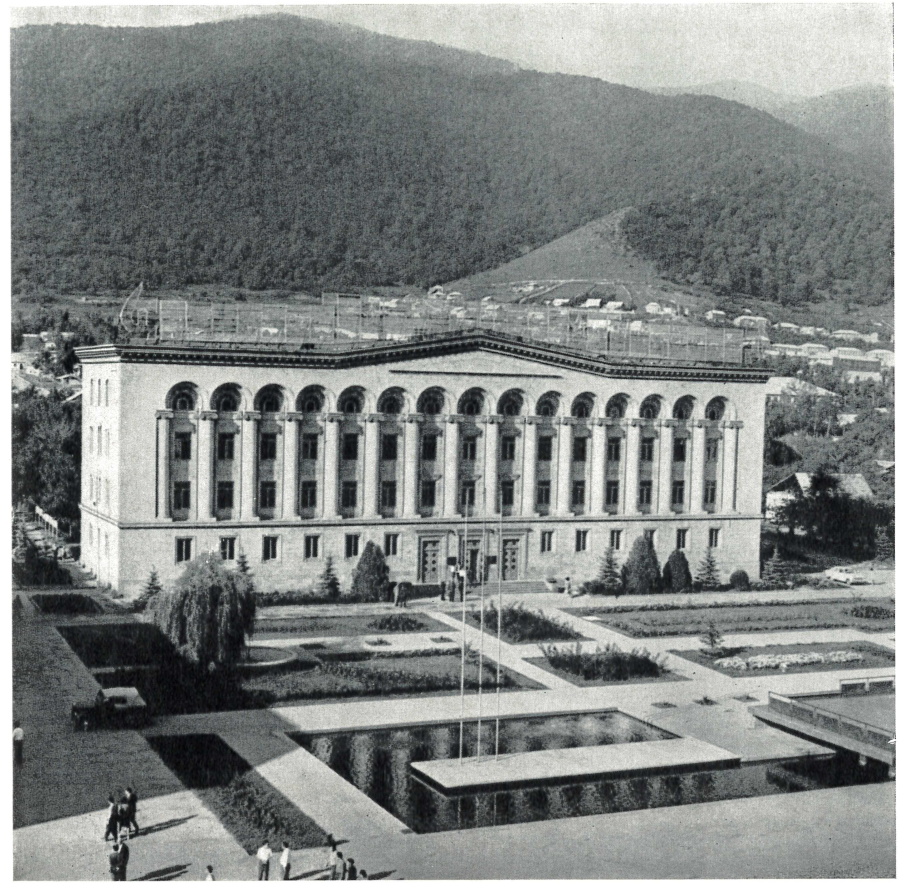
* * *

Существенно преобразились в послевоенный период и другие города Армении. В Ленинакане реконструированы главные магистрали — улицы Ленинакани и Горького. Формирование центра здесь шло в той же концепции, что и в Ереване, т. е. в системе взаимосвязанных улиц и площадей (площади Ленина и Майского восстания). Были построены административные здания, Дом культуры текстильщиков, универмаг и др. Планомерная реконструкция Ленинакана продолжается и в наши дни.

В Кировакане, который еще до войны начал развиваться как промышленный город, также сформировался свой центр. Здесь центральная площадь придвинута ближе к промышленному району и застроена административно-общественными зданиями, образовавшими определенную архитектурно-целостную среду. Кировакан всегда испытывал территориальные затруднения. Окруженный живописными склонами лесистых гор, он мог развиваться только вдоль ущелий и нешироких долин реки. Очевидно, что еще в те годы некогда курортный город нуждался в принятии мер по ограничению его территориального расползания, о чем градостроители задумались сейчас.

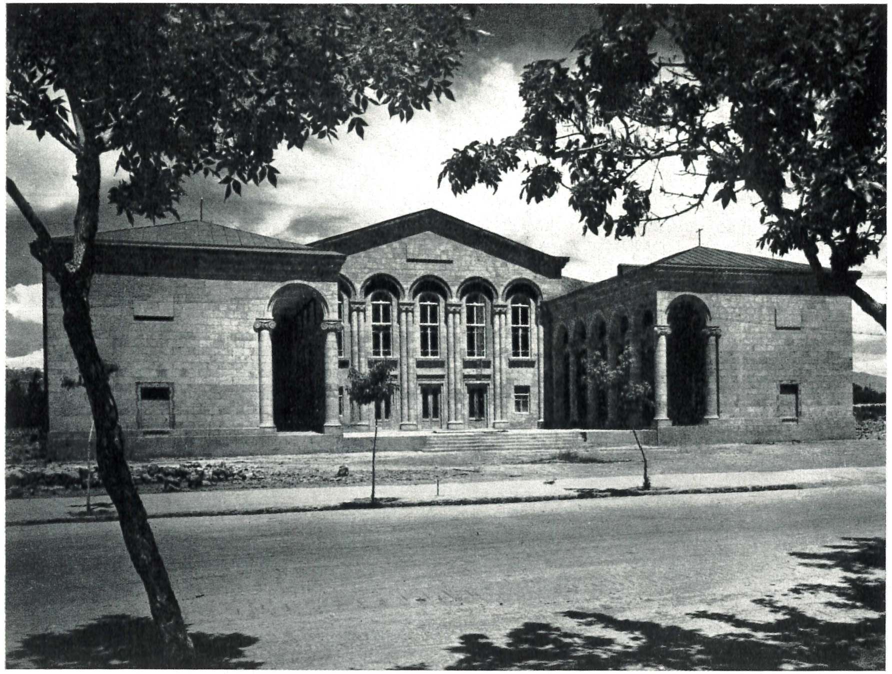
Кировакан. Административное здание на площади им. С. М. Кирова, 1952 г. Архит. З. Бахшинян

Kirovakan. Administrative building in S. M. Kirov Square, 1952. Arch. Z. Bakhshinyan

Эчмиадзин. Колхозный Дом культуры, 1950-е годы. Архит. С. Манукян

Echmiadzin. Collective farm's House of Culture, 1950s. Arch. Manukyan

В подобных же условиях застраивались города Алаверди и Кафан — центры горнодобывающей промышленности, развитие которых, как и Кировакана, сказалось отрицательно на экологическом равновесии окружающей среды.

Целенаправленное развитие системы расселения, характерное для этого периода, отмечено составлением генеральных планов многих городов и районных центров республики. В начале 50-х годов были составлены проекты районной планировки Зангезура и территориальных зон между Кироваканом и Алаверди, а также Ереваном и Севаном. Планомерное развитие уникальных курортных и рекреационных зон потребовало их регулирования

Клуб завода Каназ в Ереване, 1950-е годы. Архит. С. Манукян

Kanaz Factory club in Yerevan, 1950s. Arch. S. Manukyan

руководящими перспективными документами. Быстро застраивались Арзни, Дилижан. Планировалось развитие Цахкадзора и Джермука.

Интересно, что в развитии советской архитектуры Армении никогда не разграничивались требования к ее областям по жанру и функциональному признаку. Эта благодарная традиция, основанная на почитании родной земли, была заложена еще у истоков советской

Ереван. Дом Радио, 1955 г. Архит. Н. Маркарян

Yerevan Radio House, 1955. Arch. N. Markaryan

власти. Вспомним вновь таманяновские здания Ереванской ГЭС-1 или насосной станции на озере Айгерлич. При строгом соблюдении всего комплекса производственно-технологических требований промышленных зданий в них не было и тени снижения архитектурно-образных задач, которое, к сожалению, будет иметь место позже. В итоге они вошли в архитектуру Советской Армении как яркие ее образцы. Мы уже отметили комплекс винного завода треста «Арарат», здания коньячного завода и Хладокомбината в Ереване. На этих же традициях по всей республике были построены многие промышленные предприятия. Яркостью архитектурной выразительности наделены гидротехнические сооружения по всей трассе Севанского каскада гидроэлектростанций (Канакерской, Гюмушской, Севанской и Арзнинской). Высокие художественно-образные

Здание Общества слепых в Ереване, 1953 г. Архит. С. Манукян

Blinds' Society building in Yerevan, 1953. Arch. S. Manukyan

качества поставили их в один ряд с лучшими общественными зданиями своего времени, не потерявшими свою красоту и поныне.

Подытоживая архитектурно-строительную деятельность в послевоенное десятилетие, отметим ее характерные особенности.

Объемно-пространственное богатство, ансамблевую насыщенность Генерального плана 1924 г. относительно небольшого Еревана по сравнению с почти втрое возросшим городом (по Генеральному плану 1951 г.) не следует объяснять только архитектурно-художественным приматом, определенным концепциями своего времени. Эти концепции, основанные на интуитивно-эстетическом творческом методе, характерном вообще для искусства, во многом были связаны с личностью художника. Поэтому архитектор на основе личной высокой

художественной культуры, скрещенной с глубокой осведомленностью во всех необходимых областях знаний, как правило, выступал генератором могучего творческого потенциала в разрешении самых разных проблем. Такова была личность академика А. Таманяна. Замыслы его настолько вошли в кровь и плоть всех последующих поколений, что они по сей день еще не исчерпали себя и продолжают реализовываться. Более того, ошибки и отклонения от его градостроительных идей, допущенные в прошлом, имеют тенденцию к исправлению.

Небезынтересно, что героический масштаб, заданный важнейшим архитектурным ансамблям Еревана, и поныне остается непревзойденным, а ведь по Генеральному плану 1924 г. он был рассчитан всего на 150 тыс. чел. и с тех пор составлено еще три генеральных плана города. Следует признать, что успехи эти были обусловлены приоритетностью композиционного градостроительного мышления. Значение влияния среды на формирование образа отдельного здания было ведущим.

Несмотря на недостаточную современность некоторых аспектов структурно-планировочной концепции, которые должны были на долгие годы предвидеть гармоническое развитие города, был создан ряд интересных ансамблей площадей и улиц.

Нормативность архитектурных форм служила средством гармонизации застраиваемой среды и совместно с достаточно высокой градостроительной дисциплиной способствовала формированию целостного архитектурного образа городов Армении.

Преемственность традиций богатой национальной архитектуры объективно помогала углублению и обогащению формального мастерства архитекторов и постижению творческого метода предшествующих поколений. Правда, в последние годы периода стали очевидны рецидивы механического переноса в наши дни архаичных приемов и форм прошлого.

Существует мнение, что весь этот период следует квалифицировать в своей направленности как стилизаторский. С этим согласиться нельзя. Преобладающее большинство зданий возводилось в усовершенствованных по своему времени традиционных армянских стеновых конструкциях. Архитектура этих зданий была основана на органичности применяемых конструкций и соответствующих им форм. Созданные лучшие образцы этого времени отличала современная внутренняя технология. Единство этих основных качеств породило множество новых типов гражданских и других зданий и сооружений, которых раньше не знала Армения.

Но главная особенность архитектуры послевоенного десятилетия состоит в том, что в социально-историческом плане она знаменует успешное завершение первого периода становления армянской социалистической культуры.

Пафос Победы над фашизмом и подъем морально-патриотического духа настолько укрепили в послевоенный период ведущую роль художественно-образных концепций довоенного периода, что насущные потребительские аспекты архитектуры

Ереван. Жилой дом по ул. Московской, 1950-е годы. Архит. Г. Таманян

Yerevan. Residential building in Moskovskaya Street, 1950s. Arch. G. Tamanyan

длительное время уступали им в приоритете. Между ними шла борьба. Медленно, но явно реалистические требования жизни брали верх.

Острая нужда в жилье могла быть ликвидирована только путем резкого сокращения сроков строительства и увеличения объемов вводимого жилья. Эту задачу перед страной поставили партия и правительство на Всесоюзном совещании по строительству (1954 г.) после откровенного обсуждения вопроса о перестройке всего дела и о приведении творческой направленности в соответствие с практическими задачами архитектуры и строительства. Наряду с современными прогрессивными идеями этих разработок в Армении нельзя не отметить, что в них все еще имели место отголоски общей творческой направленности своего времени. Формальное, художественно-образное мастерство все же носило ретроспективный, а то и архаичный характер. Здесь в полной мере не отражались требования структурной организации планировки, возросшие задачи городского транспорта, да и весь инженерный комплекс. Застройка же была основана на объемном материале, не учитывающем современные требования массового строительства — жилья, школ, детских дошкольных учреждений, предприятий сферы услуг и т. д. Понятно, что при реализации этих градостроительных проектов в последующем жизнь откорректировала их в соответствии со своими требованиями.

4. Поиски единства на новых путях (1956—1970 гг.)

Известно, что специфику архитектуры как сферы деятельности составляет синтез художественно-образных и утилитарных задач, соотношение между которыми имеет широкий диапазон. Кроме содержания объекта, оно складывается творческой направленностью, являющейся выражением конкретных социально-исторических условий.

Мы уже видели, как в послевоенные годы общество, испытывая острую потребность в объектах массового строительства, не отказалось от духовной устремленности в архитектуре, вызванной триумфом Победы. Оглядываясь назад, можно увидеть, какими сложными, подчас противоречивыми путями преодолевались несоответствия требований реальной жизни и устаревшими творческими концепциями. Еще в довоенный период в стране, наряду с течениями, которые в своей творческой концепции отдавали приоритет эстетическим аспектам или являлись более и менее современной интерпретацией классического синтеза указанных начал, зарождались основы новой советской концепции архитектуры массового жилищного строительства, преимущественно опирающиеся на индустриальные методы строительного производства. Если произведения мастеров архитектуры отличались последовательностью реализации творческих концепций в понимании формирования пространственной среды, взаимообусловленности функционально-технологических и

художественно-образных требований, логической осмысленности архитектурной формы, то в эти годы появились здания-эпигоны, лишенные этих качеств, суть которых составляла неумеренная перегрузка вручную исполненным каменным декором. Позже это справедливо будет наречено «архитектурным излишеством».

Страна мобилизовала весь свой потенциал на решение главной задачи — восстановление разрушенных войной городов и сел. Надо было обеспечить жильем растущее население страны, реконструировать обветшавший за годы войны старый жилой фонд. Масштабы работ были поистине грандиозны.

В начальный период работы эти велись в относительно умеренных масштабах. Благодаря применению в строительстве четырех-пятиэтажных каменных домов типовой серии стоимость 1 $м^2$ жилья стала вдвое ниже, чем в непосредственно послевоенный период.

Строительная и материальная база еще не давали возможности полностью переориентироваться на прогрессивное направление. Индустриализация массового строительства также не могла произойти сразу. Она требовала больших средств, а главное — времени, поэтому, поиски, начатые еще до войны, были ограничены областью производства новых сборных железобетонных конструкций перекрытий, крупных стеновых блоков и других элементов, не обеспечивающих еще полную заводскую готовность. Они-то и обрели первый значительный импульс. Однако ограниченная мощность строительной базы определяла соответствующие объемы жилищного строительства, поэтому еще некоторое время этим условиям отвечала привычная структура организации жилой среды либо небольшими кварталами даже на свободных территориях (Арабкирское плато, Нор-Ареш), либо периметральной застройкой реконструируемых кварталов центра города.

Отсутствие территориального простора не позволяло комплексно решать все вопросы рациональной организации быта. Вне единой структуры жилых образований размещались школы, детские дошкольные учреждения и другие элементы сферы обслуживания. Малые размеры жилых образований дробили улично-дорожную сеть, вызывая тем самым неудобства транспортного и пешеходного движения. При этом имело место и удорожание стоимости инженерного оборудования. Подобная дробность комплексной организации жилых территорий существенно отражалась и на методах организации строительства, применении механизмов и экономии производительных сил.

Укрупнение жилых образований на свободных территориях, индустриализация и четкая организация строительного производства должны были обеспечить большее число вводимого в кратчайшие сроки дешевого жилья. Но уже тогда начали тревожить специалистов архитектурно-пространственные решения застройки жилых образований. В одном случае малые размеры кварталов, в которых начали использовать типовые проекты

всего лишь одного-двух типов, существенно ограничивали возможности пространственных приемов для достижения выразительности. Однообразие домов в связи с этим продолжало выступать не только первичным его проявлением в архитектуре зданий, но и конечной формой организации всей архитектурной среды.

В другом случае, при попытке возврата к периметральной застройке, обращение к которой обусловливалось инерцией мышления, преимущественно плоскостным «ансамблем» индивидуальных домов, объемный материал составляли все те же один-два типа домов. Застройка, таким образом, образовывала монотонную каменную ширму из одинаковых домов, поставленную на границе улицы и узкого двора.

Все неудачи пытались объяснить только тем, что-де применяемые дома однообразны. Но это была не вся причина. Упрощенное осмысление задач, неопределенность творческих позиций, а то и смятение были характерными для того времени. Это была сложная кризисная для градостроителей и архитекторов пора. Надо было пересмотреть и отказаться от многих привычно сложившихся взглядов. Надо было выработать новые творческие позиции и выйти на другой масштабный уровень задач. Важное значение имели постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» и решения состоявшегося в июне 1960 г. Всесоюзного совещания по градостроительству. На совещании всесторонне было обсуждено состояние дела планировки и застройки городов. Оно выявило серьезные недостатки, имевшие место в практике проектирования и строительства, и наметило пути дальнейшего развития советских городов. «Проектировщикам и строителям необходимо всегда предусматривать комплексное решение стоящих перед ними задач, более настойчиво внедрять в практику прогрессивные приемы планировки и застройки, создавать законченные жилые комплексы, разумно использовать рельеф местности, водоемы, зеленые насаждения, творчески применять экономичные, современные типовые проекты, создавать новые, удобные типы зданий и сооружений. Всё, что окружает советского человека, должно быть удобно и красиво»[1]. В таком сжатом виде была выражена коллективная мысль и воля партии и народа. Эта программа и поныне сохраняет свою актуальность.

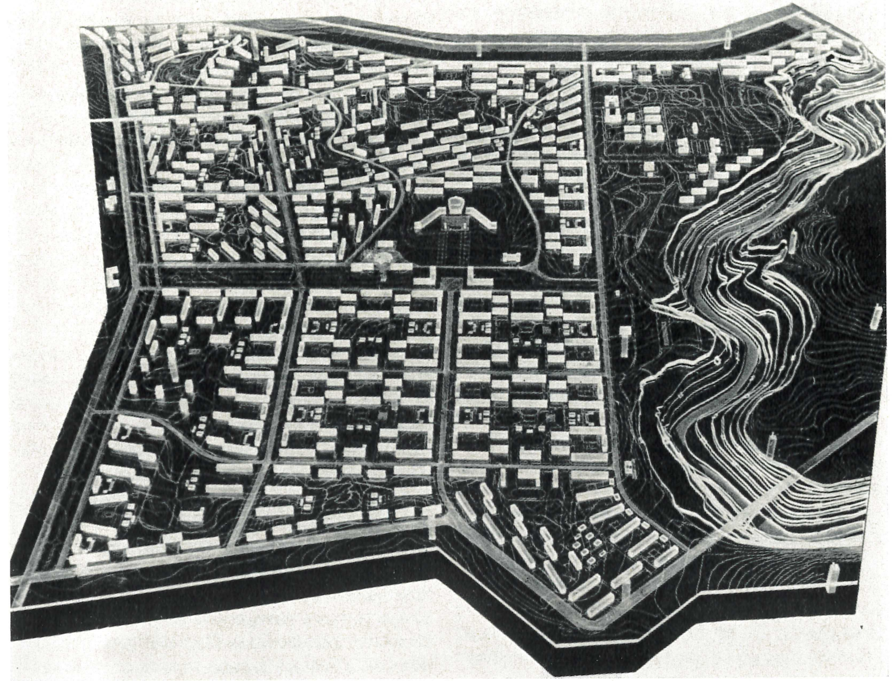
На рубеже конца 50-х — начала 60-х годов в Ереване была начата застройка нового жилого района Ачапняк на правом берегу реки Раздан[2]. Это был первый жилой район в Армении в обычном планировочном понимании его структурного и функционального значения в системе городского расселения. Он состоял из укрупненных кварталов с размещенными в них школами и детскими дошкольными учреждениями. Система торгово-бытового обслуживания была

[1] Всесоюзное совещание по градостроительству. Сокращенный стенографический отчет.— М., 1960, С. 439.

[2] Архитекторы М. Мазманян, С. Назарян.

Ереван. Жилой район Ачапняк. Макет, 1956 г. Архитекторы М. Мазманян, С. Назарян

Yerevan. Achapnyak residential area. Mock-up, 1956. Architects M. Mazmanyan, S. Nazaryan

организована учреждениями, встроенными в первые этажи жилых домов. Здесь еще отсутствовала выраженная микрорайонная структура.

Центр жилого района примыкает к бульвару, отходящему от зоны отдыха в ущелье реки Раздан. По периферии района проложены общегородские автомагистрали, от которых вглубь района ответвляются жилые улицы. К последним примыкают петлеобразные или тупиковые подъезды к домам. Планировочное решение еще недостаточно отражает внутренние связи между кварталами. Эта связующая роль, по существу, принадлежит жилым улицам, на которые вынесены пешеходное и

транспортное движение. Ощущение внутренней статичности и замкнутости кварталов усиливается еще и преобладанием сплошного фронта периметральной застройки с организацией полузамкнутых дворов, обращенных внутрь кварталов.

На богатый ландшафт ущелья реки Раздан композиция реагирует лишь бульваром по ул. Абеляна, стержнем же композиционного построения оказалась ось второстепенной ул. Шинарарнери. Вместе с тем, в некоторых местах здесь сделана робкая попытка применить приемы такой современной пространственной организации, как строчная или пилообразная застройка, значение которой не выходит за рамки локальных задач и не влияет на общую изолированность жилого района от окружающей среды.

Однако наибольшую роль в общей архитектурной маловыразительности нового района сыграл однообразный объемный материал жилых домов. По существу он состоит из одного типа четырехэтажных каменных домов, отличающихся только протяженностью (за счет числа блокируемых секций).

Изолированность жилого района от Разданского ущелья нельзя было преодолеть, так как в то время еще не было даже типовых девятиэтажных домов. Позже, когда эти дома появились, была сделана попытка их размещения внутри кварталов, которая в какой-то мере способствовала преодолению однообразия облика жилого района. И все же застройка не приобрела органических связей с объемно-планировочной структурой района, а только несколько оживила силуэт с отдаленных точек.

Главным недостатком этого жилого района следует признать композиционное безразличие к такой природно-ландшафтной доминанте, как ущелье реки Раздан. Кажется, что, если бы не это, то даже при ограниченном объемном материале, предоставленном в распоряжение авторов, район мог бы стать более выразительным.

На тех же творческих позициях застроены микрорайоны 11-й и 15-й жилого района Ачапняк[1]. Слабые связи их с соседями, заложенные еще в ПДП, не могли не сказаться отрицательно на композиционном единстве всей застройки. Будучи запроектированы другими авторами, они производят впечатление некоторой архитектурно-художественной автономности, хотя и с уже появившимися новыми качествами. Здесь, впервые в массовом строительстве, сделана попытка преодоления однообразной четырехэтажной застройки.

В микрорайонах нашли уже применение дома в 9—16 этажей. Это значительно повысило выразительность силуэта застройки. Однако отсутствие четкой структурности в строительном зонировании в сочетании с композиционной неопределенностью не позволило получить архитектурно-художественное единство даже при наличии более разнообразного объемного материала.

Здесь был сделан еще один шаг. Резко увеличились размеры микрорайонов, что стало возможным благодаря относительно спокойному

[1] Архитекторы Ю. Баблумян, Г. Еолян, П. Джангиров.

рельефу местности. Так, микрорайон 15-й имеет уже площадь в 50 га. Укрупнение территории позволило организовать функциональные зоны, структурно увязанные с микрорайонным садом и между собой.

Учреждения культурно-бытового обслуживания проектировались в отдельно стоящих зданиях. Магазины и другие объекты сферы обслуживания своими объемами стали ограждать внутридворовые пространства от улиц, а в квартале 11-м были построены подземные гаражи-стоянки для индивидуальных автомашин, крыши которых на уровне дневной поверхности были отданы спортивным и игровым площадкам.

Микрорайоны эти тем не менее не отмечены яркостью архитектурно-художественного образа. Здесь не найден ключ для раскрытия природных или архитектурных опорных субстанций для развития собственных возможностей. Эти изъяны, по-видимому, следствие композиционных недостатков ПДП и объективного пренебрежения к предъявляемым окружающей местностью требованиям.

Горный ландшафт — ведущая тема пейзажа Армении. Нет здесь ни клочка земли ровной и нескончаемой, когда бескрайнее, всепоглощающее небо требует от художника создавать гигантские рукотворные композиционные доминанты для того, чтобы они, в свою очередь, предопределяя роль каждого объемного компонента, стали бы посредниками между бесконечно большим и малым, т. е. по принципу: «Нет прекрасного вне единства, нет единства без подчинения» (Д. Дидро).

Ландшафтная среда в Армении повсюду пространственно организована. Даже просторная Араратская долина, подобно гигантской арене, имеет свое пространственное лицо, где доминирует дуэт Большого и Малого Араратов, поддерживаемый хором горных хребтов.

Бесчисленная вариация гор, долин и ущелий нигде не повторяется. Горы организуют природное окружение, подобно огромным помещениям, где имеются свои стены, разные по высоте, уклону и очертанию, с «потолком» ограниченных размеров в виде синего неба. Здесь нет нужды в рукотворном посреднике между масштабом всепоглощающего небосвода и архитектурного сооружения, ибо этот посредник — созданное природой первозданное пространство.

Не потому ли в армянской архитектуре в установлении масштабности точкой отсчета принимался человек? Не потому ли здесь не встречалось гигантомании?

Каждое организованное природой пространство имеет тайну своего устройства. Она, подобно музыке, задает свою, только свою, неповторимую «тональность». Архитектуре остается правильно ее уловить и средствами выразительности, присущими ее абстрактному языку, наделить сооружение родственными конкретному месту качествами, сделав его неотъемлемой частью среды.

В живописи эта среда может быть подобрана к сюжету, действию, чтобы наилучшим образом раскрыть идейное содержание картины. В архитектуре же

она задается. И если здесь в противоположность живописи все постижимо наукой, то умение постичь особенность каждой неповторимой среды для ее гармонического перевоплощения в архитектуру — это великое умение, составляет предмет и понятие тайны ее искусства. Не это ли искусство сообщает немеркнущее очарование таким ансамблям, как Парфенон и Кремль, Ахпат и Амберд?

В век индустриального массового строительства оно приобретает новое значение. Прежде за счет неограниченного разнообразия зданий мы могли вызвать архитектурно-информационный интерес, и другие огрехи отступили бы на второй план. Сегодня же неверное градостроительное решение с его ограниченным разнообразием домов в массовом строительстве нещадно обнажится своей несостоятельностью и повергнет предмет нашего творчества в мир, далекий от искусства, в мир духовного безмолвия и скуки.

Подобно тому, как природа за наши непродуманные шаги, нарушающие экологическое равновесие, мстит нам, так и в искусстве зодчества за пренебрежение ею или композиционные ошибки, приводящие к нарушению гармонического равновесия, та же природа сурово и безжалостно обесценивает содеянное нами. Но бывает, что она раскрывает свои тайны и подсказывает пути преодоления ошибок.

В середине 60-х годов было начато освоение массовым жилым строительством территорий Норкского нагорного плато в северо-восточной части Еревана [1]. Понятие плато в этом случае применимо весьма условно, так как оно, в свою очередь, представляет местность, достаточно пересеченную с выраженными холмами и суходолами естественных стоков.

Средняя высота над уровнем моря здесь достигает 1300 м, т. е. на 300—350 м выше отметок центра города. Перепады местности колеблются до 100 м.

В этих сложных условиях при составлении детальной планировки жилого района на площади около 350 га благодаря тщательному учету рельефных и инженерно-геологических факторов авторы достигли оптимального планировочно-структурного решения района. Улично-магистральная сеть обеспечивает удобную кратчайшую связь с центром города. Построенное в последнее время продолжение главной магистрали района (ул. Гая), минуя центр города, связывает район с основным местом приложения труда — южным промышленным районом.

Здесь также, как и в Ачапняке, были резко ограничены типы домов. Строительство началось с четырех-пятиэтажных домов. По ходу возведения они дополнялись 9—16-этажными, которые осваивались производством.

В основу композиции застройки района положен принцип размещения зданий в строгом следовании рельефу местности и в соответствии с микрорайонным структурным построением как первичным и единственным жилым образованием.

[1] Архитекторы М. Мазманян, Ц. Чахалян, Г. Авакян.

Отсюда и общий рисунок безразличный к окружающему район богатому горному пейзажу, и объективное утверждение идеи изолированности от внешней среды.

Таким образом, большие размеры микрорайонов (60 и более га) без внутренних членений на более мелкие образования снивелировали богатые композиционные возможности жилого района. С другой стороны, не читается внутреннее структурное построение, основанное на типичных для южного города низших формах пространственной организации (дворов и др.). Отсутствие четкости построения системы обслуживания лишило район характерной для горной местности специфики, связанной с сокращением путей пешеходного передвижения. Вся система торгово-бытового обслуживания размещена в первых этажах жилых домов и распылена по всей территории микрорайонов.

Представляется, что при тщательном учете особенностей микрорельефа композиция застройки должна была строиться на формировании первичных элементов — групп домов и объектов первой ступени торгово-бытового обслуживания. Подобное построение дало бы возможность создать непрерывную систему озеленения с размещенными в ней школами и детскими дошкольными учреждениями. Кроме того, по этим зонам проходили бы основные пешеходные пути, которые ныне в жилом районе прерывны или совмещены с транспортными путями. Но главное, такой подход мог бы сообщить району необходимое композиционное единство, которого так ему не хватает.

Неиспользование всех данных природной средой возможностей, наряду с однообразием объемного материала, несмотря на накопленный опыт на жилом районе Ачапняк, не позволило Норкскому жилому району сделать ожидаемый решительный шаг на пути совершенствования архитектурно-пространственного решения крупного жилого образования.

Справедливости ради следует отметить, что появление в районе жилых домов повышенной этажности, построенных методом подъема перекрытий, существенно повлияло на обогащение силуэта застройки. Кроме того, подоспевшее со временем озеленение вдоль улиц, в скверах и парках, покрывшее склоны, создало активный тональный покров и фон, подчеркнувший рисунок планировки и застройки. Тем самым в определенной степени была преодолена общая красочная бедность колорита.

С этими же характерными для рассматриваемого периода особенностями были застроены жилые районы Верин Зейтун и Шенгавит в Ереване. Застройка новым жильем здесь шла преимущественно на свободных территориях. Под проектными центрами обслуживания существовала малоэтажная застройка, которая на первом этапе сносу не подлежала. Однако в течение времени они также стали выборочно застраиваться, в результате чего разладилась проектная система культурно-бытового обслуживания.

Массовое строительство велось и в других городах республики.

В Ленинакане был построен жилой

район Антараин, в Кировакане — Димац, в Алаверди — на Санаинском плато. Активно застраивались города Кафан, Раздан и др.

В этот период складывались особенности современного массового жилого строительства. С решением вопросов обеспечения населения жилой площадью, квартирами и неуклонным повышением условий быта решался и комплекс задач по проблеме в целом. Вместе с тем, строительство начиналось с жилых домов без должной инженерной подготовки территорий. Улично-дорожная сеть строилась позже. Резко отставало строительство школ, дошкольных детских учреждений и объектов торгово-бытового и культурного обслуживания населения. По прошествии уже многих лет не всюду завершено комплексное благоустройство жилых территорий со спортивными площадками, местами отдыха и озеленением.

Разработанные типовые серии жилых домов, в составе которых предусматривались до десятка типов домов и блоков, позволяли поднять их градостроительную комбинаторику. Благодаря этому, а также учету требований конкретной пространственной среды возможно было достичь композиционного решения жилых образований. Рельеф должен был породить и характерные террасные и каскадные дома, которые не только красивы своим ниспадающим вдоль склонов ритмом, но и позволяют значительно экономить недостающую для сельского хозяйства равнинную землю. Забегая вперед, скажем, что несколько экспериментальных каскадных жилых домов, выстроенных в 70-е годы в Кафане, в корне изменили облик его центра, сохранив

при этом богатый природный ландшафт.

Архитектурная выразительность застройки многих жилых образований могла бы обогатиться применением строительных изделий из различных камней, которыми так богата республика, а также введением строгого лимита тиражирования действующих типовых серий домов. Ведь некоторые типы их применяются десятилетиями. Но дело, к сожалению, не пошло по этому пути. Узкохозяйственная заинтересованность строительных организаций привела к тому, что в производстве были освоены один — три типа домов, отличающихся только по протяженности, а облицовка зданий выполнялась исключительно артикским туфом и его изделиями. Тогда стали поговаривать о «розовой скуке» в массовом жилищном строительстве.

Таковы особенности индустриального жилого строительства в начальный период своего развития Некоторые его недостатки живучи и поныне, но особую тревогу вызывает однообразие и монотонность застройки, которую, признаться, мы не смогли разрешить в массовых масштабах. Конечно, имея в портфеле два-три типа мало отличных по облику жилых домов одной серии, трудно было добиться архитектурно-художественной выразительности, подобной застройке ул. Киевян, основанной на «устаревших» концепциях, где каждый дом — это законченная архитектурная самоценность и одновременно гармоническая часть всей застройки.

В этих жестких условиях возможны были два направления. Первое — использование скудного по выбору объемного материала с глубоким совместным осмыслением природно-художественных особенностей конкретной среды и композиционных возможностей современной структуры жилых образований. Второе направление — формирование застройки только исходя из внутренней структурной организации с ее бесстрастным отражением во внешнем облике. Здесь очевидна ставка на решение эстетических задач нравственными средствами: «правдиво — значит красиво».

Эти пути отражают основы формообразующих концепций, вытекающих из различного толкования понятий о функции. Известно, что в последние несколько десятилетий усилиями ортодоксальных функционалистов шаг за шагом в архитектуре утверждалось торжество принципа «функция определяет форму». Под функцией подразумевались только внутренняя технология и пространственная организация, а внешние ландшафтные и архитектурно-средовые особенности, извечно присущие архитектуре формообразующие факторы, исключались из понятия о функции.

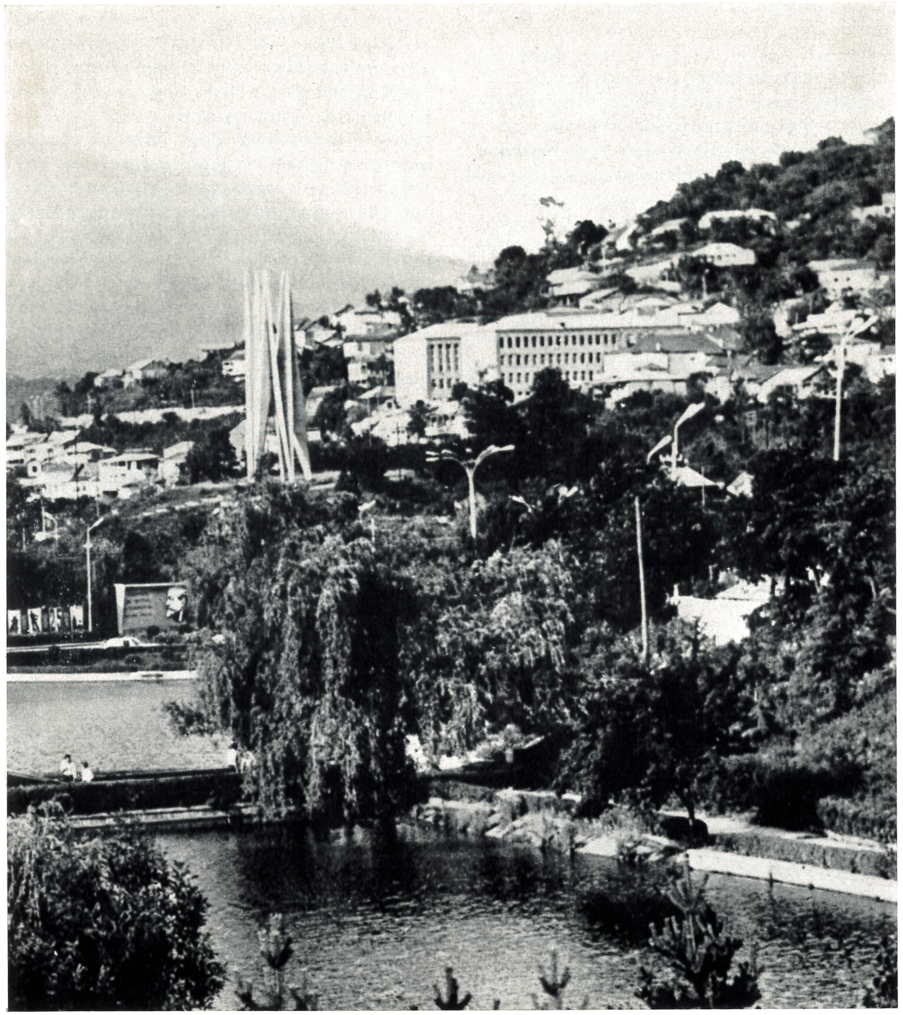
Сейчас, давая оценку подобному нигилизму, можно констатировать, что так называемая «средовая контекстуальность», которую многие относили к категориям изжившей себя старой классической архитектуры, при своей реализации требовала от архитектора большого таланта и высокой художественной культуры. А в определенном личностном аспекте эта контекстуальность своей нормативностью ограничивала свободу «новаторского», бессредового поиска.

Но высокие достижения современной мировой архитектуры своим успехом прежде всего обязаны верности средовому пониманию архитектуры (вспомним Дом над водопадом Райта или Де ля Туретт Ле Корбюзье). С этой верностью связаны и лучшие достижения советской архитектуры. Взамен такого комплексного решения вопросов, составляющих сущность архитектуры как сферы деятельности, утверждалось некое одностороннее этическое истолкование красоты как проявление «правдивости». Таким образом пушкинской истине «. . .над вымыслом слезами обольюсь» противопоставлен неадекватный ей нравственный критерий художника. Что создала эта концепция и куда она теперь зашла — известно. Об этом уже много сказано. Здесь же нам хотелось показать диапазон действия единой концепции на все сферы деятельности архитектора — от дверной ручки к зданию и далее к градостроительству и обратно.

Учет особенностей среды — не панацея, избавляющая архитектуру от ее неудач. Это всего лишь иерархическая ступень от обыкновенной материалистически рациональной привязки здания к местности и от учета региональных природно-климатических требований до более высоких духовных категорий как этническое, национально-культурное своеобразие. И все же, несомненно, в эпоху, когда индустриальное домостроение

Дилижан. Фрагмент застройки центра

Dilizhan. Fragment of downtown development

Коттедж на берегу озера Севан, 1962 г. Архит. Л. Черкезян

Cottage at Sevan lakeside, 1962. Arch. L. Cherkezyan

переживает период своего рождения (в то время как каменной архитектуре много тысячелетий!), архитектура должна опереться на ценный опыт прошлых поколений при гармонизации зданий в окружающей среде. «Новая архитектура» в равной степени использовала оба главных принципа пространственной организации — и свободной и регулярной.

Принципы пространственной организации — суть взаимодействия человека и природы — вечных и неизменных точек отсчета. Поэтому многие из них и поныне составляют культурный генофонд зодчества.

Массовое индустриальное жилищное строительство, набирая темпы, становилось ведущей формой архитектурно-строительной деятельности. Творческая направленность архитекторов под воздействием его концепций круто изменялась. Трудно сказать, как шел процесс развития содержания и формы, как складывались соотношения между ними в конкретные периоды этих 15 лет. Несомненно одно, что если в начальный период, благодаря неоформленности эстетических воззрений в новых условиях, форма оставалась на старых позициях либо делала робкие попытки «догнать» изменившееся строительно-технологическое содержание архитектуры, то ближе к нашему

Санаторий «Горная Армения» в Дилижане. Общий вид. Главный корпус. 1968 г. Архит. З. Бахшинян

Gornaya Armenia sanatorium in Dilizhan. General view, 1968. Arch. Z. Bakhshinyan

времени, овладев современной технологией зданий и методами их осуществления, она старается повести их за собой.

Формирование и освоение концепций новой архитектуры , начинаются с проектирования благоустройства отдельных городских районов и ряда индивидуальных небольших и масштабных построек.

В столице республики наибольший интерес в этом плане представляет реконструированный отрезок улицы Абовяна между Кольцевым бульваром и улицей Туманяна, на котором осуществлена идея создания современной улицы-бульвара [1].

Расширенные, хорошо озелененные и благоустроенные тротуары ул. Абовяна превращены (на

[1] Архитекторы Дж. Аветисян, Ф. Дарбинян, К. Мартиросян.

протяжении около километра) в бульвары. Развитые тротуары здесь служат не только для движения пешеходов, но и для отдыха, столь важного в условиях жаркого ереванского лета. Небольшие бассейны в сочетании с зеленью, свободно выложенными прогулочными дорожками, декоративной скульптурой, питьевыми фонтанчиками и каменными скамейками придают улице уютный и интерьерный облик. Обоснованы и более строгие, местами геометрические, формы бассейнов, вытекающие из планировочной и объемно-пространственной идеи улицы-бульвара. Исходя из общей идеи, произведена и свободная посадка древесно-кустарниковых пород, создавшая естественные природные условия на одной из центральных магистралей города [1]. Основной теневой эффект создают здесь дуб черешчатый и платан. В некоторых местах высажены также хвойные группы, которые своим вечнозеленым нарядом обогащают декоративность, особенно в зимние месяцы, когда воспринимается лишь графическое выражение других деревьев и кустарников. В озеленении массива улицы участвуют и стройные пирамидальные тополя, контрастирующие с горизонтальным членением светлых зданий.

В подобном ключе была застроена также ул. Арагаци в Ленинакане [2]. Здесь умело использован рельеф, который логически сформировал архитектурную композицию улицы: длинным домам, стоящим вдоль рельефа по одной стороне улицы, контрастируют сблокированные посредством лестниц блок-секционные дома — с другой стороны улицы. Все это благоприятно для жилья — по ориентации. Размещение в первых этажах магазинов и других объектов обслуживания в сочетании с развитой пешеходной зоной превратило улицу в оживленную зону общения и обслуживания населения, хотя уровень благоустройства желал бы лучшего.

В это же время формируются площадь Шаумяна в Кировакане и центральная площадь в Кафане, где немало усилий приложено для гармонизации их застройки с окружающим горным ландшафтом.

Остановимся на одном важном обстоятельстве. Когда обнаружилось, что массовое жилищное строительство на свободных землях преимущественно развивает окраинные районы, а в центральных частях, где все еще оставались большими группами нетронутые зоны малоэтажной устаревшей и ветхой застройки, было решено приступить к их реконструкции с заменой многоэтажными домами. К этому времени (60-е годы) строительная промышленность освоила возведение зданий повышенной этажности (9—14 этажей). Без разработки градостроительного регламентирующего проекта было начато их размещение в зоне исторически сложившегося центра. Для этого вместе с ветхими и аварийными зданиями часто сносились и исторически ценные здания XVIII — начала XX вв., являвшиеся образцами народной архитектуры. Были, конечно, и удачно размещенные дома, места которых обуславливались общей

[1] Дендролог А. Сборщикян.
[2] Архит. Г. Мушегян.

композицией центра города. Но их мало. В течение нескольких лет, в конце 60-х годов, нормированно сложившаяся классическая архитектурная морфология центра Еревана начала изменяться на глазах.

Неправильно поставленные высотные здания нанесли немалый ущерб застройке улиц и площадей города, а некоторые из них и зданиям, формирующим его архитектурный образ. Таково, в частности, здание по ул. Кирова, заслонившее панораму горы Арарат от террасы Матенадарана и вместе со зданием Министерства сельского строительства, возведенного на месте колоннады Дворца книги, внесшее разнобой и диссонанс в застройку самой улицы.

Высотные жилые дома недопустимо подняли плотность застройки и численность населения в характерных небольших кварталах центра, породив неразрешимую проблему их обеспечения школьными и дошкольными учреждениями и другими видами обслуживания.

В несколько иных масштабах, но по ущербу не уступающих (а возможно, и более весомых) приведенным примерам, можно оценить размещение группы многоэтажных жилых домов в зоне всемерно известных архитектурных памятников Рипсиме в Эчмиадзине, Маринэ в Аштараке, Кечарис в Цахкадзоре. Подобные действия, допускаемые в угоду сиюминутных потребительских выгод либо побужденные архитектурным экстремизмом, помимо прямого ущерба способствовали формированию миропонимания у некоторой части архитекторов о примате «нового» над «старым», в ущерб последнему.

В некоторых жилых домах повышенной этажности, построенных в этот период, нетрудно увидеть и элементы мастерства, и любовную проработку планового решения, и остроту формального мышления. Однако послабление градостроительной требовательности не могло не наложить отпечаток в целом на решение комплекса задач. Так, интересно решенные квартиры, с выдумкой прорисованные формы, выразительное объемное решение не могут оправдать неожиданность высотной композиции на рядовом месте и постановку под углом к красной линии жилого дома по ул. Саят-Новы (с Театром кукол в нижних этажах) [1], или размещение протяженного с крайне невыразительным фасадом здания по ул. им. 26 Бакинских комиссаров, не увязанного с существующей окружающей четырех-пятиэтажной застройкой [2]. Примеров немало. Не менее существенно, что в этих зданиях принципиально отвергнуты все намеки на их региональную принадлежность, даже традиционный камень.

Небезынтересно отметить, что по прошествии 15—20 лет многие архитекторы своим творчеством стараются преодолеть этот недостаток.

Ограниченный выбор серийных типовых жилых домов, породивший первые признаки монотонной застройки в районах массового жилого строительства, вызвал серьезную

[1] Архитекторы М. Айрапетян, Ф. Заргарян.
[2] Архитекторы Л. Геворкян, Дж. Торосян.

Ереван. Застройка внутриквартальных территорий центра. 1970-е годы

Yerevan. Development downtown intro-quarter areas, 1970s

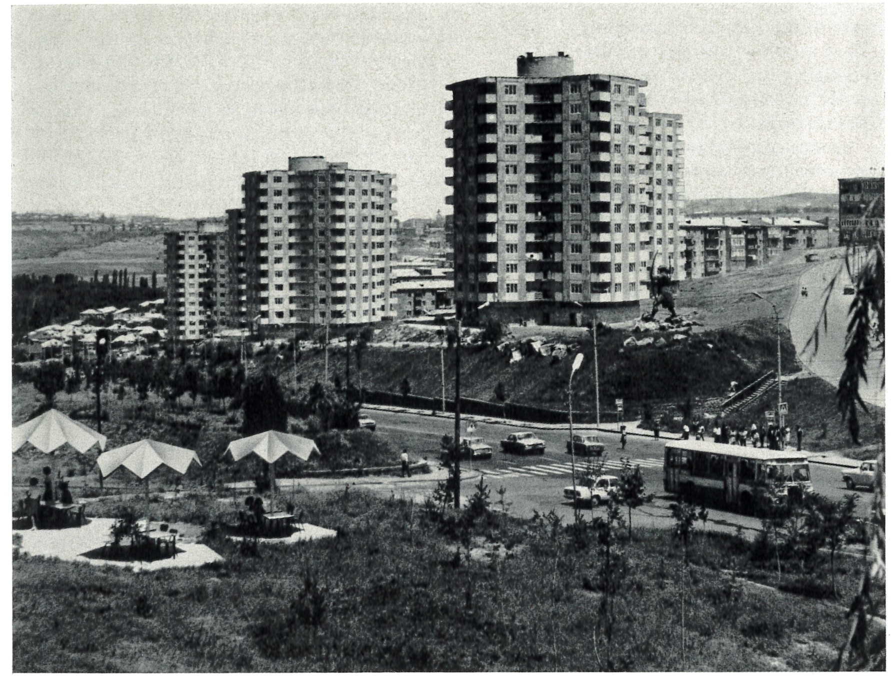

озабоченность. Отношение к первым крупнопанельным домам заводского производства сейчас не может не вызвать улыбку. Неприятие отвело их на городские окраины. На них появился бетонный орнамент. Позже была понята нелепость этого, подобная тому, как все еще кое-где из анодированного алюминия под бронзу штампуются ампирные поделки.

Для преодоления однообразия застройки, казалось, следовало освоить производство всех типов домов и блок-секций в применяемых сериях, даже если это потребовало бы много времени. Однако дело не пошло по этому принципиально верному пути.

В кругах специалистов, формирующих большую строительную программу, сложилось представление, что для разнообразия застройки необходимо освоение многих и разных типов домов на отличных друг от друга конструктивных системах. Первые же попытки добиться выразительности и разнообразия не дали результата. Не было необходимых общих конструктивных и архитектурных параметров, обеспечивающих хотя бы какое-то

единство этих домов в условиях архитектурной среды, в которой они применялись. Между тем наращивались мощности по выпуску двух-трех типов крупнопанельных домов серии КП-1п и каркасно-панельных серии 111.

Нельзя сказать, что период поисков и экспериментов прошел без пользы. Весьма успешно, в частности, зарекомендовал себя ряд каркасно-панельных систем, на основании которых были запроектированы и построены многие 9—12-этажные дома. Особого внимания достойны сборно-монолитная рамно-каркасная система [1] и метод подъема перекрытий и этажей [2].

[1] Инж. Р. Бадалян.

[2] Инженеры Р. Саакян, А. Саакян, С. Шахназарян.

Пространственная система рамного каркаса, основанная на «плетении» сборных замкнутых рам и на замоноличивании их по месту, доказала на деле широкую вариабельность в объемно-пространственных решениях. Жилые дома, построенные на этой системе, были оригинальны, а главное — разнообразны. К сожалению, в 70-е годы их производство было прекращено по организационно-хозяйственным соображениям строителей.

Большое развитие нашло строительство методом подъема перекрытий, начатое в республике почти 30 лет назад. Постоянное совершенствование производственного процесса, его организации, а также целеустремленный поиск новых архитектурно-планировочных решений, привели к широкому признанию этой системы не только у нас в Союзе, но и за рубежом. Если в выстроенных в этот период домах, в частности, в Норкском жилом районе, еще чувствуется некоторая робость или нарочитость в использовании неограниченных объемно-пространственных возможностей метода, то в более поздних примерах (жилом районе Норашен) налицо уверенность в их реализации. Думается, что при дальнейшем его развитии необходимо преодолеть некоторые потери площадей, вызываемые цилиндрической формой главной опоры — лестничного узла. Интересно отметить, что в этой системе, как показывает опыт, можно строить чуть ли не все виды обслуживающих учреждений: школы, детские ясли-сады и др., вплоть до гаражей индивидуальных автомашин, в которых, кстати, возможности

метода используются полнее. Строительство массового жилья крупными образованиями было поддержано и новым отношением к объектам обслуживания.

В этом ряду привлекают внимание полностью типизированные, различной емкости школьные здания и детские дошкольные учреждения, разработанные в 1960—1962 гг. институтом Армгоспроект. В основе их решения положена необходимая универсальность применения в различных рельефных условиях, которая сочетается с удачными технологическими и архитектурно-пространственными возможностями. Большой размах получило также строительство учреждений здравоохранения. Наряду с их строительством по типовым проектам, были выстроены оригинальные здания и комплексы по индивидуальным проектам. Среди них на бровке каньона реки Раздан — здание лечебного объединения на 250 коек, облицованное светло-желтым фельзитом. Сплошной фронт лоджий, небольшая высота и изогнутая плоскость фасада гармонично входят в живописную среду каньона и зеленого сада. Отличается здание единством и четкостью решения планировочного и технологического комплекса [1].

К этому времени относится и строительство на территории площадью в 22 га, севернее жилого района Ачапняк, крупнейшей

[1] Архит. К. Акопян при участии В. Атаджаняна.

в республике больницы на 1000 коек [1]. Ансамбль ее составлен из нескольких корпусов — главного и специализированных отделений, а также поликлиники, конференц-зала и столовой.

Протяженный по фронту главный корпус имеет два излома, которые по существу составляют основное архитектурное средство, масштабно членящее здание в открытом пространстве. Прием этот, сохраняя целостность здания, вместе с тем пластически подчеркивает его объемность, а главное, освобождает от дополнительной необходимости привлечения других архитектурных средств. Здесь внимательно проработан и решен комплекс лечебно-технологических и конструктивных вопросов.

Широкое распространение при массовом строительстве нашло в Армении размещение учреждений сферы услуг в первых этажах жилых домов. В условиях сложного рельефа эти учреждения удачно заполняют неизбежно образуемые объемы в цокольных и первых этажах привязываемых жилых домов. Но они, как правило, комплектуются из услуг первой степени обслуживания, содержание которых не всегда отвечает проектному назначению. Что касается объектов районного или общегородского значения, то их строительство сильно отставало и возводились они некомплексно.

С сожалением приходится в этой связи отметить, что предусмотренные в градостроительных проектах общественно-торговые и культурные центры продолжают застраиваться до сих пор отдельными, не увязанными друг с другом, разрозненными типовыми зданиями, а не в виде единых многофункциональных комплексов, построенных по индивидуальным проектам. С другой стороны, предназначенные для центров районов территории часто отводились под строительство объектов, не имеющих отношения к обслуживанию населения новых жилых районов (административные здания, НИИ и т. д.).

Так складывались центры жилых районов Ачапняк, Норк-1, Зейтун, Арабкир и др. Это результат погрешностей планирования массового строительства и снижения градостроительной дисциплины.

* * *

В 60-е годы построены многие общественные здания различного назначения, существенно повлиявшие на формирование нового облика городов республики.

В зависимости от их функционального назначения акценты в творческом плане ставились на определяющие компоненты архитектуры. Так, если в павильоне «Промышленность»[1] лаконичная конструктивная сборная оболочка, вписанная в 50-метровый квадрат, составляет образную сущность здания, то в павильоне «Культура и наука»[2] образ здания формирует своеобразное содружество стоечно-балочной системы и традиционной армянской стены, давших интересное решение.

[1] Архит. В. Гусян.

[1] Архитекторы Л. Геворкян, Дж. Торосян, конструктор Р. Манукян.
[2] Архитекторы Ф. Дарбинян, Р. Мелкумян.

Лечебное объединение на 250 коек в Ереване, 1965 г. Архит. К. Акопян при участии В. Атаджаняна

Medical complex for 250 beds in Yerevan, 1965. Arch. K. Akopyan with participation of V. Atadzhanyan

144

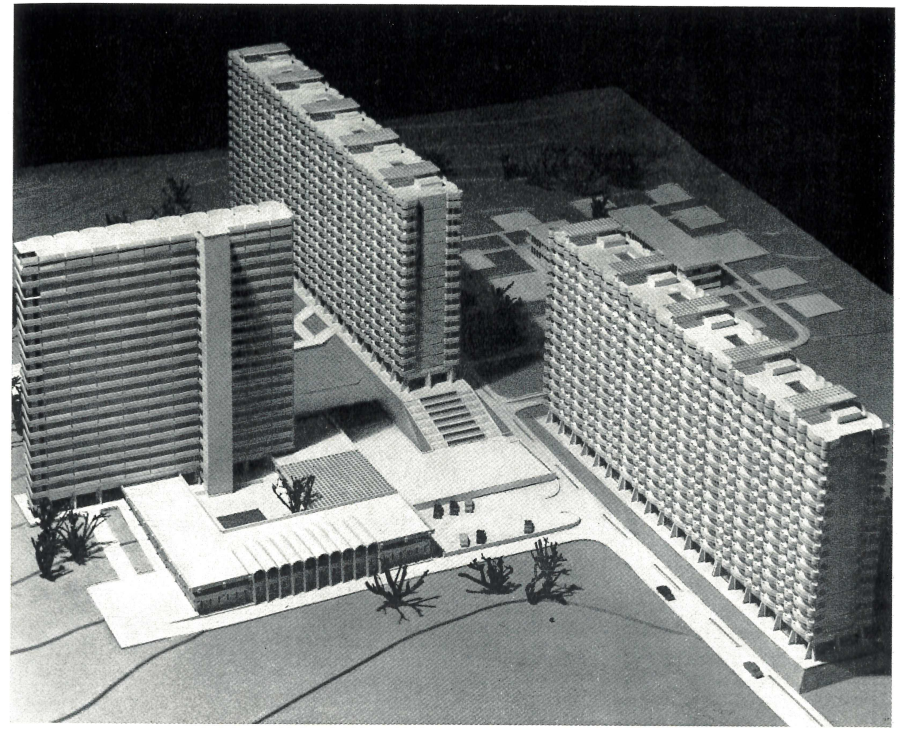
В эти годы в республике построено множество гостиниц, туристических баз и других учреждений. Среди них турбазы в Ереване и Кировакане, международная молодежная база «Цицернак» и небольшой пансионат на Норкских склонах в Ереване, гостиницы в Иджеване, Дилижане, крупная гостиница «Ани» в Ереване и др.

При различных размерах, месте и назначении все эти здания отличает индивидуальный архитектурный образ — в каждом из них найдены свои собственные художественно-выразительные особенности,

145

Проект жилого комплекса на 2500 чел. Макет. 1963 г. Архитекторы С. Хачикян, А. Тарханян, Л. Черкезян, Г. Погосян, В. Бабаян, А. Мелкумян

Design of residential complex for 2500 persons. Mock-up, 1963. Architects S. Khachikyan, A. Tarkhanyan, L. Cherkezyan, G. Pogosyan, V. Babayan, A. Melkumyan

являющиеся следствием синтеза архитектуры со смежными искусствами.

Умелое использование рельефа в базе «Цицернак» сообщает ей особую атмосферу тепла и уюта [1]. В пансионате на Норкских склонах [2] лаконичность композиции, раскрытой на амфитеатр центра города в сочетании с умелой компоновкой объемно-пространственных звеньев, создала здание, в котором удивительно соседствуют необходимая

[1] Архитекторы Э. Аревшатян, А. Тарханян, С. Хачикян.

[2] Архит. Дж. Торосян.

Гостиница «Ани» в Ереване, 1970 г. Архитекторы Ф. Дарбинян, Э. Сафарян, Ф. Акопян, конструкторы Г. Бальян, Ф. Ванян

Ani Hotel in Yerevan, 1970. Architects F. Darbinyan, E. Safaryan, F. Akopyan, Designers G. Balyan, F. Vanyan

представительность и приветливость. Отдельные, со вкусом прорисованные детали здания и малые формы дополняют общее впечатление. В симбиозе нового и традиционного здание звучит еще более современно.

Иной предстает гостиница «Ани» в Ереване [1]. Пятнадцатиэтажное здание несколько неожиданно оказалось выдвинутым на красную линию общегородской магистрали. Все последующие вопросы — повышенная этажность в ряду пятиэтажной застройки, отсутствие необходимого рекреационного пространства перед зданием для пешеходов и автомашин — неизбежное следствие этой ошибки. Однако при решении несредовых, узкоформальных задач авторы проявили хороший вкус, выдумку и чувство образной яркости. Сочетание светло-желтого фельзита с черным местным туфом, дополненное алюминиевым ограждением сплошных балконов, придает интересное колористическое решение всему зданию. Декоративная черно-белая каменная инкрустация торца соседнего жилого дома [2] раскрывает весь строй художественно-культурной направленности этого произведения. Наряду с современным конструктивным и функциональным решением, здесь возникают

[1] Архитекторы Ф. Акопян, Ф. Дарбинян, Э. Сафарян.

[2] Художник В. Хачатрян.

художественно-образные ассоциации с культурой наших самых древних предков. Подобным историзмом в подходе к решению трудной задачи и поныне объект вызывает подражание, а художественная ценность его со временем растет.

Большое внимание было уделено строительству спортивных сооружений. В плане реализации долгосрочной программы продолжается развитие спортивного центра в Ереване, в зоне ранее построенного стадиона.

Большим событием в этой области строительства было сооружение крупнейшего в то время в Закавказье стадиона «Раздан» на 75 тыс. зрителей [1].

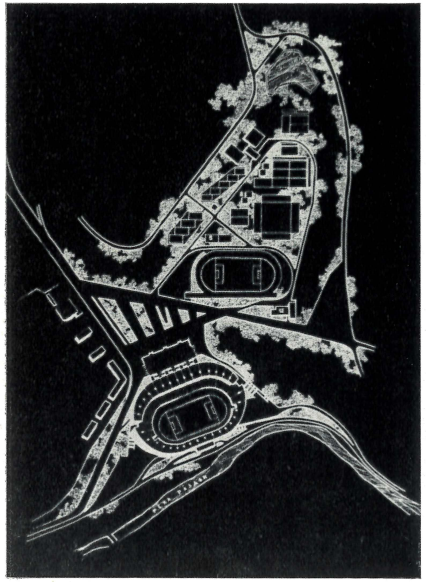
Выразительная композиция двухъярусного амфитеатра, раскрытого в сторону ущелья реки Раздан, сообщила сооружению оригинальность и придала ему запоминающийся архитектурный образ. Стадион был серьезным экзаменом для архитекторов и строителей республики на их зрелость в реализации строительства современных крупнейших спортивных сооружений индустриальными методами. К сожалению, здесь не до конца были решены вопросы обеспечения зрительских потоков совместно со всем комплексом работы транспорта в прилегающем к центру города районе. Эти вопросы должны быть разрешены в процессе реализации проекта реконструкции центра города.

[1] Архитекторы К. Акопян, Г. Мушегян, конструктор Э. Тосунян.

Центральный стадион «Раздан» на 70 тыс. зрителей в Ереване. Генеральный план 1970 г. Архитекторы К. Акопян, Г. Мушегян

Razdan Central stadium for 70 thousand spectators in Yerevan. Master plan, 1970. Architects K. Akopyan, G. Mushegyan

В районе Зейтун в Ереване было начато формирование комплекса научно-исследовательских учреждений. Здесь сооружены здания институтов тонкой органической химии, строительства и архитектуры, биохимии, кардиологии, а также вычислительный центр. Пространственно, однако, их единство не подтверждено ансамблевостью, хотя каждый из них, несомненно, обладает своими локальными достоинствами. Со временем предстоит составление единого градостроительно регулирующего документа не только для преодоления композиционной разобщенности данных сооружений, но и для внедрения методов современной интеграции и кооперирования их работы во всех возможных звеньях.

Характерно здание Института кардиологии [1], построенное в районе Верин Зейтун. В окружении малоэтажной застройки оно решено единым, нерасчлененным объемом повышенной этажности. Принятые шаг и ширина «лопаток» по всем плоскостям объема представляют нечто среднее между солнцезащитным средством и обычным межоконным простенком.

В качестве первого они служат неполноценно, в качестве второго — чрезмерно мелки. Несмотря на крупный размер объема здание в целом потеряло масштабность даже в сравнении с окружающей застройкой.

Интересные идеи авторов были реализованы в крупном комплексе Института математических машин [2], расположенном в начале ул. Комитаса. Однако в градостроительном плане здание не смогло связать застройку Арабкирского плато и общегородскую зону отдыха в ущелье реки Раздан. Оно их изолирует друг от друга.

Подкупает лаконичностью и умелым использованием различных материалов

[1] Архит. Дж. Торосян.

[2] Архитекторы О. Маркарян, Ш. Азатян, Б. Арзуманян.

Центральный стадион «Раздан» на 70 тыс. зрителей в Ереване. 1970 г. Архитекторы К. Акопян, Г. Мушегян, конструктор Э. Тосунян

Razdan Central stadium for 70 thousand spectators in Yerevan. 1970. Architects K. Akopyan, G. Mushegyan, designer E. Tosunyan

Здание симпозиумов Бюраканской обсерватории, 1964 г. Архит. С. Гурзадян

Symposia building of Byurakan Observatory, 1964. Arch. S. Gurzadyan

здание симпозиумов Бюраканской обсерватории [1].

Четкость функционального решения и строгость выбора средств отличают архитектурное решение здания Русского педагогического института им. В. Брюсова в Ереване [1].

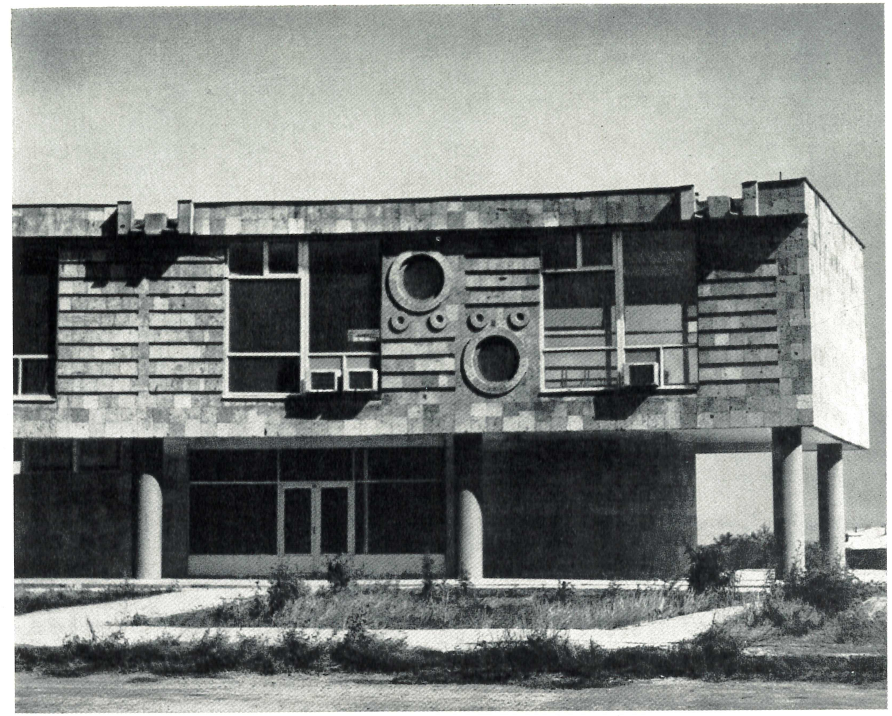
Комплекс студенческих общежитий в Зейтуне продолжает новаторскую линию архитектуры 20-х годов [2]. Современное звучание здания обусловлено применением

[1] Архит. С. Гурзадян.

[1] Архитекторы А. Алексанян, Ф. Акопян.
[2] Архитекторы Г. Кочар, Ш. Азатян.

Здание института АН Армянской ССР в Аштараке. Конец 1960-х годов. Архитекторы М. Мануэлян, С. Гурзадян, конструктор В. Погосян

Building of Armenian SSR Academy of Sciences Institute in Ashtarak. Late 1960s. Architects M. Manuelyan, S. Gurzadyan. Designer V. Pogosyan

повторяемых форм и остроконтрастных сопоставлений стекла и плоскостей, облицованных камнем.

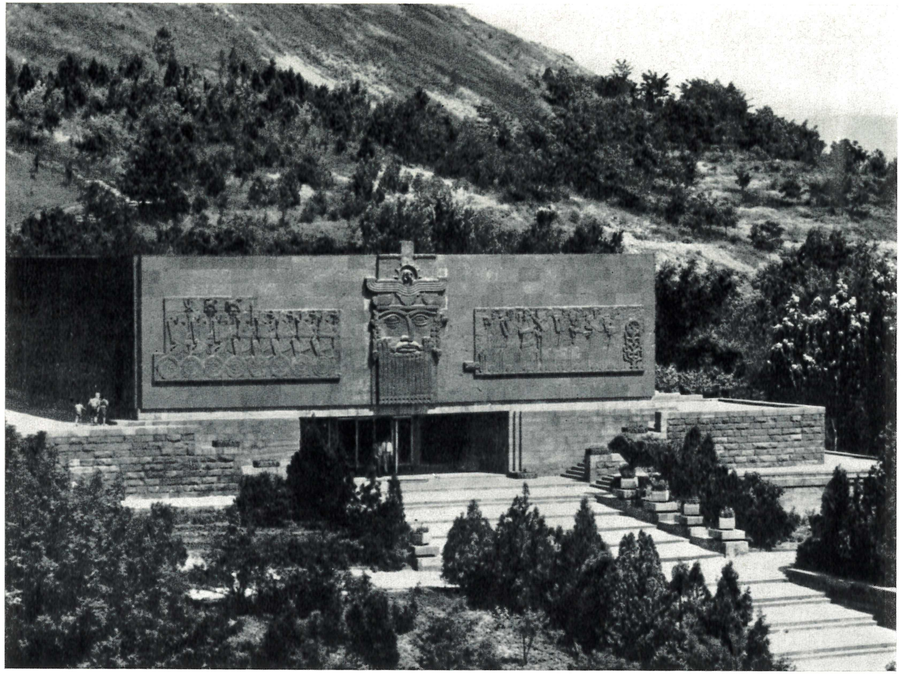
В здании музея «Эребуни», построенного у подножья крепости Арин-Берд, в ознаменование 2750-летия основания Еревана, умело синтезированы приемы современной архитектуры и монументальной скульптуры в духе стилизации урартских декоративных приемов [1]. Иными, более сдержанными средствами выражена архитектура Музея древностей

[1] Архитекторы Ш. Азатян, Б. Арзуманян.

Ереван. Музей «Эребуни». Общий вид, 1968 г. Архитекторы Б. Арзуманян, Ш. Азатян

Yerevan. Erebuni Museum. General view, 1968. Architects B. Arzumanyan, Sh. Azatyan

152

в Мецаморе — центре горно-металлургического производства III тыс. до н. э.[1].

Оригинальное треугольное решение объема отличает небольшой Дом шахматиста им. Т. Петросяна, выстроенный на Кольцевом бульваре в Ереване[1]. Сочетание глухих каменных плоскостей с остекленными поверхностями нижнего этажа — прием, который позже нашел применение во многих сооружениях. Несмотря на небольшие размеры это сооружение являет собой хороший пример монументального решения.

Особого внимания в этот период заслуживают здания культурно-

[1] Архит. М. Мануэлян.

[1] Архит. Ж. Мещерякова.

153

зрелищного назначения, задавшие во многом тон дальнейшему развитию архитектуры Армении. В этом ряду следует отметить здание Академического драматического театра им. Г. Сундукяна в Ереване[1]. Сложный зрелищный комплекс с залом на 1150 мест воплощает собой единство архитектонического построения. Обращенный главным фасадом на старинный парк, он олицетворяет огромный, раскрытый портал сцены с каменными «занавесами». Масштабность его подчеркнута малым входным порталом с высеченными на нем символическими рельефами. При вечернем освещении через остекленную поверхность просматривается живописное панно стены фойе второго этажа размером 30×5 м, выполненное народным художником СССР, лауреатом Ленинской премии Мартиросом Сарьяном.

Симбиоз архитектуры, скульптуры и живописи олицетворяет собой гармоничную трактовку синтеза искусств, далекую от характерных банальностей подобного плана, имевших место в этот период. Богато, но не всегда с безупречным вкусом решен интерьер здания. Композиционная цепочка от вестибюля, кулуаров, зимнего сада в фойе, завершаемая зрительным залом, представляет сумму самых разнообразных впечатлений. Явное послабление вкуса наблюдается в оформлении интерьеров зала и летнего сада. В строгом плане предстает новое здание Драматического театра им. Мравяна в Ленинакане[1]. Здесь все подчинено целесообразности внутренней функции, нашедшей правдивое выражение во внешнем облике. Представляется, что для данной темы вполне правомочны оба рассмотренных подхода к решению задачи. Если в ереванском театре для театрального действия создана своеобразная архитектурная среда, то в ленинаканском — эта среда сознательно нейтрализована и подчинена действию. Подобное различие в трактовке архитектурного образа функционально одинаковых зданий — основа для их правдивости.

Для рассматриваемого времени характерно активное проникновение в архитектуру концепций дизайнерского искусства с его трактовкой архитектурных образов зданий.

Принято считать, что чем больше круг ограничений свободы архитектурного поиска, тем выше уровень вероятности нахождения оптимального решения задачи. Оно связано со стремлением сокращения поисковых параметров. Это естественно. Условия полной свободы невозможны в нашем пространственном искусстве. Рационалистическое установление рамок задач по их значимости, порядок функциональной взаимозависимости и последовательность решения проблем характерны для любого поиска в науке или в искусстве.

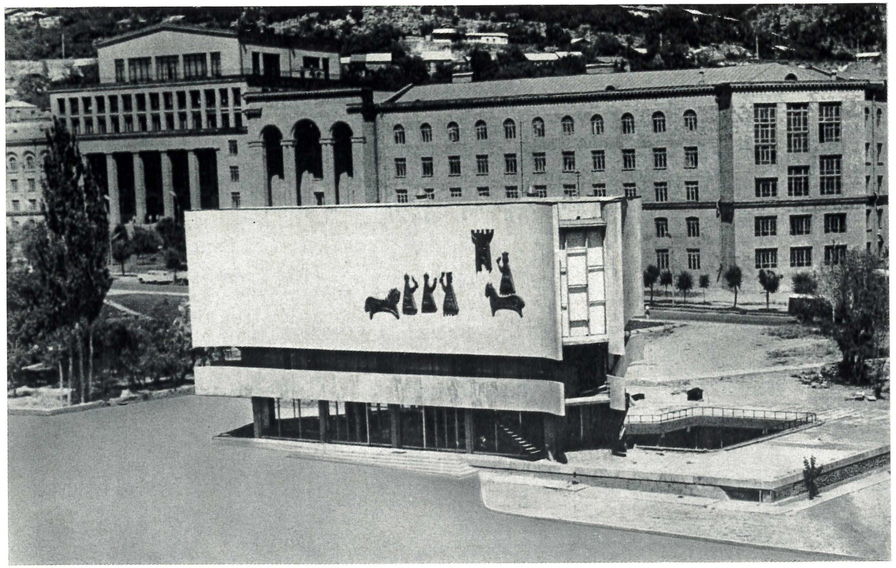
[1] Архитекторы Р. Алавердян, С. Бурхаджян, Г. Мнацаканян, инж. Р. Бадалян.

[1] Архитекторы С. Сафарян, Р. Багдасарян, конструктор С. Багдасарян.

Ереван. Дом шахматиста им. Т. Петросяна, 1970 г. Архит. Ж. Мещерякова

Yerevan. T. Petrosyan Chess Players' House. Courtyard fragment 1970. Arch. Zh. Meshcheryakova

154

Специфика архитектуры, занимающей промежуточное место между первым и вторым, также обусловливается этим. В аспекте искусства она опирается также на психический, интуитивный фактор, в свою очередь признаваемый формой проявления интеллектуального начала. В поисках истины науке важны все факторы, тогда как искусству — определяющие. Среди них один из самых главных — внешняя среда. Поэт сказал: «. . .природы храм для зодчего — дом отчий». Нет современной архитектуре другой достойной альтернативы.

Широта диапазона действия этого фактора простирается от локальных низких форм пространственной организации до сложных более высоких художественно-композиционных задач формирования образов ансамблей и целых городов.

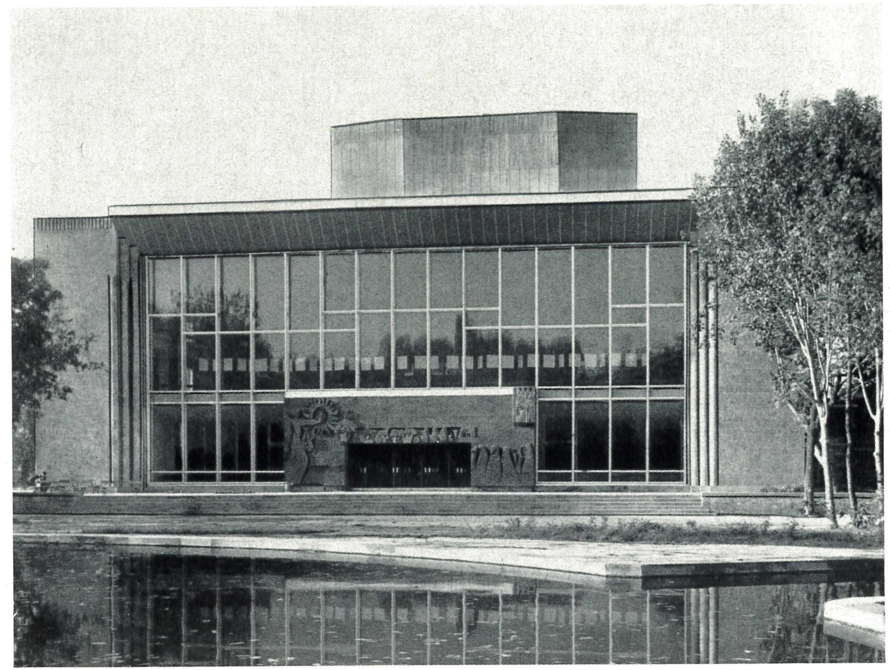
Как несложное проявление феномена среды, уместен пример архитектуры летнего зала кинотеатра «Москва» в Ереване[1]. В трудный

[1] Архитекторы С. Кнтехцян, Т. Геворкян.

155

Ереван. Здание Академического драматического театра им. Г. Сундукяна. Главный фасад. 1966 г. Архитекторы Р. Алавердян, С. Бурхаджян, Г. Мнацаканян, инж. Р. Бадалян

Yerevan. Building of G. Sundukyan Akademic Drama Theatre. Main facade. 1966. Architects R. Alaverdyan, S. Burkhadzhyan, G. Mnatsakanyan, Eng. R. Badalyan

период перестройки концептуальных основ советской архитектуры, на стыке 50—60-х годов, появление этого небольшого произведения было подобно художественному откровению.

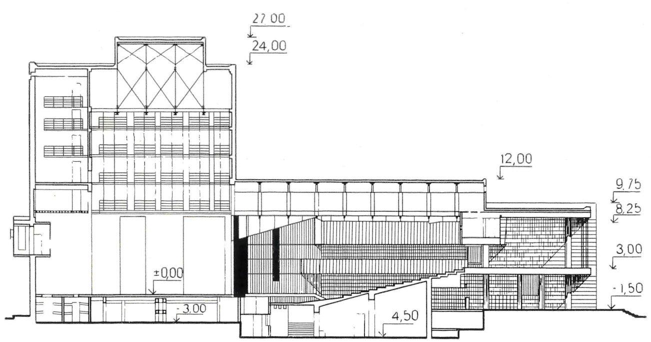
На месте небольшого, сложно очерченного пространства среди городской застройки, где раньше, подобно свитому птичьему гнезду, нашел место деревянный летний кинотеатр, авторы нашли все необходимые архитектурно-пространственные средства, чтобы гармонически вписаться в сотканную из живописных мазков разностильную застройку окружающей среды.

Сейчас, по прошествии многих лет, сознаешь, что вся оригинальность

Здание драматического театра в Ленинакане. Главный фасад, 1969 г. Архитекторы С. Сафарян, Р. Багдасарян, конструктор С. Багдасарян

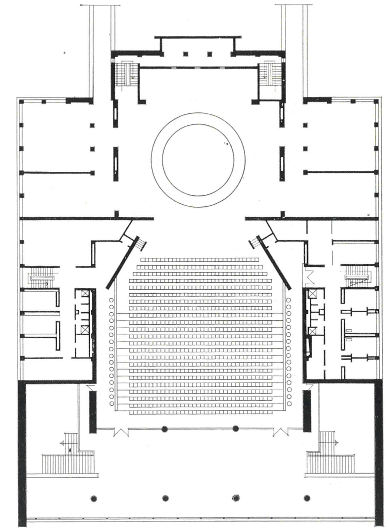
Building of Drama Theatre in Leninakan. Main facade, 1969. Architects S. Safaryan, R. Bagdasaryan, designer S. Bagdasaryan

Здание драматического театра в Ленинакане. План, 1969 г. Архитекторы С. Сафарян, Р. Багдасарян, конструктор С. Багдасарян

Building of Drama Theatre in Leninakan. Plan, 1969. Arhitects S. Safaryan, R. Bagdasaryan, designer S. Bagdasaryan

этого сооружения основана на осознании пространственных особенностей места, определивших его объемную структуру. Обладая нужной мерой иррациональности построения, присущей искусству, здесь все в сущности очень просто и целесообразно.

Вместо традиционных внешних, ограничивающих здание пределов, оно представляется открытым в сторону улицы интерьером, ставшим ее органической частью. Ему чужды формальные новации и стремление вызвать ими удивление. Логический акцент поставлен на разновысотные, остроумно сконструированные конические железобетонные колонны, на которых покоится амфитеатр. В общем гармоническом ключе композицию, подобно цветку, завершает объем кинопроекционной. Весь строй материализованной идеи поглощает любые недостатки, которые становятся частными. Их не видишь. Ни место, ни значение здания не нагрузили его более высокими композиционными функциями.

Главное состояло в том, чтобы найти верную архитектурную тональность для конкретной обстановки. Задача, казалось, была достаточно проста и однозначна. Но ее надо было правильно поставить и разрешить.

На этом здании мы остановились подробнее, так как в нем ярче проявилось стремление к восстановлению средового подхода, к разрешению композиционных задач в период неуверенности в незыблемость этой важнейшей особенности архитектуры. Кроме того, оно явилось (несмотря на стилистически иные качества) проявлением преемственности, утверждающим высокое композиционно-средовое понимание архитектуры, которое извечно было присуще армянской исторической архитектуре.

Насколько различно может проявить себя пространственная сущность архитектуры, можно увидеть в другом примере.

Дом культуры на 600 мест в г. Севане. Общий вид, 1970 г. Архитекторы М. Микаелян, З. Симонян

House of Culture for 600 seats at Sevan. General view, 1970. Architects M. Mikaelyan, Z. Simonyan

Дом камерной музыки в Ереване [1], размещенный на Кольцевом бульваре, отодвинут от его центральной оси. Уже подобный сдвиг оправданно отдает примат собственно бульвару. Объемно-пространственное решение здания начинается с плоскостных, планировочных элементов на достаточно отдаленных подступах к нему. Это дорожки, бордюры, водные поверхности, образующие с зеленью газонов и цветниками своего рода прелюдию к основным объемным действиям самого здания. Подобное развитие от плоских, низших форм пластики к собственно зданию сообщает всей композиции живость и динамичность, типичные для развития архитектурных и музыкальных тем. Не имея рядом ярких архитектурных доминант, здание будто бы нашло свою архитектурную опору в земле, на которой оно стоит.

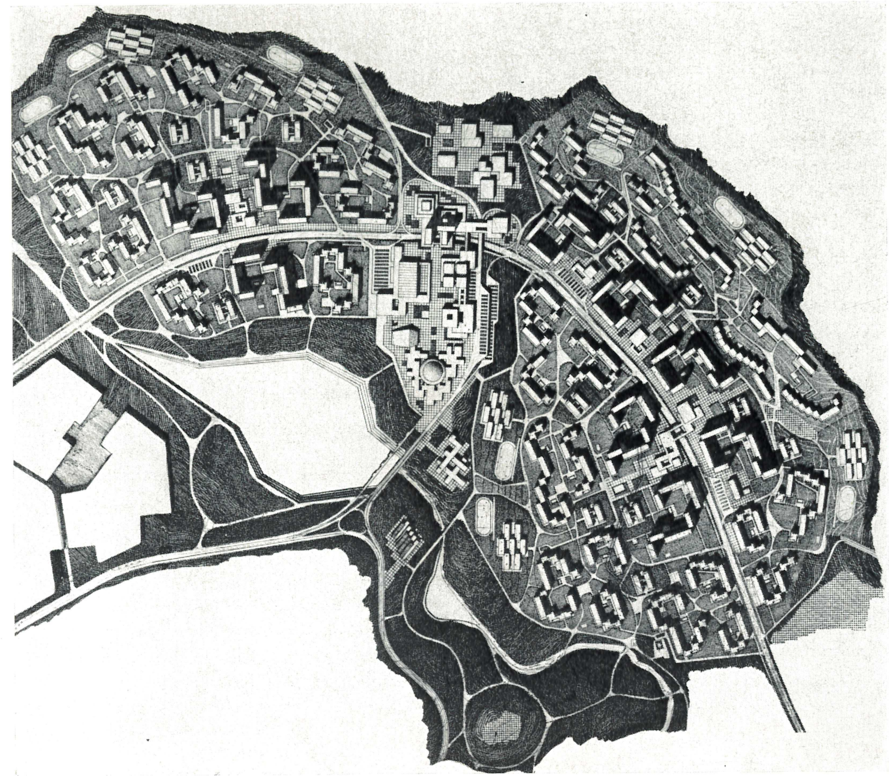
Этот визуальный аспект пространственного мышления автором последовательно переносится в действенные категории. Отказавшись от традиционных ограничительных барьеров — стен, дверей, изолирующих пространство зала, он, как бы вовлекает окружающий ландшафт внутрь здания. Тем самым любой уголок интерьера превращается в часть концертного зала и далее — в часть окружающей среды.

Подобная стертость функциональных и пространственных границ обеспечила их необыкновенное

[1] Архит. С. Кюркчян.

Ереван. Проект детальной планировки жилого района Аван. 1969. Архитекторы С. Назарян, Т. Авакян

Yrevan. Avan residential area. 1969. Design of detailed planning. Architects S. Nazaryan, T. Avakyan

единство. Зданию присущи последовательная иррациональная трактовка архитектурно-художественного образа. Под правдивостью образа здесь мы не видим примитива. Увод автором главного входа от оси здания, например, позволил избежать хрестоматийной «правдивости», чуждой искусству. Благодаря этому здание обрело динамическое равновесие, которое обусловливалось

его сдвижкой от оси бульвара. Но главное, раскрытием интерьера фойе вдоль продольной оси здания перекинулся мост между всем интерьером и окружающим ландшафтом.

Единая архитектурная тема, как бы родившись из стоящего на сцене органа, пронизывает весь интерьер. В этой теме нарисованы люстра зала и рельефные фрески, выполненные собственноручно автором — архитектором (давно забытый и весьма похвальный прецедент!). Эта художественная иллюзорность и акустические качества зала, подтвержденные специалистами, превращают его в красивый и хорошо настроенный гигантский музыкальный инструмент.
Удивительно свободно здесь автор использует всю архитектурную палитру и современных и традиционных средств. Где конструкции приняты железобетонные — там они правдиво выражают их формы; там же, где каменные, автор с исследовательской точностью воспроизводит веками усовершенствованные приемы (форма кладки, перевязка швов, порезка и т. д.). Достоверность как бы фиксирует высокие достижения каждого из них, поэтому нигде не возникает зловещая мысль об эклектизме, неизбежная при «приблизительности» или «псевдоправдивости». Старый и новый язык архитектуры здесь едины.

Дом камерной музыки, запроектированный и начатый строительством в 60-е годы, завершался в последующее десятилетие. В ряде архитектурно-художественных аспектов он отражает черты отхода от ортодоксальностей в понимании новаторства и

современности архитектуры. Продолжали развиваться в эти годы и здравницы Армении. Застраивались Джермук, Арзни, Дилижан, Анкаван на базе известных лечебных минеральных вод. Строится всесоюзного значения спортивная база в Цахкадзоре.

Оригинальностью трактовки образа следует отметить профилакторий завода им. Кирова (ныне НПО «Наирит») в Арзакане [1], хотя постановка его в виде «дома-моста» поперек ущелья может показаться спорной. В рассматриваемый период построено большое число промышленных объектов и комплексов во всей республике.

Продолжая сложившиеся традиции, о которых мы говорили выше, здесь не ставятся жанровые барьеры. Их архитектура продолжает развиваться в общем русле развития армянской архитектуры в целом.

К успехам промышленной архитектуры тех лет следует отнести завод химического волокна в Кировакане, комплекс заводов химических реактивов и витаминов в Ереване, Разданскую ГРЭС и др. Они построены на основе современной строительной технологии, компактно и экономично. Наряду с этими современными качествами строительства в них сохраняется верность архитектурно-выразительным качествам, традиционно присущим промышленному строительству Советской Армении.

[1] Архитекторы Р. Исраелян, С. Петросян, конструктор В. Даноян.

Ереван. Летний зал кинотеатра «Москва». Общий вид, 1968 г. Архитекторы С. Кнтехцян. Т. Геворкян

Yerevan. Summer hall of Moskva cinema. General view, 1968. Architects S. Kntekhtsyan, T. Gevorkyan

Одновременно в ведущем республиканском проектном институте по проектированию промышленного строительства Армпромпроекте разрабатываются градостроительные проекты, регулирующие строительство в промышленных узлах и городских промышленных районах. По комплексности решения и обеспечению их гармонической градостроительной взаимосвязью с селитебными районами, среди них следует отметить промышленные узлы в Масисе, Гагарине и др.

Высокая степень развитости городской инфраструктуры Еревана

Дом камерной музыки в Ереване. Главный фасад. 1970-е годы Архит. С. Кюркчян

House of Chamber Music in Yerevan. Main entrance. 1970s. Arch. S. Kyurkchyan

долгое время оставалась привлекательным фактором размещения здесь новых мощных промышленных предприятий. Но ограниченность территориальных ресурсов давала себя знать. Необходимо было сохранить площадь под селитьбу для бурно растущего населения города. Достаточно сказать, что по прогнозу население Еревана (по Генеральному плану 1951 г.) на расчетный срок 1965 г. должно было составить 450 тыс. чел. Но уже в 1959 г. оно перевалило за 0,5 млн. и продолжало расти.

Было принято решение о необходимости развития малых и средних городов республики, особенно находящихся в зоне распространения влияния столицы по транспортной доступности и системе сферы услуг. Уже тогда складывалась маятниковая

Дом камерной музыки в Ереване. Интерьер, 1970-е годы. Архит. С. Кюркчян

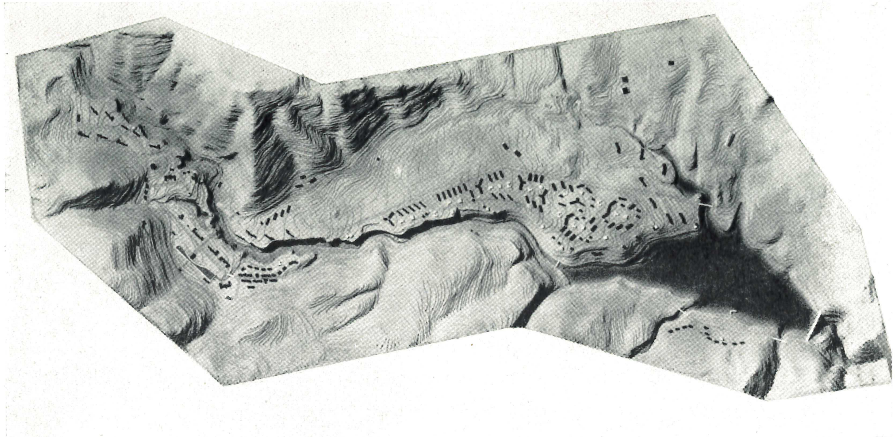
House of Chamber Music in Yerevan. Interior, 1970s. Arch. S. Kyurkchyan

Генеральный план курорта Джермук. Макет, 1963 г. Архит. П. Манукян

Master plan of Dzhermuk resort. Mock-up, 1963. Arch. P. Manukyan

164

миграция населения столицы и этих городов, которая стала основой начала формирования Ереванской агломерации. В развитие этой тенденции, призванной сдерживать рост населения столицы, начинают преображаться все населенные пункты в зоне Ереван — Севан. Наличие гидроэлектростанций Севанского каскада, строительство крупнейшей ТЭС, автострады и железной дороги обеспечивали благоприятные условия расселения. Так было положено начало г. Раздану — центру горно-химической промышленности, Чаренцавану, Севану, Лусавану, Абовяну и другим городам по этой линии.

Ввиду того, что были перекрыты многие позиции Генерального плана Еревана 1951 г. (численность населения, территориальные ресурсы и др.), в 1961 г. институтом Ереванпроект (с участием специалистов Гипрогора) была начата разработка ТЭО нового генерального плана развития города на 2000 г. После составления ТЭО был разработан генеральный план [1], который в 1971 г. утвердило правительство республики, тем самым положив начало новому этапу развития города.

При простых количественных изменениях населения и территории разработка новой программы,

[1] Архитекторы М. Мазманян, Э. Папян, Г. Мурза, Ц. Чахалян, инженеры В. Бордуков, В. Читечян, экономист З. Кублицкая; консультанты А. Кузнецов, П. Вавакин.

165

Профилакторий завода им. Кирова в Арзакане. Общий вид, 1960-е годы. Архитекторы Р. Исраелян, С. Петросян. Конструктор В. Даноян

Prophylactic treatment center of Kirov Factory at Arzakan. General view, 1960s. Architects R. Israelyan, S. Petrosyan, Designer V. Danoyan

регламентирующей развитие города, явилась бы делом не столь сложным. Однако город, перейдя в разряд крупнейших, изменился качественно: почти все планировочно-структурные и функциональные проблемы следовало решать на других принципах. Отсюда и те принципиально новые положения, которые были в него заложены. Комплексное взаимодействие природных, архитектурно-пространственных и функционально-структурных требований органически разбило город на девять планировочных зон (районов). Пролегли скоростные городские дороги, обеспечивающие нетранзитные связи между ними, и междугородние сообщения.

Коммуникабельность между соседними зонами, с центром города и местами приложения труда предусматривалась по общегородским магистралям, которые, в свою очередь, четко очерчивали границы жилых районов. Тем же принципом районные магистрали совместно с жилыми улицами накладывали на генеральный план структуру более мелких образований — микрорайонов.

Генплан рисовался цветком с восемью лепестками вокруг центра и еще тремя промышленными районами на внешнем обводе, где

Ереван. Автовокзал по Эчмиадзинскому шоссе, 1959 г. Архитектор Г. Агабабян

Yerevan. Bus terminal at Echmiadzin highway, 1959. Arch. G. Agababyan

южный глубоко вклинивается в центр города (ошибка, допущенная в довоенный период, которая когда-нибудь должна быть устранена).

Сейчас, по прошествии многих лет, следует достойно оценить органичность этой идеи для сложных условий территории, на которой развивается город. Даже каньон реки Раздан со своим прихотливым змеевидным очертанием гармонически дополняет рукотворную красоту структурно-организованной городской среды.

Красота генплана... Как и в каких проявлениях она может быть нами воспринята?

В нем, вероятно, потенциально заложена гармония между местом,

Здание института биохимии АН Армянской ССР в Ереване, 1962 г. Архит. Р. Алавердян

Building of Armenian SSR Academy of Sciences Institute of Biochemistry in Yerevan, 1962. Arch. R. Alaverdyan

Ереван. Здание швейной фабрики № 1 и Дома моделей. Архитекторы А. Агалян, Г. Григорян

Yerevan. Building of No. 1 Clothes Factory and Fashions' House. Architects A. Agalyan, G. Grigoryan

Проект детальной планировки центра Еревана. Макет, 1966 г. Архитекторы М. Мазманян, Э. Папян, Г. Мурза, Ф. Маркосян, С. Назарян

Desing of Yerevan downtown detailed planning layout. Mock-up. 1966. Architects M. Mazmanyan, E. Papyan, G. Murza, F. Markosyan, S. Nazaryan

Ереван. Схема генерального плана 1971 г. Архитекторы М. Мазманян Э. Папян, Г. Мурза, Ц. Чахалян. Консультанты архитекторы А. Кузнецов, Л. Вавакин

Yerevan. Master plan layout, 1971. Architects M. Mazmanyan, E. Papyan, G. Murza, Ts. Chakhlyan

его характером и органичностью функциональной взаимосвязи частей в жизни целого. Наконец, это стереометрическая программа трансформации математических пропорциональных категорий — в пространственные и временные, с тем же единством и бесконечной гармонией. . .

Единовременно невозможно охватить это целое. Но оно в наших представлениях, несомненно, синтезируется именно во временных и пространственных гармонических соотношениях частей. Так, в нашем представлении складываются художественные образы природы, городов и всего того, что не обозримо нашими органами чувств. Поэтому неудивительно, что если даже представится возможность одновременно увидеть весь город или крупный ландшафт, то его художественный образ в сознании будут формировать наиболее яркие и типичные особенности, которые мы в состоянии будем потом многократно «прокрутить» в нашем воображении.

Таков и Ереван. Есть много точек, как бровка Арабкирского плато, парк Цицернакаберд или Норк, откуда по разному мы можем охватить наибольшую часть города. Но не эти представления характерны для образа города.

В концентрированном, художественно-обобщенном виде этот образ наиболее ярко и емко выражается амфитеатром центра, площадью имени В. И. Ленина и Театром оперы и балета. Даже несмотря на нынешнюю

разобщенность (еще не пробит Северный проспект, который должен их связать) в представлении, основанном на их контрастной трактовке, подобно приемам киномонтажа, они воспринимаются едино. Застройка площади по-римски организует пространство, а Оперный театр — по-гречески (и по-армянски), подобно скульптуре подчиняет себе окружающее пространство. Этот контрастный прием, идущий от идеи первого генерального плана города, когда будет застроен Северный проспект, еще более расширит композиционное ядро центра и усилит его масштабное звучание.

Архитектура издревле названа застывшей в камне музыкой. Очевидно, в основе этого сравнения, кроме общих средств гармонизации (тема и ее вариации, ритм, пропорциональный строй, тональность и даже цвет), лежит общность восприятия во времени. И, если в рамках отдельного произведения их отличие в этом факторе заключается в контролируемой последовательности восприятия — для музыки и спонтанной — для архитектуры, то «город представляет собой конструкцию в пространстве, но гигантского масштаба, нечто такое, что можно воспринять только за продолжительное время» [30]. Более того, «все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» [31].

В искусстве формирования городов, особом искусстве, обособленном даже от архитектуры, К. Линч главное видит в использовании «определенных ощущений внешней среды». Человек, подобно всему живому, пользуясь органами чувств, опознает и упорядочивает свое восприятие этой среды. Дезориентация в среде означает потерю комфортности и душевного равновесия.

Поэтому образ города, формируемый у человека воздействием всех внешних факторов, во многом определяется деятельностью градостроителей, выступающих «манипуляторами материальным окружением» и заинтересованных «внешними носителями того взаимодействия, что порождает образ окружения».

Субъективно сформированный образ становится групповым, образуя «зону согласия» и формируя «общественный образ». Именно этот последний — инструмент в руках градостроителя, моделирующего окружение для большинства.

Неуклонный рост Еревана, наметившийся с установления Советской власти, продолжается и поныне. Он прежде всего обусловлен развитием промышленности и науки. За последние 60 лет Ереван, унаследовавший все качества губернского захолустья с единичными полукустарными производствами, превратился в один из крупнейших промышленных, научных и культурных центров Советского Союза. Химия, электротехника, машиностроение, а в последний период приборостроение, средства автоматики и др.— вот тот неполный перечень отраслей промышленности, давший городу небывалый импульс развития. Все более в производственном комплексе города повышается роль науки, которая выступает как

производитель. Научно-производственные объединения настойчиво расширяют свое решающее влияние на отрасли промышленности. Такова передовая тенденция индустриального потенциала города, стимулирующая его бурный рост.

Если по переписи населения 1926 г. в Ереване было всего 64,6 тыс. чел., то в 1984 г. оно составило 1113,7 тыс. чел., т. е. возросло более чем в 17 раз. По темпам роста населения Ереван находится на одном из первых мест в стране.

Однако скудность территориальных ресурсов в целом по республике создает большие трудности и в развитии города.

Достаточно сказать, что плотность расселения по республике, если исключить территории, непригодные для этого, составляет около 1000 чел. на 1 км^2, что в несколько раз выше, чем в таких плотно заселенных странах, как Бельгия и Голландия.

Ясность и четкость архитектурно-структурного построения нового генерального плана, утвержденного в 1971 г., делают его особенно ценным для реализации массового жилищного строительства. Каждое градостроительное образование в нем представляет собой основу для формирования самостоятельной архитектурно-пространственной ячейки, вместе с тем входящей через ступенчатое структурное построение в общую ткань города. В этом смысле новый генплан стал некоей нотописью, в которой нам и грядущим поколениям предстоит прочитать ее гармонию.

Но расчетное население Еревана по новому генеральному плану оказалось достигнутым с опережением на 20 лет! Произошло это без реализации всех основных мероприятий социально-экономического, градостроительного, экологического, транспортного, инженерно-технического характера и без освоения всех территориальных ресурсов. Это означает, что на ненормативных по площади городских территориях проживает сегодня избыточное население за счет переуплотнения. Содержание опередило форму.

И здесь обнаружились его серьезные недостатки. При составлении действующего генерального плана в основу его была заложена автономная система расселения. Не были учтены все факторы, связанные с развитием населенных мест Ереванской агломерации, которые тесно сплетаются с городом обменом трудовых ресурсов, социально-культурными связями, рекреационными функциями и общей инженерной инфраструктурой.

Рассматривая город как объект планирования, из множества программируемых аспектов важно выделить прогноз его пространственного и структурно-композиционного развития. Эти факторы, совмещенные с фактором времени, обеспечивают генеральному плану стабильность и долгосрочность.

Остальные компоненты, касающиеся планирования развития промышленной базы города на отдаленную перспективу, как показывает жизнь, являются зыбкими и изменчивыми. Когда их закладывают в качестве градоформирующих факторов, то прогноз на расчетный

срок со своими отдаленными этапами развития сковывающе конкретизирует структурно-пространственное решение генерального плана. Такое расхождение с естественными, напрашивающимися требованиями пространственного и временного развития города, на наш взгляд, недопустимо. Необходимо, чтобы генеральный план стал универсальным и при его оценке этот критерий являлся бы одним из главных.

Корректуру генерального плана, вызванную меняющимися требованиями жизни, при этом можно было бы произвести быстро и безболезненно. Тем более что в течение всего срока действия постоянно углубляется его содержание разработкой проектов детальной планировки и застройки.

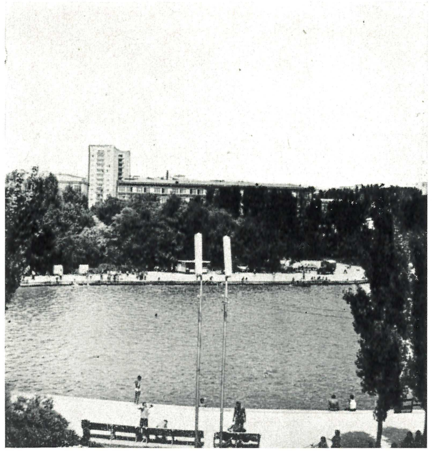
Раз и навсегда заложив в основу генерального плана оптимальные возможности освоения прилегающих к городу территорий и их структурно-планировочного решения, мы получаем возможность на каждую видимую планируемую перспективу устанавливать свои пределы развития во времени. Следует оговориться, что при этом города не должны развиваться неограниченно. Пример развития Еревана подтверждает целесообразность предлагаемой методики составления генеральных планов.

Действующий генплан четко очертил границы города как статического образования. За его пределами на градостроительно нерегулируемых территориях возникли, в основном волевым порядком, целые группы новых промышленных предприятий, которые стихийно формируются в промышленные районы. Разумеется, кадры их составляют городское население. Сейчас, когда требуется составление нового генерального плана, эти незапланированные промышленные территории своей деструктивностью властно расшатывают оптимально возможную функциональную и пространственную организацию городской территории.

Действовавший много лет запрет дальнейшего развития крупнейших городов оказался опрокинутым жизнью, поэтому составлению генеральных планов должны предшествовать специальные крупномасштабные разработки по расселению в республиках, областях, агломерациях населенных мест.

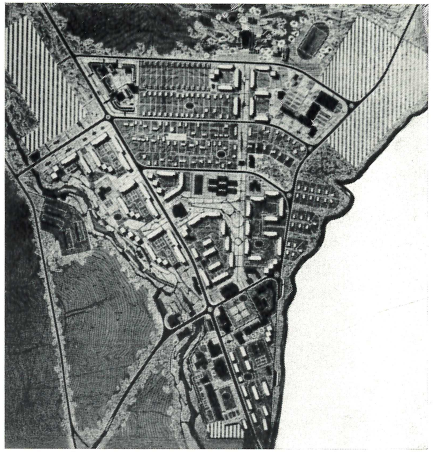
Особого внимания заслуживает идея преобразования стихийно возникших агломераций в групповые системы расселения (ГСР). Здесь расселение приобрело бы значительную пространственную гибкость и менее ограниченные возможности.

За последние 10—15 лет республиканскими проектными институтами проделана большая работа по составлению проектов районных планировок. Эта работа охватывает все административные районы республики, городские и сельские поселения. Основой для их составления послужила более масштабная работа — перспективная региональная система расселения республики в целом (РСР). Недалеко время, когда районными планировками будет обеспечена вся территория

Ереван. Искусственное озеро в парке «Победа». Архит. О. Акопян

Yerevan. Man-made lake in Victory Park. Arch. O. Akopyan

С. Амасия. Эскиз застройки. Архитекторы К. Казарян, М. Агабабян

V. Amasia. Development sketch. Architects K. Kazaryan, M. Agababyan

Армении. В этих работах особую ценность представляют анализ и объективная комплексная оценка природно-географической среды — важное обстоятельство для республики со скудными территориальными ресурсами.

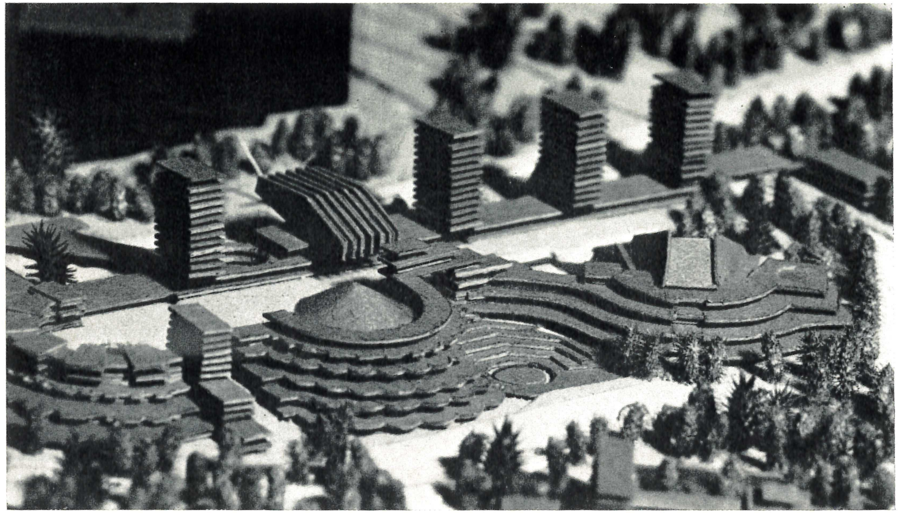
Сейчас начата разработка районной планировки Араратского (Ереванского) социально-экономического района, в который, кроме Еревана, войдут и примыкающие к нему Эчмиадзинский, Масисский, Наирийский, Арташатский, Абовянский и другие районы.

Главная задача ее заключается в решении вопросов, связанных с ограничением дальнейшего роста собственно Еревана и возможного его преобразования в групповую систему расселения, совместно с населенными пунктами, прилегающими к городу. Сложность задачи очевидна. Она обусловлена территориальными, административными и отраслевыми барьерами, преодоление которых требует принципиально нового методологического подхода. Еще В. И. Ленин писал, что «города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»[1]. В современных условиях требуется подход к городу как к единому целому, требующему взаимосвязанного развития всех его элементов [32].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 23.— С. 341.

Проект жилого района в Чаренцаване. Архитекторы А. Мириджанян, М. Сафрастян

Design of residential area at Charentsavan. Architects A. Miridzhamyan, M. Safrastyan

Проблема комплексного роста городов стала велением времени. В век научно-технической революции существенно изменилась и усложнилась многоотраслевая структура промышленности города, где наука и научное обслуживание, транспорт и управление существенно влияют на формирование города. Город выходит из своих границ.

В сферу его влияния все более вовлекаются прилегающие территории.

Усложняются трудовые связи, повышается значение пригородных зон с предприятиями градообслуживающего и рекреационного назначения. Наконец, возрастает роль пригородной зоны как средства активного воздействия на экологию города.

Все эти вопросы требуют нового подхода к проблеме комплексного развития советского города, которая увязывала бы в единстве экономические, социальные, технические, правовые и управленческие аспекты. На этом давно уже настаивают специалисты, и надо думать, что дальнейшее развитие городов должно будет пойти этим путем.

Этого хочется ожидать и от нового генерального плана Еревана.

Ереван. Памятник Г. Гукасяну. Скульптор С. Степанян

Yerevan. G. Gukasyan Monument. Sculptor S. Stepanyan

* * *

С установлением Советской власти в Армении началось возрождение монументального искусства.

Поскольку в предыдущих главах разговор о памятниках шел в основном в аспекте оценки их градостроительной роли, остановимся на этой теме подробнее.

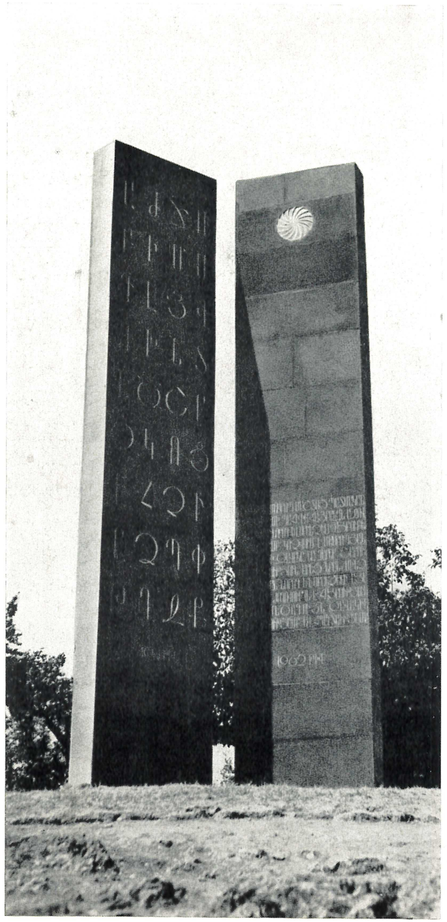
Памятники, построенные в довоенное двадцатилетие, как правило, основаны на вариациях классических образов, и ценность их определяется скорее качеством скульптурных изображений, нежели памятников в целом. Таковы памятники Х. Абовяну, Г. Гукасяну в Ереване. Исключение составляют памятники В. И. Ленину и Ст. Шаумяну, в которых, несмотря на их стилистическое отличие, выражены свойства и дух армянского искусства монумента. Если в памятнике Ст. Шаумяну художественный акцент находится в сфере единства архитектурно-скульптурной монументальной формы и материала, то в памятнике В. И. Ленину, наделенному теми же качествами, благодаря широкому использованию фактурно-пластических возможностей ряда материалов, вносятся дополнительные камерные ноты.

Памятники, построенные ранее, являются объектами весьма ограниченных градостроительных задач. Памятники же В. И. Ленину и Ст. Шаумяну далеко выходят за эти рамки. Каждый из них, замыкая одну сторону одноименной площади и соединяющего их бульвара, обретает значение крупного объекта большой

Памятник, посвященный 1600-летию армянской письменности. 1962 г. Архит. Дж. Торосян

Monument devoted to 1600 years of the Armenian written language, 1962. Arch. D. Torosyan

архитектуры, формирующего градостроительный ансамбль. В памятнике Ст. Шаумяну благодаря монументальной «пилонаде», участвующей в формировании площади, зелень бульвара не теряет связи с последней. Монументальная форма и абсолютные размеры пилонов послужили своеобразным посредником между пространством площади и собственно скульптурой, которая обрела силу и масштабность.

Ту же задачу решает памятник В. И. Ленину, однако несколько иными средствами. Здесь пьедестал скульптуры — органическая часть развитого стилобата трибуны. Высота стилобата не мешает зелени расположенного за ним бульвара связаться с пространством площади. Это обеспечивает динамичность развития площади в юго-западном направлении, вдоль главной композиционной оси ядра центра.

Забегая несколько вперед, скажем, что подобная преемственность градостроительного приема нашла свое развитие и в памятнике Ал. Мясникяну, построенному в конце 70-х годов [1]. Здесь роль архитектурного оптического барьера, формирующего площадь, на себя взяла группа полированных гранитных стел, в просветах которых просматривается новый бульвар. Скульптура, стоящая перед стелами на широком стилобате, к сожалению, не решена в общей с ними тональности.

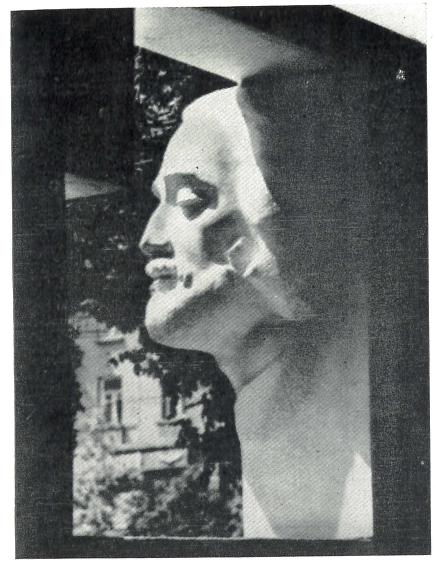
[1] Архит. Дж. Торосян, скульптор А. Шираз.

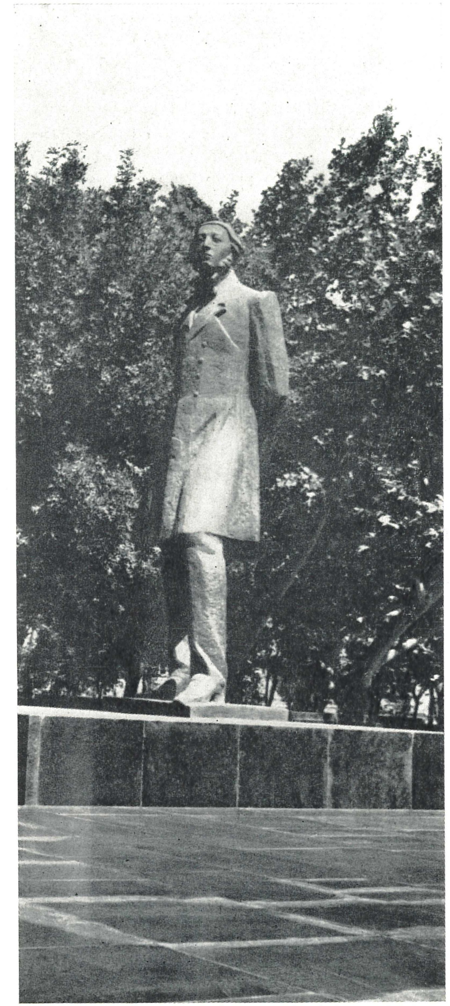
Ереван. Памятник Саят-Нова. Скульптор А. Арутюнян, архит. Э. Сарапян

Yerevan. Sayat-Nova Monument. Sculptor A. Arutyunyan, Arch. E. Sarapyan

Памятник М. Налбандяну в Ереване, 1967 г. Скульптор Н. Никогосян, архит. Дж. Торосян

M. Nalbandyan Monument in Yerevan, 1967. Sculptor N. Nikogosyan, Arch. D. Torosyan

В последние десятилетия последовательно и целенаправленно разрабатывает тему стелы архитектор Дж. Торосян. Тему, которая идет с урартской эпохи и через хачкары подходит к нашему времени. Эта благодарная задача нашла реализацию в памятнике, посвященном 1600-летию армянской письменности, памятниках воинам, погибшим в Великой Отечественной войне в селе Мец Парни, жертвам геноцида близ Аштарака и др.

Все они отличаются изысканностью прорисовки и должным художественным тактом, присущим автору.

Парк — памятник «Сардарапатская битва» в Октемберяне. Звонница, 1968 г. Архит. Р. Исраелян

"Sardarapat Battle" Memorial Park in Oktemberyan. Belfry, 1968. Arch. R. Israelyan

Глубоко символично воплощена идея дружбы городов-побратимов Карарры (Италия) и Еревана. В зоне Кольцевого бульвара, невдалеке друг от друга стоят дар Карарры Еревану — беломраморная скульптура «Руки дружбы» и копия стелы-родника — дара Еревана Карарре [1]. Символика нашла оригинальное выражение в благоустройстве бульвара между памятниками В. И. Ленину и С. Г. Шаумяну. На всем его протяжении (свыше 100 м) бьют фонтаны в 2750 струй, превращая весь этот комплекс в своеобразный памятник основанию Еревана (Эребуни), его 2750-летию [2].

Своеобразен и памятник великому армянскому гусану (народному поэту и музыканту) Саят-Нове, установленный в сквере перед консерваторией [3]. В современную по форме ажурную беломраморную стенку вкомпонован бюст гусана, выполненный в довольно тонкой пластике.

На углу ул. Налбандяна, на Кольцевом бульваре, поставлен скульптурный памятник выдающемуся поэту и революционеру-демократу Микаэлу Налбандяну [4]. Постаментом здесь служит огромная плита из черного полированного гранита.

[1] Архит. Р. Исраелян.
[2] Архит. Л. Садоян.
[3] Скульптор А. Арутюнян, архит. Э. Сарапян.
[4] Скульптор Н. Никогосян, архит. Дж. Торосян.

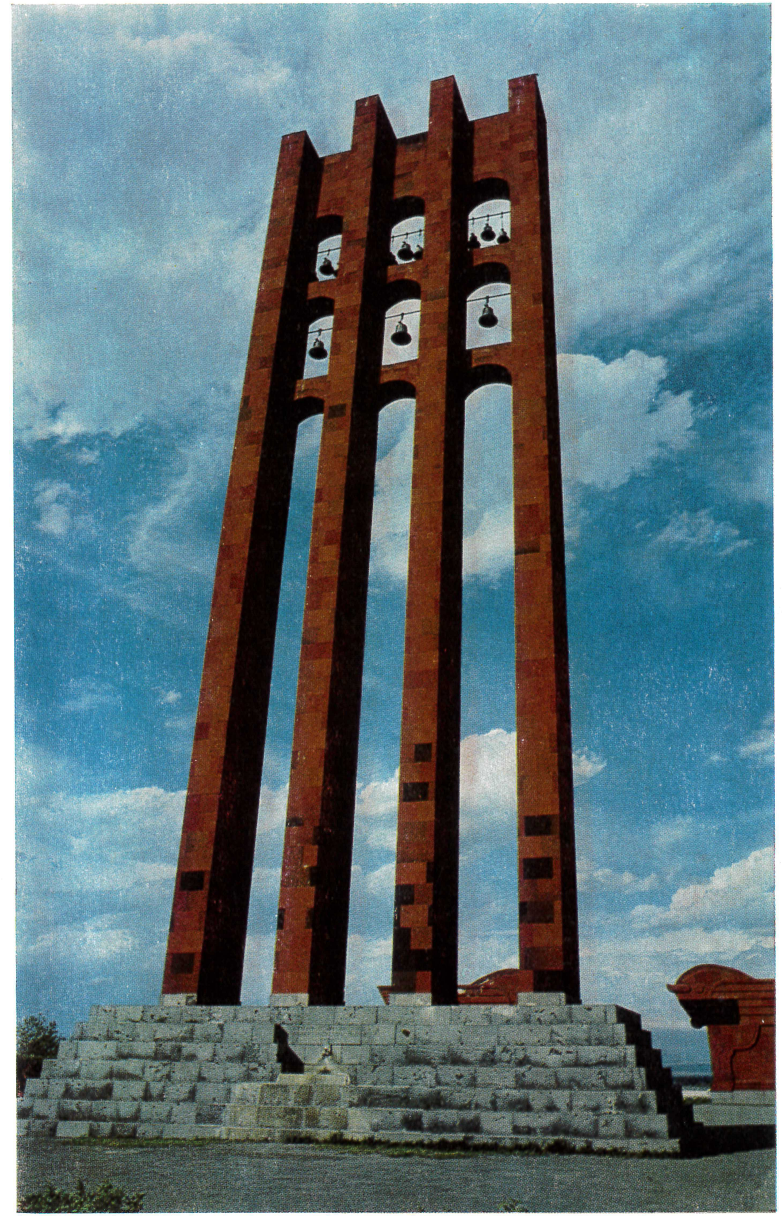
Отсутствие привычного пьедестала и свободная трактовка всей композиции передают суть художественного образа, являя собой новаторскую трактовку синтеза архитектуры и скульптуры.

Выдающимся явлением во всей культурной жизни республики стало сооружение в Ереване на холме Цицернакаберд мемориального комплекса «Егерн», посвященного армянам — жертвам геноцида 1915 г.[1]

Ансамбль памятника, состоящий из Зала памяти, обелиска возрождения и направляющей стены, выражает необыкновенную цельность и единство. В центре композиции, вокруг углубленной круглой площади с вечным огнем, в скорбном молчании склонены 12 мощных гранитных пилонов. «Перекрыт» Зал памяти небосводом, просветы между пилонами образуют гигантский «терновый венец». Льющиеся звуки национальной хоровой музыки образуют неповторимую гармонию разных стихий и редкий эмоциональный настрой. Контрастом, усиливающим минорную тональность, звучит торжественно сверкающий в лучах солнца раздвоенный обелиск, символизирующий возрождение армянского народа.

Комплекс является образцом утверждения безграничных неопосредованных художественно-образных возможностей архитектуры. Здесь нет никаких других изобразительных средств, даже —

[1] Архитекторы С. Калашян, А. Тарханян, художник В. Хачатрян.

традиционно-армянских надписей на камне. В известном смысле он является песней, посвященной архитектуре. Волна эмоций, рождаемая этим удивительным произведением искусства, не оставляет равнодушным никого.

Другой значительный памятный комплекс был начат строительством в эти годы близ села Сардарапат, где сейчас завершено сооружение большого комплекса мемориального парка-памятника, посвященного победе армян в 1918 г. над турецкими захватчиками [1].

Комплекс охватывает собственно монумент — звонницу, «аллею орлов», мемориальную стену с триумфальными воротами, музей и трапезную. Вся эта система со сложной динамикой развития, мемориальной стеной [2] как бы разделена на две зоны. Во второй зоне находятся трапезная и кульминация всей композиции — Музей этнографии Армении.

Здание музея без каких-либо издержек может быть отнесено к самым выдающимся произведениям советской армянской архитектуры. Глубокое понимание музейной сущности здания, постижение трудностей, связанных с определением правильного сочетания необходимости сосредоточить внимание посетителя на отдельном, подчас «ручного размера» экспонате с архитектурно-мощной масштабностью здания рядом с величественным Араратом,— вот тот диапазон творческого поиска, в котором рождено это сооружение.

Автор в архитектурную тему

[1] Архит. Р. Исраелян.
[2] Архит. Р. Исраелян, скульпторы А. Арутюнян, С. Манасян, А. Шагинян.

каменной стены вторгся с глубоким, классическим и одновременно современным осмыслением роли естественного света. Замкнутое по сути здание оказалось пронизанным солнечным светом. С почти научной точностью использованы свойства прямого света — через зенитные окна (традиционные «ердики») и отраженного — через световые дворы, облицованные красным октемберянским туфом, цвет которых сообщает почти сценическую освещенность интерьерам из розового туфа. Этого армянская архитектура не знала. Таково здесь новаторское осмысление традиционного.

Акцент из сферы традиционной архитектурной формы здесь, кажется, смещен в область духовного, философского осмысления архитектуры. Форма же на редкость скупа, даже аскетична. Она как бы служит фоном, на котором разворачивается архитектурное действие. Двери, перила, канделябры и другие «мелочи» архитектуры отмечены сочностью, исраеляновской артистичностью и подобны живым росткам, рожденным этим монументальным зданием.

Могучая пластика здания поражает своей масштабностью. Да, это новая архитектура с адекватной масштабностью и пластичностью. Ее внутренняя технологическая и объемно-пространственная структура едина и глубоко современна. Ее выход на внешнюю композицию, на стык внешних и внутренних функций, глубоко органичен.

Неожиданным подарком

Памятник армянам — жертвам геноцида 1915 г. Общий вид, 1965 г. Архитекторы С. Калашян, А. Тарханян, художник О. Хачатрян

Monument ot Armenians-Victims of Genocide of 1915. General view, 1965. Architects S. Kalashyan, A. Tarkhanyan, Artist O. Khachatryan

посетителю представляются в этом своеобразном замкнутом мире, созданном требованиями специфики здания, два нешироких видовых окна, направленных на горы Арарат и Арагац. Они подобны живописным полотнам, вошедшим в графически спокойную, монохромную архитектурную среду интерьера музея.

Влияние этого здания на творческую направленность армянских архитекторов огромно.

Творческое осмысление задачи, но только не в ландшафтном, а в сложившемся городском пространстве, присуще другому памятному комплексу, посвященному 50-летию Советской Армении [1]. Строительство его также было начато в 60-е годы. Весь комплекс задуман как единый градостроительный ансамбль, своеобразный культурный центр общегородского значения.

Осевая композиция его является отрезком, соединяющим систему Северного проспекта с нагорным Арабкирским районом. Комплекс, таким образом, занимает крутой склон нагорья и завершается на бровке плато собственно памятником-обелиском.

Озелененный склон длиной в 400 м задуман в виде оригинального каскада культурных и зрелищных сооружений (кино-лектории, выставочные залы, кафе, открытые залы-амфитеатры), которые обеспечены пешеходной и эскалаторной связью. Эти объекты группируются вокруг двориков, обращенных на панораму города с Оперным театром на оси и величественным Араратом вдали. Базальтовый обелиск высотой более

[1] Архитекторы Дж. Торосян, С. Гурзадян, А. Мхитарян.

50 м и крытый Памятный зал в форме квадратной арены завершают этот каскад сооружений.

Обелиск венчается золоченым колосом — древнейшим символом вечности жизни. Памятный зал украшает поставленная в центре базальтовая герма, освещенная сверху традиционным зенитным светом. Трехвершая герма, напоминающая древний межевой знак, и рамка «ердика», набранная из массивных, но изящно обработанных в духе армянских хачкаров, плит, могут считаться произведениями пластического искусства.

Хотелось, чтобы в процессе окончательного завершения всего комплекса были бы усилены его органические связи с парком, который предстоит заложить на склоне Северного каскада.

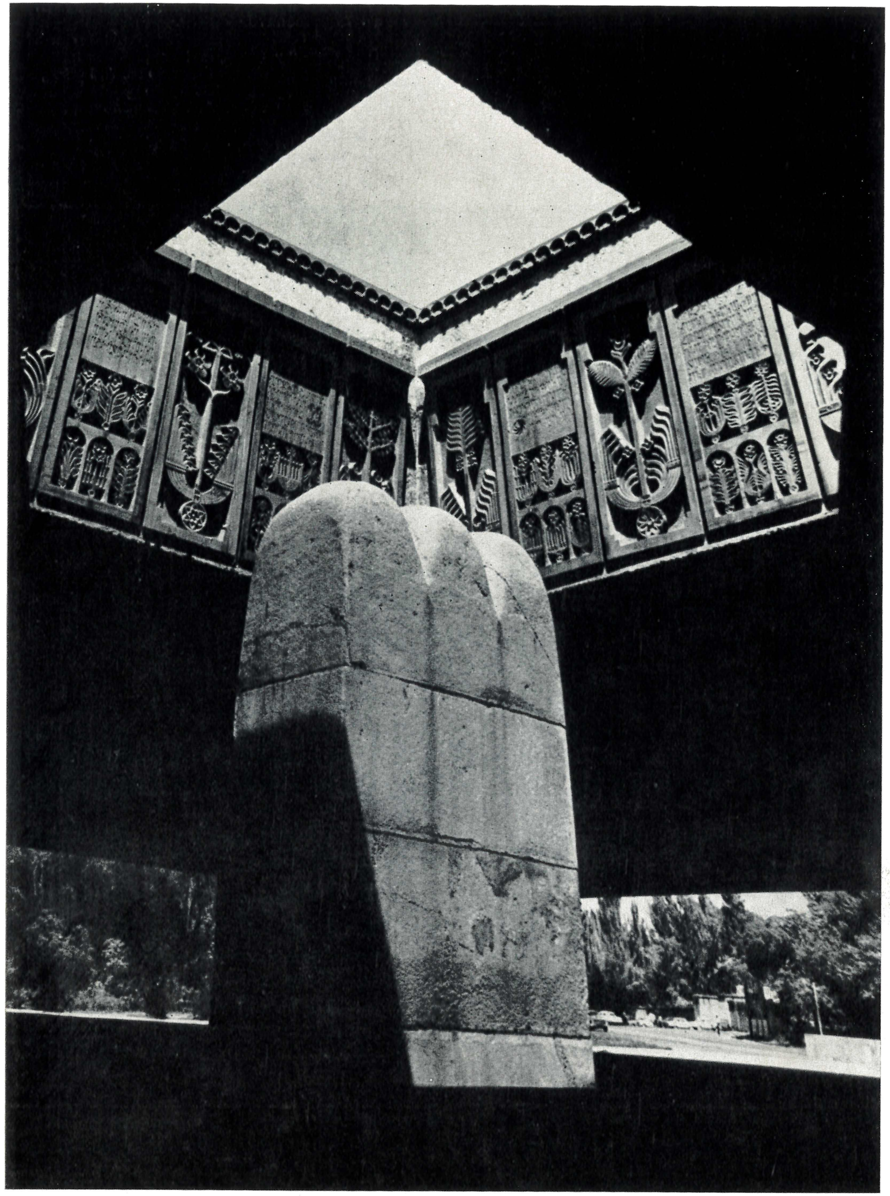
Монументы и памятные комплексы сооружены и в других городах республики. Среди них обращает внимание памятник 1000-летию основания средневековой столицы Армении — города Ани [1], возведенный в Ленинакане, и особенно несколько позже завершенный памятник «Возрождение» [2] в Апаране. Композиция и пластическая оригинальность последнего делают его одним из интересных образцов монументального жанра. Нельзя не остановиться и на памятнике Александру Таманяну [3], по праву

[1] Архитекторы А. Дживанян, Р. Егоян.
[2] Архит. Р. Исраелян.
[3] Скульптор А. Овсепян, архит. С. Петросян.

Музей этнографии Армении в Сардарапате. Интерьер, 1974 г. Архит. Р. Исраелян, конструктор А. Текнеджян

Armenia's Museum of Ethnography at Sardarapat. Interior of main exhibition hall, 1974. Arch. R. Israelyan, Designer A. Tekhnedzhyan

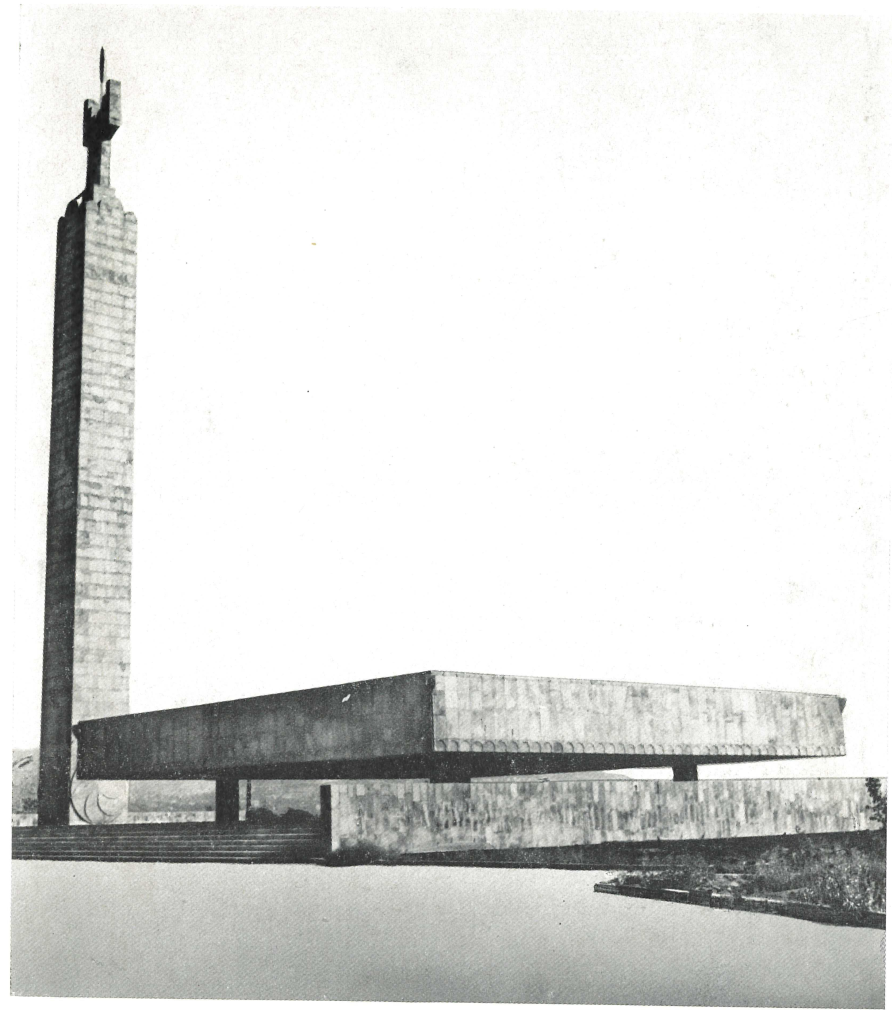

Ереван. Обелиск 50-летию Советской Армении. Фрагмент. 1970 г. Архитекторы Дж. Торосян, С. Гурзадян

Yerevan. Obelisk to 50th anniversary of Soviet Armenia. Fragment, 1970. Architects D. Torosyan, S. Gurzadyan

Ереван. Обелиск 50-летию Советской Армении, 1970 г. Архитекторы Дж. Торосян, С. Гурзадян

Yerevan. Obelisk to 50th anniversary of Soviet Armenia, 1970. Architects D. Torosyan, S. Gurzadyan

Памятник «Возрождение» в Апаране, 1979 г. Архит. Р. Исраелян

"Revival" Monument at Aparan, 1979. Arch. R. Israelyan

Ереван. Декоративная скульптура. Скульптор Р. Симонян

Yerevan. Decorative sculpture. Sculptor Hr. Simonyan

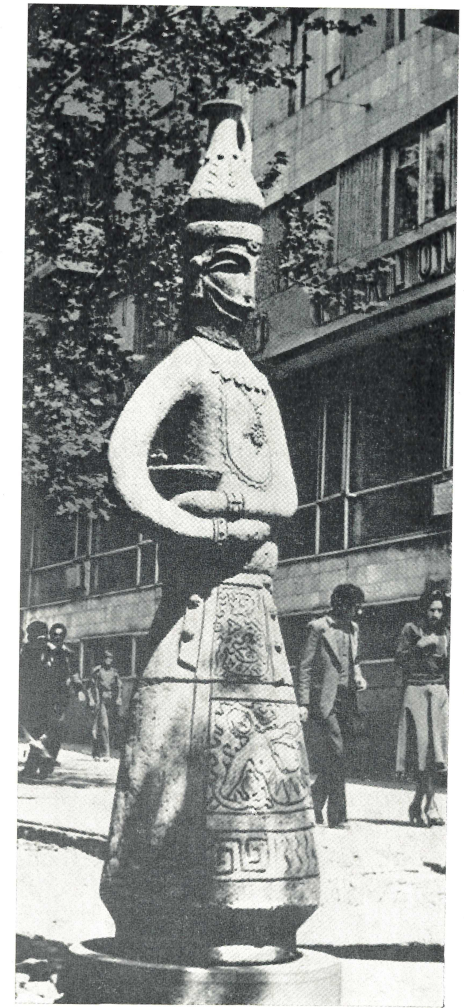
снискавшему всеобщее признание. Воздвигнутый в начале одноименной улицы, памятник приковывает внимание неординарной композицией и неожиданной трактовкой самого образа зодчего. В нем монументальность форм сочетается с обобщенностью пластического решения, основанного на высоком профессионализме исполнения и большой культуре пространственного мышления. Это, безусловно, одно из достижений нашего монументального искусства.

Диапазон жанра монументального искусства исключительно широк. Он простирает свои границы от крупных мемориальных комплексов до небольших памятных досок, устанавливаемых на зданиях в честь исторических событий или выдающихся деятелей. Для этих памятных досок характерна нешаблонность, благодаря чему они перерастают в своеобразные произведения искусства.
В определенной степени можно утверждать, что своим предназначением они являются современной модификацией традиционных хачкаров.

Продолжающиеся поиски в этом направлении порой весьма пестры и говорят о неустановившихся еще окончательно основах жанра, где кроме достижений имеется и много спорного. Однако здесь несомненна живучесть традиции глубокого уважения к своему прошлому.

Трудно жестко разграничить сферы малых мемориальных форм и малых форм благоустройства.

Мы уже говорили о родниках-

памятниках. Их популярность необычайна. Во всей республике как неотъемлемый элемент благоустройства сооружаются питьевые фонтанчики, что крайне важно в условиях засушливого лета. В Ереване, на площади имени В. И. Ленина, перед Историческим музеем из цельного базальтового массива высечен питьевой фонтан [1]. Обобщенная структура его построения органично соответствует скульптурной композиции. Подобное единство и, главное,— масштабность, обусловленная местом, делают эту малую форму произведением архитектуры. Масштабность ее достигнута трактовкой, подобной айсбергу: его основная часть иллюзорно домысливается под землей. Кажется, что это лишь головная часть исполинского сооружения, спрятанного в недрах земли и доставляющая оттуда живительную холодную влагу.

Монументальное искусство Армении тесно сплетается с архитектурой — большой и малой. Порой трудно определить грани между ними. Вместе с тем очевидно, что питающие его истоки глубоки, а границы жанра простираются от величественных архитектурных сооружений до ювелирного искусства.

[1] Архит. С. Кнтехцян.

5. Современный этап (с 1971 г. до наших дней)

В начальные периоды развития советской армянской архитектуры ее творческие концепции олицетворяли единство диалектических противоположностей, в творческом соревновании которых крепло и мужало современное зодчество Армении.

В семидесятые годы обострились противоречия этих концепций. Разладились веками сложившиеся представления о гармоничности архитектуры и окружающей ее среды, о национальном своеобразии искусства и др. По сей день многие проблемы новаторства и традиции толкуются нечетко.

С другой стороны, односторонняя типизация бурно развивающегося массового жилищного строительства наводнила города однообразной застройкой, лишившей их архитектурно-художественного своеобразия. Таков основной фон, на котором в общем русле советской архитектуры протекал процесс развития архитектуры Советской Армении.

Несмотря на отмеченные выше ошибки в прогнозировании темпов роста населения, объясняемые отсутствием районной планировки Большого Еревана, а также на некоторую идеализацию в структурном построении транспортно-магистральной сети города, ныне действующий генеральный план Еревана продолжает регулировать развитие города.

Сказанное, в первую очередь, относится к массовому жилищному строительству, ведущемуся на

Памятник А. Таманяну в Ереване, 1974 г. Скульптор А. Овсепян, архит. С. Петросян

A. Tamanyan Monument in Yerevan, 1974. Sculptor A. Ovsepyan, Arch. S. Petrosyan

свободных от застройки территориях, что позволяет быстро и неуклонно наращивать удельную обеспеченность населения жилой площадью.

На основе регулярно разрабатываемых проектов первой очереди строительства, где производится оценка и выбор территорий под массовую жилую застройку, теперь, как правило, до составления проектов застройки разрабатываются проекты детальной планировки (ПДП). Критериями выбора зон первоочередного строительства служат относительно лучшие природно-климатические условия проживания, близость к местам приложения труда и к центру города. Ограниченность выбора территорий обусловлена наличием, как и в предыдущие годы, в черте города высокопродуктивных сельскохозяйственных земель, за счет которых приходится вынужденно пополнять территориальные ресурсы города. Поэтому не все отобранные под жилую застройку земли комплексно отвечают этим требованиям.

С другой стороны, учитывая рельефную разобщенность селитебных территорий, вследствие которой сложившиеся магистрали и искусственные транспортные сооружения пока еще не могут повсеместно обеспечить оптимальное время трудовых поездок, при размещении нового жилого строительства больше приходится ориентироваться не на концентрированную, а на дисперсную дислокацию. Кажущиеся неудобства организации строительно-технологического процесса при этом с избытком компенсируются другими достоинствами. Во-первых,

сохраняются сложившиеся трудовые связи с близлежащими промрайонами для трудящихся-новоселов, которые проживали здесь до получения нового жилья. Во-вторых, не увеличиваются затраты «свободного времени» трудящихся и объем пассажироперевозок городского транспорта, характерные при концентрированном размещении массового жилья.

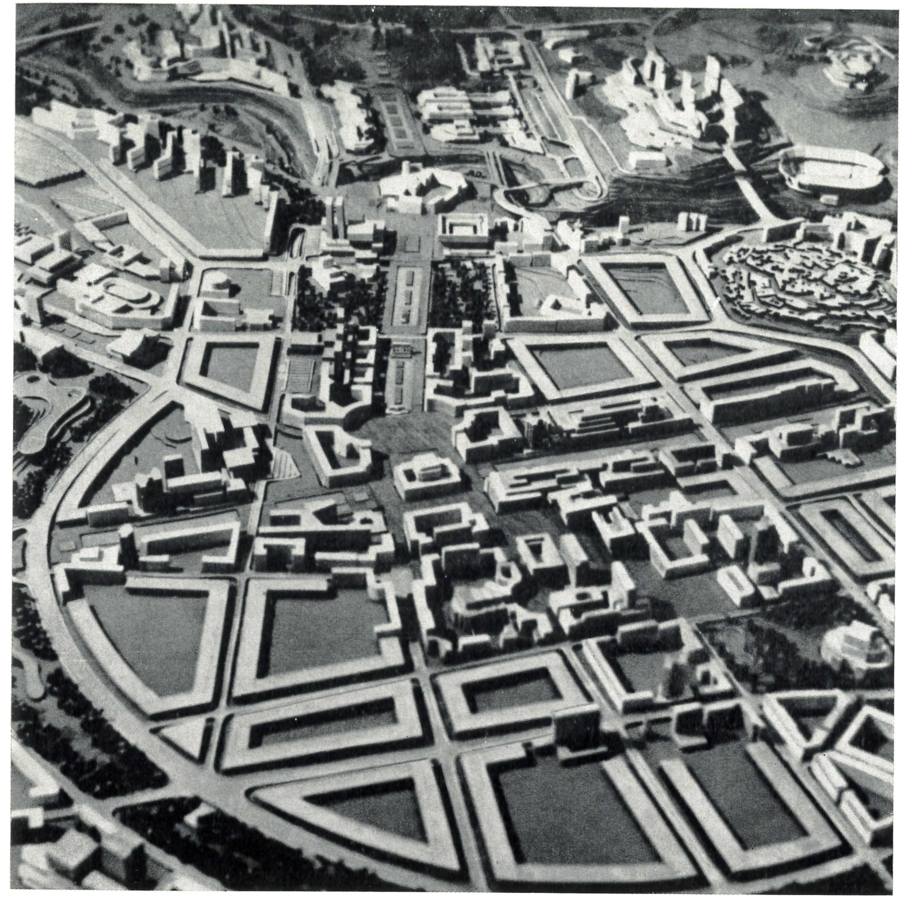
Новое строительство в эти годы велось на правобережье реки Раздан — в Западном жилом районе, в жилых районах Аван-3 и Аван-Ариндж (в северо-восточной части города), недавно начатом Давидашенском районе (в северной части) и, наконец, в жилом районе Норк-2 (на востоке).

Оценка этих районов по параметрам, приведенным выше, разнохарактерна. Если западные районы находятся близко от основных мест приложения труда, то такие районы, как Аван-3 и Аван-Ариндж, обладая благоприятными природно-климатическими условиями, достаточно удалены от главного промышленного района города.

Новым в градостроительстве было не только повышение требовательности к назначению очередности застройки селитебных территорий. По сравнению с прошлым десятилетием качественно изменилось отношение и к планировочно-структурному построению жилых образований. Стали появляться признаки повышения значения масштабного композиционного мышления. Эти особенности не замедлили сказаться на

Конкурсный проект планировки и застройки центра Еревана, 1974 г. Макет. Фрагмент.

Competitive design of Yerevan downtown planning and development, 1974. Mock-up Fragment.

облике новых жилых районов и микрорайонов, в которых не было уже стереотипа, наблюдавшегося в 60-е годы. Конечно, это далеко не означало решения проблемы разнообразия застройки, но сами по себе шаги, несомненно, были новые.

Жилой район Западный-А[1] развернут вокруг складывающейся зоны общественного центра на пересечении автомагистралей общегородского значения — ул. Себастия и Центр — Запад. К центру примыкает парк культуры и отдыха, являющийся ответвлением системы общегородской зоны отдыха.

Объемно-пространственная композиция района формируется на основе сочетания двух архитектурных тем: линейных 9-этажных зданий, образующих группы вокруг озелененных дворов, и 16-этажных, ритмично расположенных вдоль ул. Себастия. Здесь сделана попытка преодолеть однообразие застройки путем использования различно скомпонованных групп жилых типовых зданий единой серии, составляющих своего рода вариации из ритмических рядов и пространственно организованных дворов, столь характерных для Еревана.

Стремление застроить район жилыми домами единой серии отвергало бытовавшее неправильное мнение, что разнообразие должно быть достигнуто множеством разных типов домов, которые не могли обладать конструктивным и модульным единством.

В жилом районе наметился отход от принципов свободной застройки. В основу объемно-пространственной композиции легли характерные для Еревана приемы регулярной застройки.

Живописно задумана композиция центров обслуживания, основанная на взаимодействии ландшафта и архитектуры. Здания или их группы, составляющие многофункциональные звенья центра, свободно размещаются вдоль водно-зеленой эспланады, к которой из микрорайонов сходятся пешеходные пути. Четкое их выделение, наметившееся здесь, найдет в дальнейшем более выраженные решения в других жилых районах. Главная пешеходная артерия района бульварной полосой пронизывает весь район на пути к общественному центру, ориентированному, как и весь район, на гору Арарат.

К сожалению, по прошествии более десяти лет с начала строительства жилого района застройщиком почти ничего не сделано для формирования центра района. Дело не только в том, что из-за этого рядовые здания, находящиеся с тыльной стороны центра и призванные образовать фон для него, ныне оказались в роли формирующих застройку эспланады. Главное в том, что население района уже длительное время лишено многих видов сферы услуг и вынуждено совершать за ними частые поездки в центр города или в соседние районы.

Если единство и целостность района А авторы попытались обеспечить композиционными средствами, обращенными к окружающей среде, то район Западный — Б имеет несколько иной концептуальный подход[1].

[1] Архит. М. Товмасян, при участии архитекторов Н. Бадалян и Н. Минасян.

Трехлучевая система магистралей здесь членит жилой район на три микрорайона. Один из лучей продолжает бульварную полосу, идущую из соседнего жилого района А. Далее он в форме пешеходной зоны через микрорайон Б-2 ориентируется на Араратскую долину. Таким образом, оба Западных жилых района образуют определенное градостроительное единство, обращенное на главную природную доминанту — гору Арарат.

Основой структурного построения застройки жилого района Б, также как района А, послужила система дворовых пространств. Однако здесь градостроительное единство обеспечивается не композиционным отношением к непосредственно примыкающим главным улицам и магистралям общегородского значения, а внутренним жестким структурным построением пространственной темы дворов.

Вместе с тем, хочется отметить и некоторые нововведения, благодаря которым облик района отличается определенной свежестью по сравнению с жилыми районами 50—60-х годов. При решении углов застройки здесь введены секции-вставки, значительно улучшившие архитектурную выразительность зданий благодаря преодолению их штучности и образованию целостных и разнообразных видов объемной комбинаторики. Много выдумки проявлено также в решении встроенно-пристроенных объектов сферы обслуживания, хотя при этом допущены некоторые объемные излишества.

В северо-восточной части Еревана в 70-х годах началось строительство жилого района Аван-3, состоящего из нескольких микрорайонов[1].

Территория первого микрорайона площадью 35 га охватывает часть существующего поселка Аван. Принимая во внимание расположение здесь уникальных архитектурных памятников VI и более поздних веков, авторы увеличили прилегающую к ним зеленую зону и вывели первую очередь застройки на свободные территории. Основу пространственной и планировочной композиции микрорайона составляет крупный жилой комплекс, состоящий из 9- и 16-этажных домов, сгруппированных вокруг больших озелененных дворовых пространств. Таких комплексов, раскрытых в сторону центрального зеленого массива,— семь. Стоят они с отступом от магистралей.

В центральном зеленом ядре микрорайона расположены школы, детские сады и ясли, объекты бытового и технического обслуживания населения, спорта и др. Любовно решены дворы жилых комплексов, в которых использован ландшафт территорий, создана своеобразная микросреда, выразительность которой, безусловно, усилится после создания предусмотренных малых архитектурных и декоративных форм.

[1] Архитекторы Ю. Баблумян, Ф. Заргарян, С. Григорян, Арм. Григорян.

[1] Архитекторы Г. Мушегян, К. Мартиросян, А. Хачатрян.

Ереван. Проект планировки жилого района Аван-3. 1974 г. Архитекторы Г. Мушегян, К. Мартиросян, А. Хачатрян

Yerevan. Avan-3 residential area planning, design. 1974. Architects G. Mushegyan, A. Khachatryan

Микрорайон № 2 расположен на более пересеченной местности. Здесь находятся архитектурные памятники и часть существующего поселка. Как в первом, так и в этом случае в соответствии с задачами охраны исторических памятников выявлены необходимые мероприятия по созданию зон отчуждения, охранных зон памятников и зон охраняемого ландшафта. В микрорайоне № 2 в местах, где позволяет рельеф местности, сохранена планировочная идея уже осуществленных в натуре дворов-садиков микрорайона № 1. К сожалению, рельеф местности использован не везде одинаково успешно. В целом же в новом жилом районе Аван-3 создается своеобразная и запоминающаяся пространственная среда, выгодно отличающаяся от других жилых образований города.

Интересна и перспективна градостроительная разработка последних лет — экспериментальный жилой район Аван-Ариндж [1], строительство которого начато в 1978 г.

Жилой район образован из двух микрорайонов, один из которых застраивается индивидуальными 9—14-этажными жилыми домами с гибкой объемно-планировочной структурой. В основу экспериментальной серии домов нового района легло проектное решение авторов, удостоенное I премии на Всесоюзном конкурсе. Второй же микрорайон застраивается 9-этажными жилыми домами типовых серий.

Жилой район, в проекте которого предусмотрено обеспечение жителей всеми видами современного культурно-бытового и торгового обслуживания, выделяется ясностью планировочного решения и перспективной направленностью разработки типовых объемных структур. Строительство экспериментального жилого района — апробация для широкого внедрения новых методов по созданию разнообразных градостроительных комплексов, составленных из ограниченного числа первичных блокируемых элементов. Он интересен и с точки зрения выявления всех возможностей предусмотренных здесь новых типов облегченных наружных стеновых панелей.

[1] Архитекторы Я. Исаакян, Г. Рашидян, А. Мкртчян.

Индивидуальный подход авторов экспериментального жилого района Аван-Ариндж к комплексному решению поставленной перед ними важной задачи подтверждает факт не всегда умелого использования типовых проектов в ряде других случаев градостроительной практики Советской Армении 60—70-х годов.

Эти годы характерны также появлением жилых домов, возведенных по индивидуальным проектам. К ним следует отнести дома по проспекту Ленина (угол ул. Амиряна), по улицам Чаренца и Сарьяна, а также 16-этажный каркасно-панельный жилой дом, возведенный на углу улиц маршала Баграмяна и Прошяна в Ереване.

Дома эти подтверждают необходимость индивидуального подхода при проектировании в условиях сложившейся застройки центра. Каждый из них несет определенную нагрузку в общей композиции. Так, если жилой дом на углу улиц маршала Баграмяна и Прошяна [1] подчеркивает важную ландшафтную точку амфитеатра, закрепляя отдаленные перспективы из центра города, то жилой дом на углу проспекта Ленина и ул. Амиряна [2] несет градостроительную функцию, акцентируя узел связи проспекта Ленина с площадью имени В. И. Ленина.

Вместе с тем, в первом доме сделана попытка нового творческого осмысления архитектуры и конструкции панелей. В доме же по проспекту Ленина привлекает стремление к единству и правдивости архитектурного и конструктивного комплекса.

В 80-х годах дальнейшее развитие получило одно из перспективных направлений индустриального строительства — метод подъема этажей и перекрытий, о котором уже шел разговор выше. Только в Ереване к 1980 г. этим методом было построено свыше 400 тыс. м² жилья. Отдельный жилой район Норашен на 25 тыс. жителей завершается в Шаумянском районе города. Он состоит из зданий различной конфигурации и этажности, сочетанием которых предполагается достигнуть целостной объемно-пространственной композиции микрорайона. Усилиями творческого коллектива Всесоюзного проектного экспериментального конструкторского и технологического института в настоящее время завершаются проекты не только жилых блоков и точечных домов, но и школ, детских садов-яслей, гаражей и других зданий и сооружений.

В современных условиях особенно важна взаимосвязь между архитектурой, строительной техникой и технологией, единство которых обеспечивает наилучшие условия реализации творческих замыслов зодчего. К сожалению, в случае со строительством зданий методом подъема этажей и перекрытий архитектура, часто идя на поводу

[1] Архит. А. Алексанян, конструктор И. Манучарян.
[2] Архитекторы Л. Балаян, М. Товмасян.

Ереван. Жилой район Аван-Ариндж. Фрагмент застройки. Архитекторы Я. Исаакян, Г. Рашидян, А. Мкртчян

Yerevan. Avan-Arindzh residential area. Development fragment. Architects Ya. Isaakyan, G. Rashidyan, A. Mkrtchyan

Ереван. Жилой район Аван—Ариндж. Макет, 1978 г. Архитекторы Г. Рашидян, Я. Исаакян, С. Амирганян, А. Арутюнян

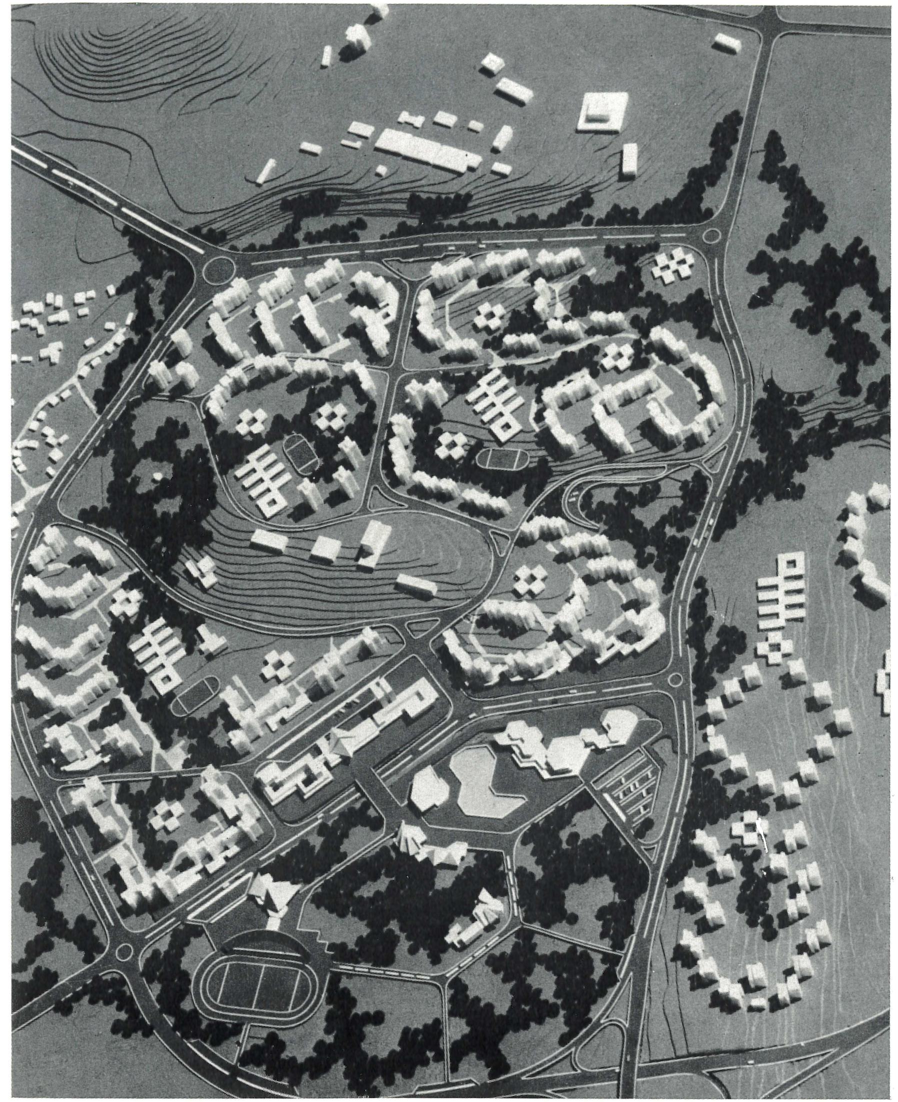
Yerevan. Avan-Arindzh residential area. Mock-up, 1978. Architects G. Rashidyan, Ya. Isaakyan, S. Amirganyan, A. Arutyunyan

у метода, все же остается схемой и не выявляет всех формообразующих возможностей метода. Далеко не полностью раскрываются в них широкие возможности использования консолей по всему периметру здания. Наконец, абсолютно неприемлемо строительство в самых различных районах Еревана одних и тех же, воспринимающихся уже в качестве типовых, жилых домов в виде трилистника и др. Ведь отсутствие чувства меры обедняет городскую среду.

Авторам, видимо, следует руководствоваться своим же тезисом о том, что существенная особенность метода подъема — возможность получения, благодаря свободной расстановке колонн, любой желаемой формы здания.

В результате интенсивных научных и практических поисков в последние 10—15 лет заметно улучшились проектные разработки в области градостроительства и жилищного

Жилой дом на углу пр. Ленина и ул. Амиряна в Ереване, 1973 г. Архитекторы Л. Балаян, М. Товмасян

Residential building at the corner of Lenin Avenue and Amiryan Street in Yerevan, 1973. Architects L. Balayan, M. Tovmasyan

Жилой дом на углу пр. Ленина и ул. Амиряна в Ереване. Фрагмент, 1973 г. Архитекторы Л. Балаян, М. Товмасян

Residential building at the corner of Lenin Avenue and Amiryar Street. Fragment, 1973. Architects L. Balayan, M. Tovmasyan

строительства. Более конкретным стал учет местных условий в проектах детальных планировок жилых районов. Годы эти отмечены значительным усилением внимания к вопросу использования для целей градостроительства крутых склонов.

Первой ласточкой в этой работе был жилой микрорайон Кахни-Хач в Дилижане, запроектированный на седловинообразной территории с уклонами 15—25% [1].

Северная экспозиция склона горы, где создан микрорайон, продиктовала

[1] Архитекторы Г. Айвазян, Л. Эйвазова, С. Аветисян, А. Вартанян.

Жилой дом по ул. Маршала Баграмяна в Ереване, 1975 г. Архит. А. Алексанян, конструктор И. Манучарян

Residential building in Marshal Bagramyan Street in Yerevan, 1975. Arch. A. Aleksanyan, Designer I. Manucharyan

авторам необходимость постановки жилых домов поперек рельефа. Авторы отказались от линейных жилых домов, ставящихся вдоль горизонталей рельефа и требующих производства значительного объема земельных и землеукрепительных работ. Тем самым улучшились и условия отвода грунтовых вод, что особенно важно в горной местности с оползневыми явлениями, приводящими к нарушению целостности уникального природного окружения Дилижана.

Учитывая это, был разработан для Дилижана свой тип пятиэтажного жилого дома, располагаемого поперек рельефа с ориентацией квартир на восток и запад. Жилой дом, собираемый из трех блоков, объединенных лестничными клетками, пластически богат. Именно местными условиями продиктован в жилом районе Кахни-Хач и отказ от формирования жилых групп вокруг замкнутых или полузамкнутых дворов. Застройка его решена спокойно, без ненужных здесь пространственных акцентов и гармонично сочетается с естественным ландшафтом. Дворовые же пространства раскрыты в северном и южном направлениях, чем создаются необходимые условия для их инсоляции и проветривания.

В тяжелых условиях крутого пересеченного рельефа строится Кафан. В центральной части города на склонах (с уклоном 55—60%) ведется застройка жилого квартала на 2500 жителей [1]. Интересна его планировочная и пространственная организация. Жилые дома различной этажности и конфигурации, расположенные поперек рельефа, объединяются проложенными вдоль рельефа проездами в три яруса (с перепадом 18—25 м). Вертикальная связь осуществляется посредством лифтов. Для повседневного культурно-бытового обслуживания используются помещения цокольных и коммуникационных этажей жилых зданий. Объемно-пространственная композиция квартала формируется сочетанием секционных жилых домов с нарастающими этажами, жилых домов каскадно-галерейного, каскадно-секционного и блочно-каскадных типов. Активно включаются в панораму квартала со стороны центра и высокие массивные подпорные стены, появившиеся в результате не всегда пластичной обработки рельефа и некоторой немасштабности по отношению к ландшафту принятых планировочных и объемно-пространственных решений. Досаду вызывает смешение в квартале разных экспериментальных типов домов.

В 1979 г. разработан проект малоэтажного жилого комплекса в Аштараке [2], являющийся новой попыткой практического решения проблемы освоения сложного рельефа. Жилая застройка комплекса

[1] Архитекторы П. Туманян, А. Вартанян, Г. Айвазян, А. Акопян, В. Мирзоян.
[2] Архитекторы В. Мирзоян, Ф. Асатрян, Г. Гюрджян, Е. Келеджян, Б. Матевосян, З. Петросян.

Ереван. Образцово-перспективный жилой район Норашен на 25 тыс. жителей 1980 г. Авторы Р. Саакян, А. Саакян, С. Шахназарян, Ю. Сафарян Х. Акопян

Yerevan. Norashen model-prospective residential area for 25 thousand residents, 1980. Authors R. Saakyan, A. Saakyan, S. Shakhnazaryan, Yu. Safaryan, Kh. Akopyan, 1984

202

задумана в соответствии со строительными традициями района и спецификой ландшафта местности. Была разработана номенклатура малоэтажных жилых блок-домов, обладающая широкими композиционными возможностями.

Особо хочется отметить идею сохранения сложившегося архитектурного образа одного из малых исторических городов республики без его нарушения чуждой по облику и духу четырехэтажной типовой застройкой, как это имело место в районе церкви Маринэ.

Республика своеобразна своими природно-климатическими условиями. Здесь, подобно заповеднику, нашли

203

Фрагмент застройки жилого района Норашен в Ереване, 1984 г.

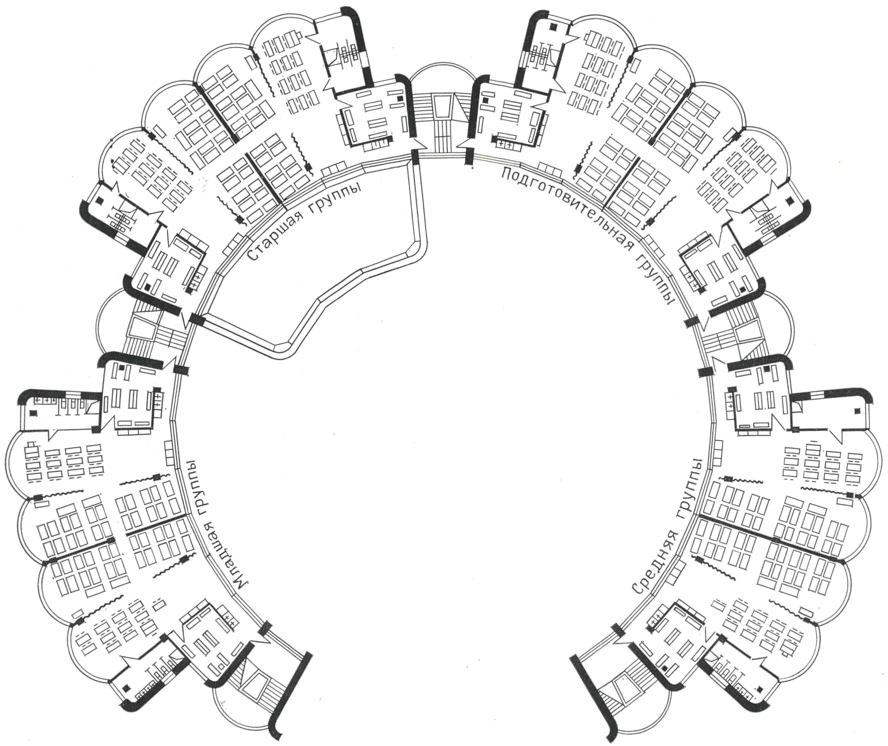
Fragment of Norashen residential area development in Yerevan, 1984.

Ереван. Жилой район Норашен. Детсад-ясли на 320 мест. План типового этажа, 1981 г.

Yerevan. Norashen residential area. Nursery and kindergarten for 320 children. Standard floor design, 1981

204

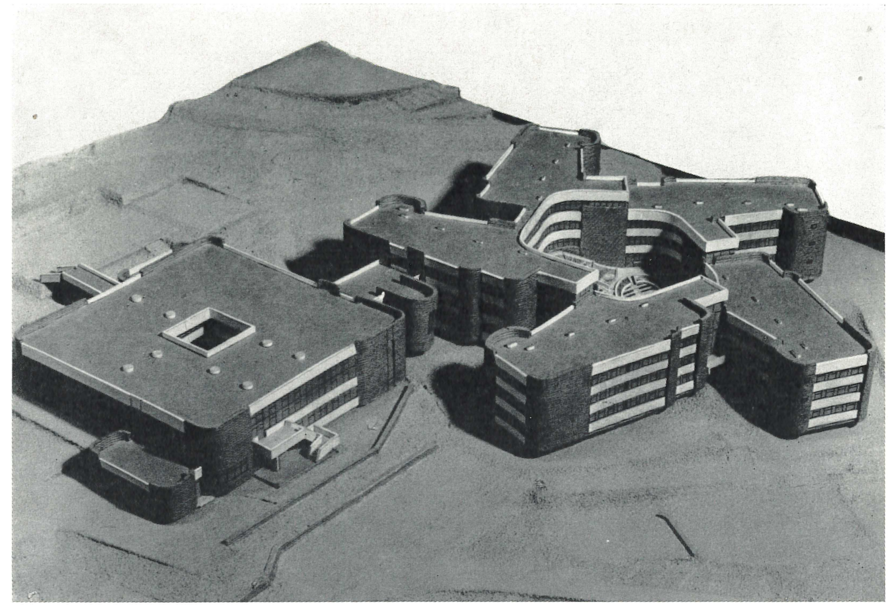

место почти все зоны, определенные всесоюзным районированием. Конечно, они подчас малы и дробны. Учет этих региональных особенностей говорит за то, что необходимо расширение каталога типовых проектов. Но, с другой стороны, заставляет задуматься над всей системой типового массового строительства. Ведь при этом придется расширить и номенклатуру индустриально производимых изделий. Все эти вопросы нуждаются в научной и экспериментальной разработке. В них пока нет системного охвата всех факторов. Возможно, придется многое

205

Ереван. Жилой район Норашен Общеобразовательная школа на 40 классов. Макет, 1982 г. Авторы Р. Саакян, А. Саакян, С. Шахназарян, Ю. Сафарян, Р. Егиазарян, Э. Варданян, Ю. Даллакян, Л. Акопян

Yerevan. Norashen residential area. Secondary school for 40 classes. Mock-up, 1982. Authors R. Saakyan, A. Saakyan, S. Shakhnazaryan, Yu. Safaryan, R. Yegiazaryan, E. Vardanyan, Yu. Dallakyan

пересмотреть в сложившейся системе массового жилищного строительства в масштабах всей страны. Любопытно, что все недостатки, имеющие место в массовом строительстве, особенно раскрыты в новых жилых районах и населенных пунктах, где отсутствие исторически сложившейся среды, способной смягчить противоречия, делает их особенно выпуклыми.

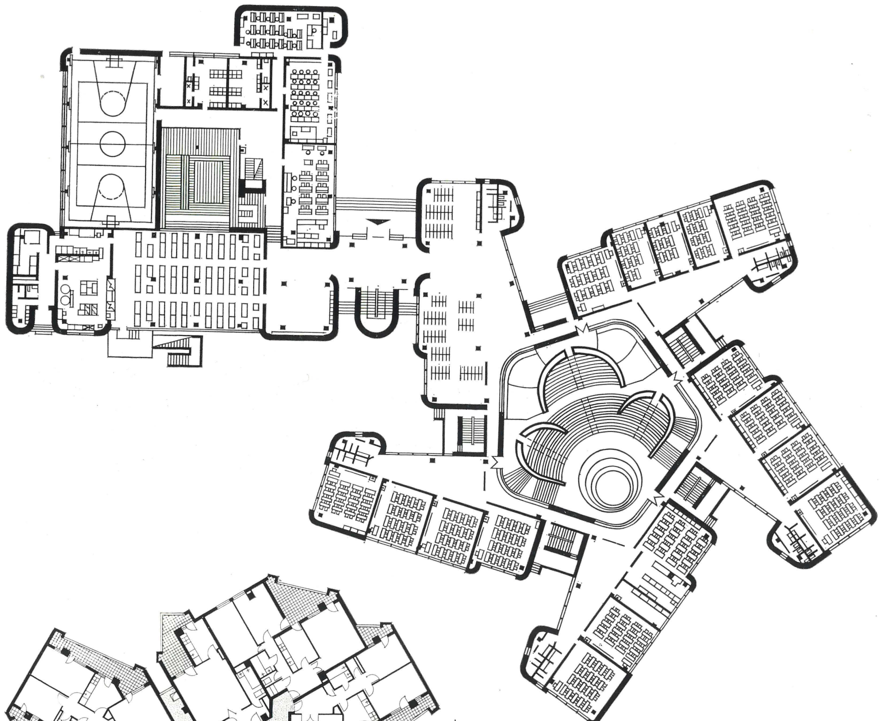
Интересным примером формирования нового города в республике является Абовян, необходимость разработки последнего генерального плана которого возникла в связи с размещением в городе новой промышленности и превращения его в районный центр.

Город Абовян развился на базе поселка Элар. Он находится в 8 км от Еревана на территории, расположенной по обе стороны от бывшей автомагистрали Ереван — Севан.

В новый генеральный план

Ереван. Жилой район Норашен. Общеобразовательная школа на 40 классов. План типового этажа

Yerevan. Norashen residential area. Secondary school for 40 classes. Standard floor plan

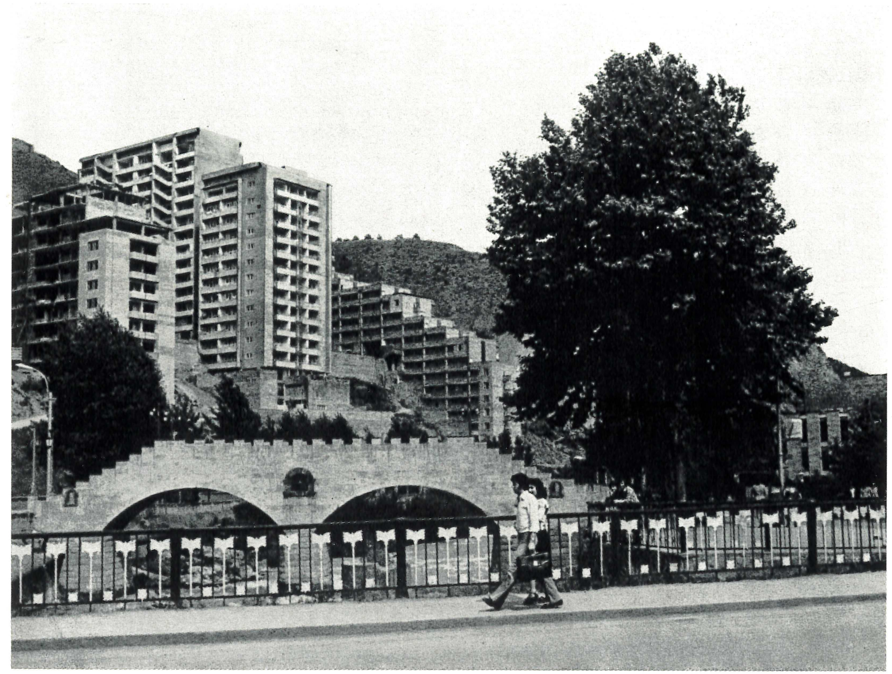

Ереван. 16-этажный 135-квартирный жилой блок-дом типа «Трилистник». План типового этажа, 1983 г. Авторы Р. Саакян, А. Саакян, С. Шахназарян, Ю. Сафарян, С. Ананян, А. Бобикян, М. Маркарян

Yerevan. 16-storey 135-apartment residential modular building of "Trefoil" type. Standard floor plan, 1983. Authors R. Saakyan, A. Saakyan, S. Shakhnazaryan, Yu. Safaryan, S. Ananyan, A. Bobikyan, M. Markaryan

Кафан. Общий вид застройки жилого квартала на крутом рельефе, 1970-е годы

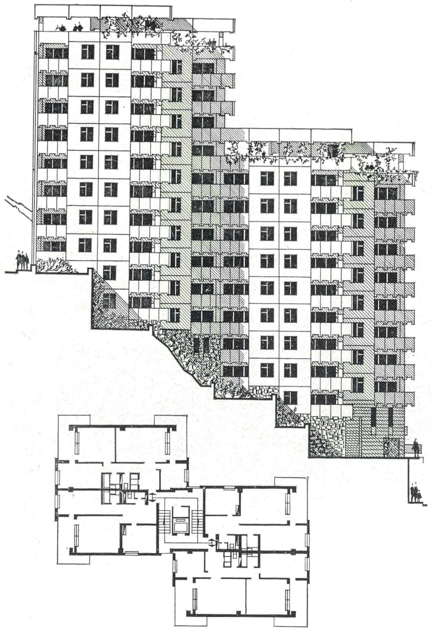
Kafan. General view of residential guarter development on steep relief, 1970s

г. Абовяна [1], рассчитанный на 100 тыс. жителей, были заложены принципы предыдущего генерального плана. Развитие города принято в северном от существующего города направлении, на территории сельскохозяйственных земель с благоприятными природными условиями. Выбор северного направления обусловлен также желанием предотвратить развитие города в сторону Еревана, что во многом может препятствовать возможности слияния Абовяна со столицей республики.

В архитектурно-планировочном решении здесь поставлена цель

[1] Архитекторы С. Хачикян, Л. Черкезян, А. Тарханян, Г. Погосян, В. Бабаян.

Кафан. Проект жилого дома блочного типа. 970-е годы. Архитекторы П. Туманян, Г. Айвазян, А. Акопян, Л. Вартанян

Kafan. Design of block-type residential building. 1970s. Architects P. Tumanyan, G. Aivazyan, A. Akopyan, L. Vartanyan

создания нового компактного города — спутника Еревана. Структура города основана на радиально-кольцевой системе организации территории с максимальным радиусом в 2 км. Жилые территории амфитеатром окружают общественно-административный центр — композиционное ядро нового города. Расположение жилых образований на более возвышенных по отношению к центру точках дает возможность раскрытия в них широких дальних перспектив на живописное окружение.

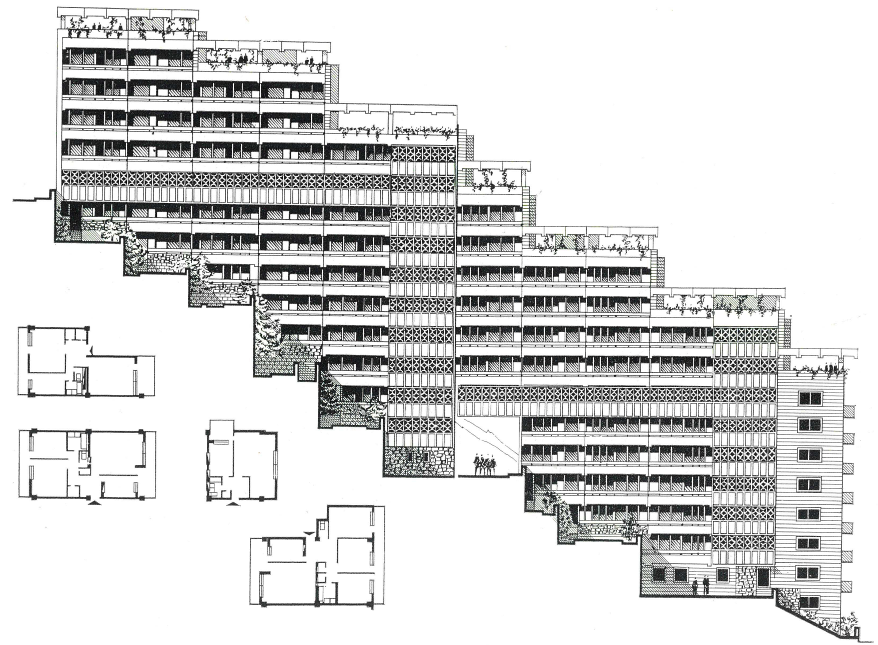
Селитебная зона состоит из двух полуколец. Первое из них образовано несколькими укрупненными жилыми группами, в которых сочетаются элементы индивидуального и государственного секторов с максимальным обобществлением основных функций.

В целях экономного использования земли, а также для увеличения свободных от застройки пространств, обеспечивающих введения в застройку природной среды, застраивается город домами повышенной этажности.

Второй ярус амфитеатра жилой зоны составлен из микрорайонов со смешанной застройкой пяти- и девятиэтажными типовыми жилыми домами, больничного городка, территории профтехучилища, парка культуры и отдыха.

Значительное понижение этажности застройки второго полукольца несмотря на то, что оно расположено на более высоких отметках, на наш взгляд, приведет к некоторой нивелировке высотных акцентов будущего города и затруднит решение проблемы визуальных связей с доминирующими элементами природного ландшафта, а главное, оно в принципе противоречит логичному обоснованию повышения этажности жилых зданий в пределах первого полукольца.

Сейчас, когда еще не полностью завершен центр, вызывает некоторое опасение экстенсивность застройки

Кафан. Проект жилого дома каскадного типа, 1970-е годы. Архитекторы П. Туманян, А. Вартанян, Г. Айвазян, А. Акопян, В. Мирзоян

Kafan. Design of cascade-type residential building, 1970s. Architects P. Tumanyan, A. Vartanyan, G. Aivazyan, A. Akopyan, V. Mirzoyan

всей его зоны. Эта разреженность создает ощущение снижения уровня информативных функций, характерных для центра города. Кроме того, это решение нетипично для природно-климатических условий всего района и противоречит коммуникабельности селитебных территорий.

Промышленный район города по генплану расположен между селитебной зоной и железнодорожной полосой, что исключает транзит грузового транспорта через жилые территории.

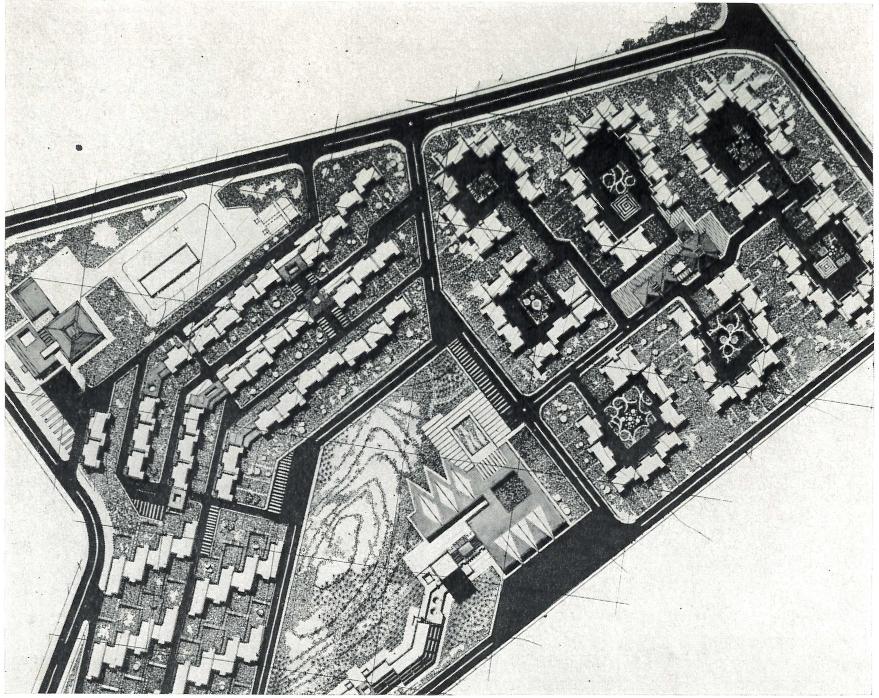
Решение уличной сети логично и удобно. Две кольцевые магистрали охватывают всю селитебную зону, диагональные же городские и жилые улицы связывают отдельные зоны города друг с другом и центром.

За прошедшие 10 с лишним лет здесь вырос новый город, имеющий своеобразный и современный облик. Многое из того, что было намечено по генеральному плану, уже осуществлено. Правда,

Аштарак. Эскиз застройки малоэтажного жилого комплекса. Фрагмент, 1979 г. Архитекторы В. Мирзоян, Ф. Асатрян, Г. Гюрджян, Е. Келеджян, Б. Матевосян, З. Петросян

Ashtarak. Outline of low-rise residential complex development Fragment, 1979. Architects V. Mirzoyan, F. Asatryan, G. Gyurdzhyan, Ye. Keledzhyan, B. Matevosyan, Z. Petrosyan

210

не все одинаково удачно, с общеизвестными издержками формирования среды типовыми зданиями. Не повсюду на высоком уровне и качество строительства. Но в целом — свежо и динамично.

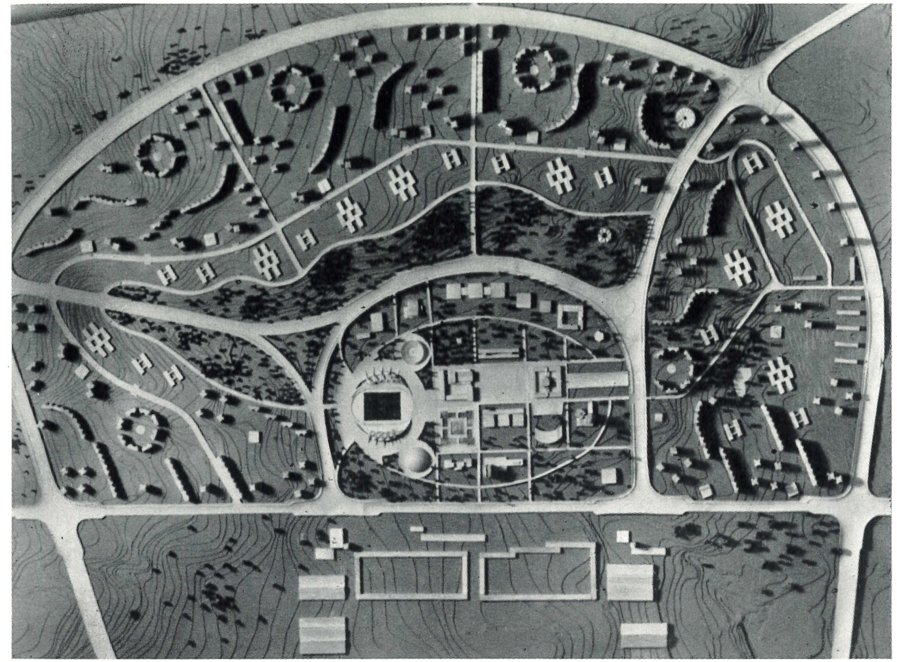
Значительные изменения претерпел за последние годы и город Раздан. Генеральный план города составлен в 1961 г. в институте Армпромпроект. Позднее в том же институте начата разработка проекта детальной планировки центральной части города, которая была продолжена в институте Армгоспроект [1].

[1] Архит. М. Микаелян, при участии архитекторов Г. Григорян, М. Маркаряна.

211

Генеральный план г. Абовяна, 1970-е годы. Архитекторы· Л. Черкезян, С. Хачикян, А. Тарханян, Г. Погосян

Master plan of town of Abovyan, 1970s. Architects L. Cherkezyan, S. Khachikyan, A. Tarkhanyan, G. Pogosyan

Территория города в границах генерального плана имеет характерный пересеченный рельеф. К активным природным факторам района строящегося города относятся река Раздан, ее приток Мармарик, а также искусственное водохранилище у села Ахпюрак. Центр окружен живописными холмами и находится непосредственно у водохранилища.

Выбор территории под строительство центра будущего города объяснялся не только живописностью ландшафта и наличием свободных от застройки территорий, но и его расположением в геометрическом центре города, удобными связями с ближайшими городскими районами и транспортными магистралями.

Центральный район города занимает территорию более 100 га. Проектом детальной планировки он

разделен на три крупных квартала и ряд более мелких. Главная улица — композиционная ось, которая связывает две важнейшие площади центрального района, включая привокзальную. Расположение на главной бульварной улице здания драматического театра, музея, НИИ АН Армянской ССР, универсального магазина и Дворца пионеров, сгруппированных вокруг площадей, целесообразно и функционально. Хорошо размещен на территории и организован торговый центр в квартале А-1.

Противоположный южный угол района занят зданиями НИИ АН Армянской ССР. Перед ними желательно было иметь больше открытых или озелененных пространств, чем это предусмотрено в проекте. Хотелось предостеречь и от чрезмерной регулярности, применяемой в организации озеленяемых территорий в столь богатом ландшафтном окружении.

Планировочная композиция центра г. Раздан получила ясное и четкое развитие, сочетая в себе элементы регулярных и свободных систем построения. В большинстве своем они функционально оправданы, увязаны с рельефом и исходят из климатических условий района. Плавные изгибы окружных улиц хорошо ложатся на местность. Правильно использованы в основном и ландшафтные условия территории. Свободные от застройки и озелененные крутые участки, проникающие непосредственно в кварталы, значительный парковый массив квартала А-3, развитая система озеленения в кварталах, живописное природное окружение и вид на водохранилище при их активном выявлении в процессе строительства и должной культуре эксплуатации, безусловно, должны сыграть значительную роль в формировании природной среды будущего района.

Благодаря упразднению местной улицы, ведущей в село Макараван, стало возможным укрупнение кварталов, а вместе с тем и масштаба застройки всего центра. Правильна идея разгрузки привокзальной площади путем перенесения транзитного движения на параллельную магистральную улицу. Вызывает лишь сомнение возможность четкой организации движения при увеличении его интенсивности в будущем, так как на привокзальном участке будут пересекаться два направления: транзитное (через Раздан) и вокзал-центр. В этом смысле, возможно, целесообразнее было бы устройство эстакады для пропуска транзитного движения, тем более что в соответствии с проектом основное движение должно осуществляться по общегородской магистрали, связывающей все районы города с железнодорожным вокзалом, автовокзалом и городским центром.

Органически сочетается с природной ситуацией решение спортивного комплекса, размещенного в юго-западной части города. Он расположен на рельефе и кроме сугубо функциональных удобств открывает интересные перспективы на окружающий ландшафт.

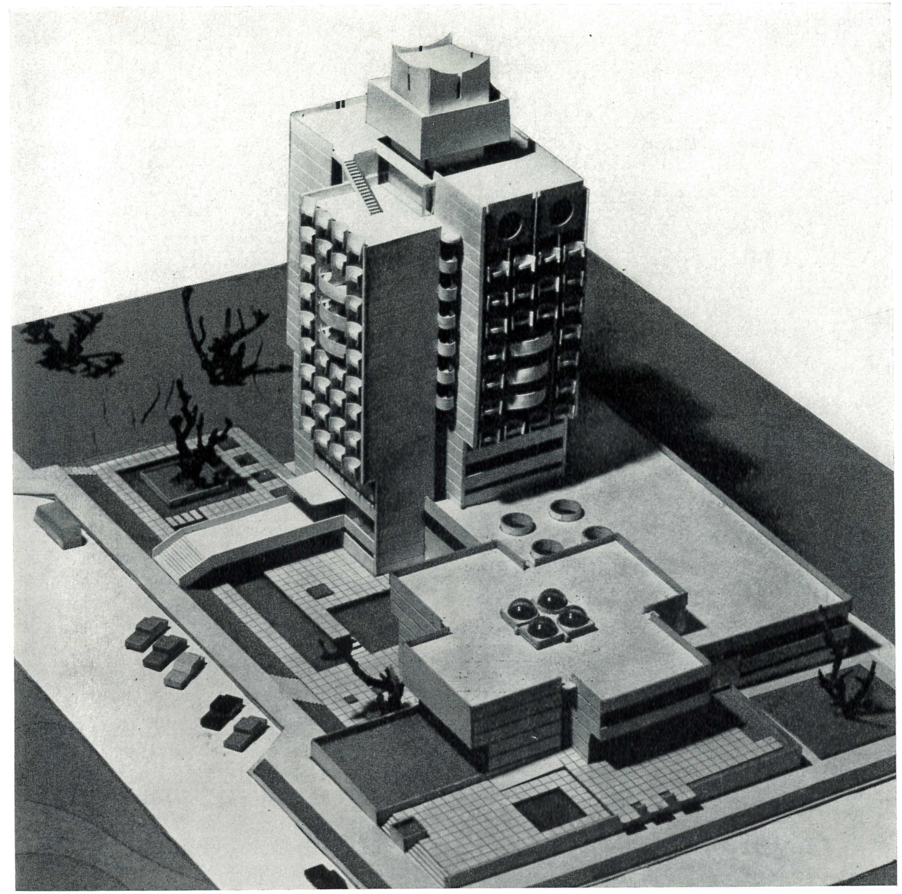
Часть территории центра г. Раздан проектом выделена под жилую

212

213

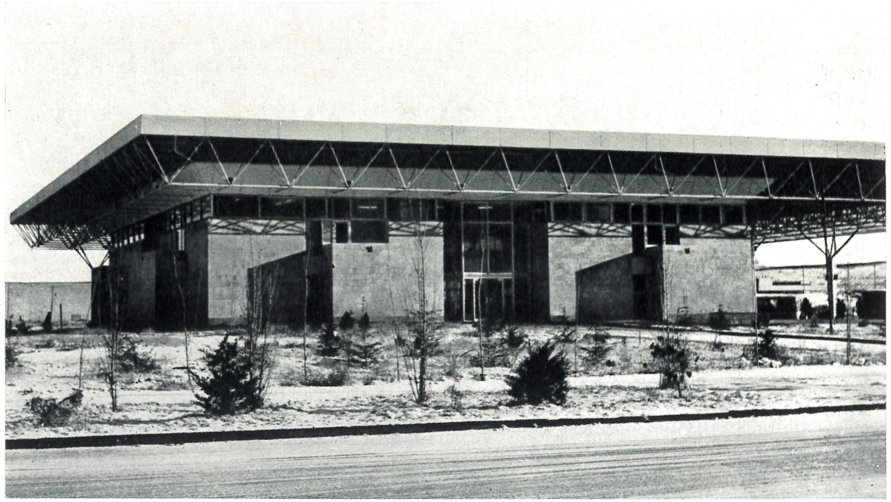
Гостиница на 260 мест в г. Абовяне. Макет, 1980 г. Архит. К. Алексанян

Hotel for 260 guests in Abovyan. Mock-up, 1980. Arch. K. Aleksanyan

Автовокзал в г. Абовяне, 1980 г. Архит. А. Мкртчян, конструктор Е. Товмасян

Bus terminal in Abovyan, 1980. Arch. A. Mkrtchyan, Designer Ye. Tovmasyan

застройку, однако, без организации отдельных жилых кварталов обособленными группами. В основном при постановке жилых домов учтены рельеф местности и ориентация. В этом смысле менее удачна застройка северной части квартала А-4 с постановкой зданий поперек рельефа, а также квартала А-6 вдоль улицы, за застройкой которого частично скроется характер прилегающего ландшафта.

Несколько интересных градостроительных разработок осуществлено в послевоенный период для г. Кировакана. Последний генеральный план Кировакана выполнен в 1968 г. в институте Армгоспроект [1].

В соответствии с новым генеральным планом развитие города идет на свободных территориях в восточной части Кировакана, в черту которого включаются также села Мегрут, Хндзорут, Дарбас и Жданов. Намечаются работы и по реконструкции сложившейся застройки. В целом сохраняется промышленный профиль города с учетом ликвидации вредных выбросов. В городе получает новое

[1] Архитекторы М. Гнуни, Д. Меграбян, Л. Мхитарян, Р. Саруханян.

Раздан. Проект планировки и застройки центра. Макет, 1978 г. Архит. М. Микаелян при участии архитекторов Г. Григорян, М. Маркаряна

Razdan. Design of downtown layout and development. Mock-up, 1978. Arch. M. Mikaelyan with participation of Architects G. Grigoryan, M. Markaryan

развитие сеть научных учреждений и высших учебных заведений, для которых выделены соответствующие территории (для студгородка — на возвышенном участке района Димац, а для научных учреждений — в различных частях города, но в непосредственной близости от производства).

Использование богатых природно-климатических условий территорий для целей организации курортного и массового отдыха населения решается путем формирования комплексов туризма, пионерских лагерей и домов отдыха как в пределах самого города, так и за его чертой — в прилегающих к нему районах.

Структура генерального плана Кировакана формируется из двух планировочных районов, каждый из которых, в свою очередь, состоит из трех жилых районов, общественного центра и промышленных территорий. К сожалению, ярко выраженный промышленный характер Кировакана привел фактически к слиянию селитебных и промышленных зон, к диффузному проникновению последних почти в весь организм города, за исключением его восточных районов.

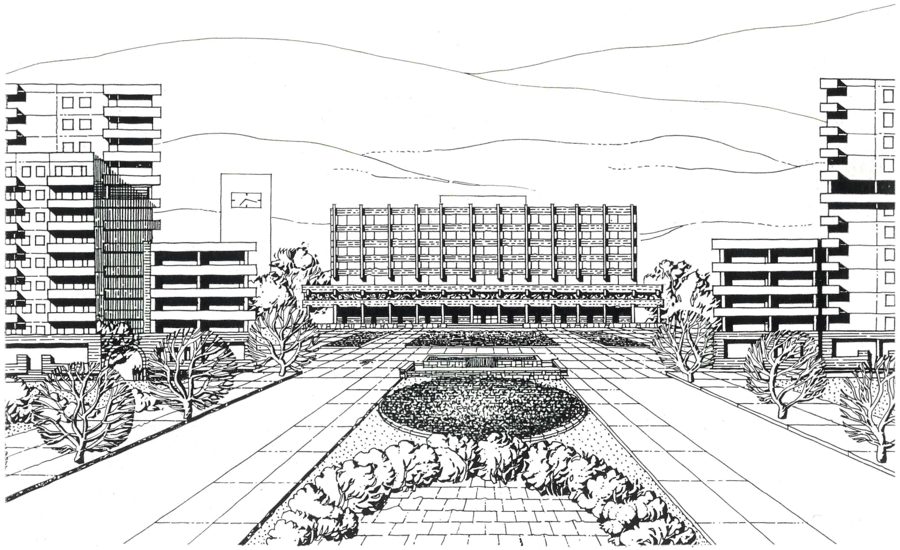
Важное градостроительное значение имела для Кировакана застройка нового жилого микрорайона Базум [1], расположенного на возвышенных участках в восточной части города. По условиям рельефа магистральные дороги микрорайона

[1] Архит. М. Гнуни.

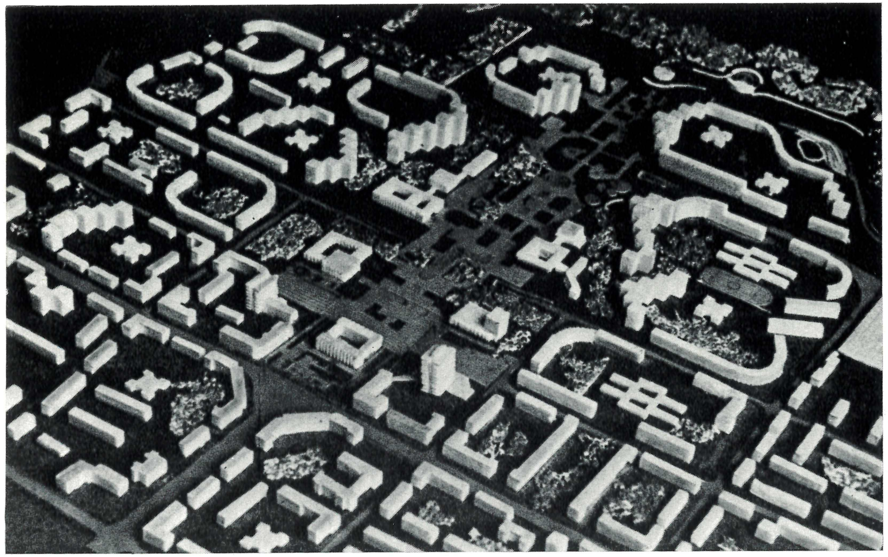
Раздан. Проект застройки административного центра, 1969 г. Архит. Г. Григорян

Razdan. Design of administrative center development, 1969. Arch. G. Grigoryan

Кировакан. Проект детальной планировки центра. Макет, 1975. Архитекторы Р. Бошян, А. Вартанян, А. Гукасян

Kirovakan. Design of downtown detailed layout. Mock-uk, 1975. Architects R. Boshyan, A. Vartanyan, A. Gukasyan

проложены по нижним отметкам территории и опоясывают его, исключая транзитное движение через микрорайон.

Архитектурно-планировочная композиция микрорайона основана на создании пяти жилых образований, сгруппированных вокруг общественного центра и школьного ядра. Исходя из особенностей ветрового режима их композиция принята замкнутой. Под микрорайонный сад выделены территории окружающих крутых склонов и участки в санитарно-защитной полосе. Возможность и целесообразность реализации подобного решения сомнительны.

Достойны внимания такие градостроительные разработки института Армгоспроекта, как генеральные планы городов Эчмиадзина, Октемберяна, Аштарака, проекты детальных планировок центра Спитака, Калинино, Раздана, Чаренцавана, Степанавана и др.

В 1971 г. институтом Армгоспроект создан генеральный план г. Севана [1], расположенного на берегу одноименного высокогорного озера. Был разработан и проект детальной планировки центра города.

Новым генеральным планом предусматривается довести численность населения г. Севана в 2000 г. до 70 тыс. чел. Существующий город находится на северо-западном побережье озера Севан на абсолютных отметках, превышающих 1900 м над уровнем моря.

В соответствии с Генеральной схемой развития населения мест Армянской ССР на 2000 г. город Севан развивается как многофункциональный центр Севанского градостроительного региона, имеющий промышленно-аграрное и преимущественно курортно-оздоровительное значение. Следует отметить, что несмотря на специфические природно-климатические условия, значение города с годами будет возрастать в связи с выходом на транзитную железнодорожную магистраль.

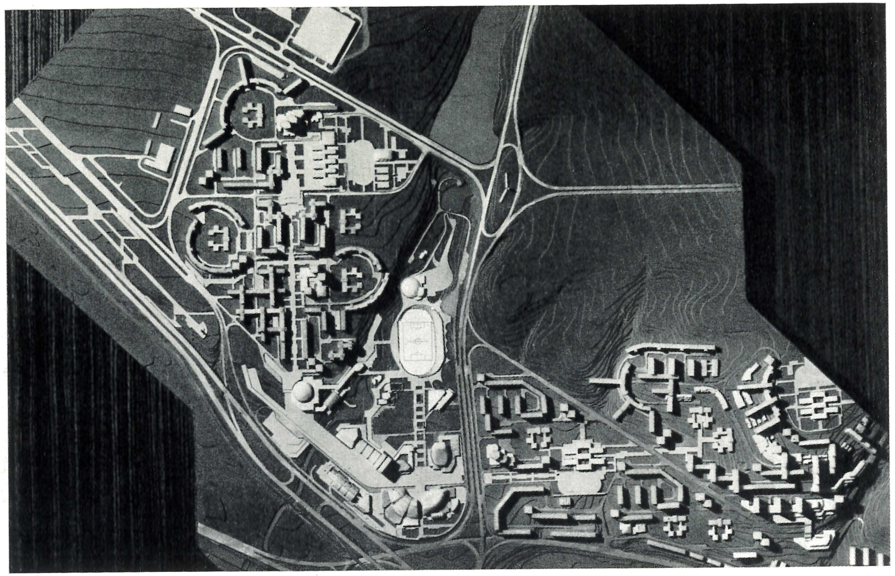
Город получил архитектурно-пространственное построение, основанное на двух пересекающихся осях, одна из которых идет от

[1] Архитекторы С. Хачикян, А. Тарханян, Г. Погосян, Л. Черкезян.

Проект детальной планировки жилого района Жданов в Кировакане, 1980 г. Архитекторы М. Гнуни, М. Фарсян, М. Сафрастян

Design of Zhdanov residential area detailed layout in Kirovakan, 1980. Architects M. Gnuni, M. Farsyan, M. Safrastyan

218

вокзала к озеру, а другая тянется вдоль берега, объединяя всю систему центров городского образования.

Желательная перетрассировка автомагистрали союзного значения Ереван — Тбилиси на отрезке Севан — Цовагюх с целью вывода транзитного транспорта за пределы города и зоны отдыха республиканского значения, как показала практика, была бы крайне необходимой и оправданной.

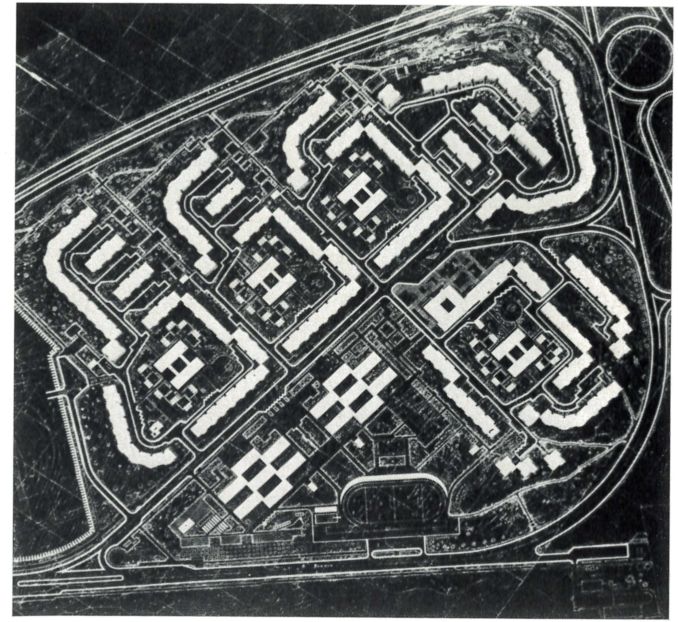
Несмотря на трудность строительства железных дорог в горных условиях, по тем же соображениям было бы желательно исключить из городской черты и железнодорожную линию, проложенную через г. Севан и рассекающую его на две части.

Принятие решения о развитии города на запад планировочно и экономически оправдано. Большинство жилых кварталов имеют лучшую экспозицию. Благодаря расположению на возвышенных участках с них открываются редкие по красоте перспективы на озеро Севан и окружающие горы, что зрительно включает доминирующие элементы

219

Кировакан. Жилой микрорайон Базум. 1973 г. Архит. М. Гнуни

Kirovakan. Bazum residential microdistrict. 1973. Arch. M. Gnuni

природного ландшафта в застройку города. Как селитебная зона в целом, так и первичные жилые ячейки разработаны с учетом создания возможностей выхода к озеру. Целесообразно предусмотренное проектом решение о снятии зоны длительного отдыха с полуострова. Намечены также работы по проведению раскопок и реставрации царского дворца Ашота Ерката с целью организации единого историко-археологического комплекса.

В дальнейшем следует добиться большего единства между существующей и проектируемой структурой города. Еще раз следует проверить необходимость масштабов города в уникальной природной среде озера Севан.

В градостроительстве Армении двух последних десятилетий качественно новые решения стали находить вопросы сохранения, разумного использования и обогащения природной среды.

Схема генплана Эчмиадзина. 1970 г. Архитекторы Л. Эйвазова, Э. Тащян

Master plan scheme of Echmiadzin, 1970. Architects L. Eivazova, E. Tashchyan

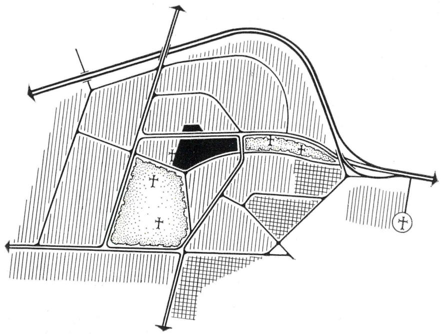
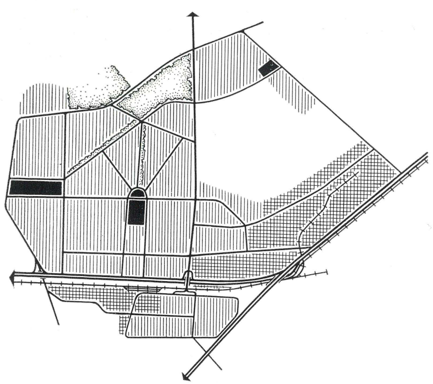

Схема генерального плана Октемберяна, 1974 г.

Master plan scheme of Oktemberyan, 1974.

«Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы»[1].

В каждом городе формируется свой микроклимат и культурный ландшафт, обладающие специфическими особенностями по отношению к окружающей среде, которые, особенно в крупных городах, бывают неблагоприятными не только с санитарно-гигиенической, но и с эстетической точки зрения. Выражается это в ухудшении воздушного и водного бассейнов городов, в обострении радиационно-термического режима, повышении уровня производственных и транспортных шумов, вытеснении из городских образований естественной природы и в результате — в создании дискомфортных условий проживания.

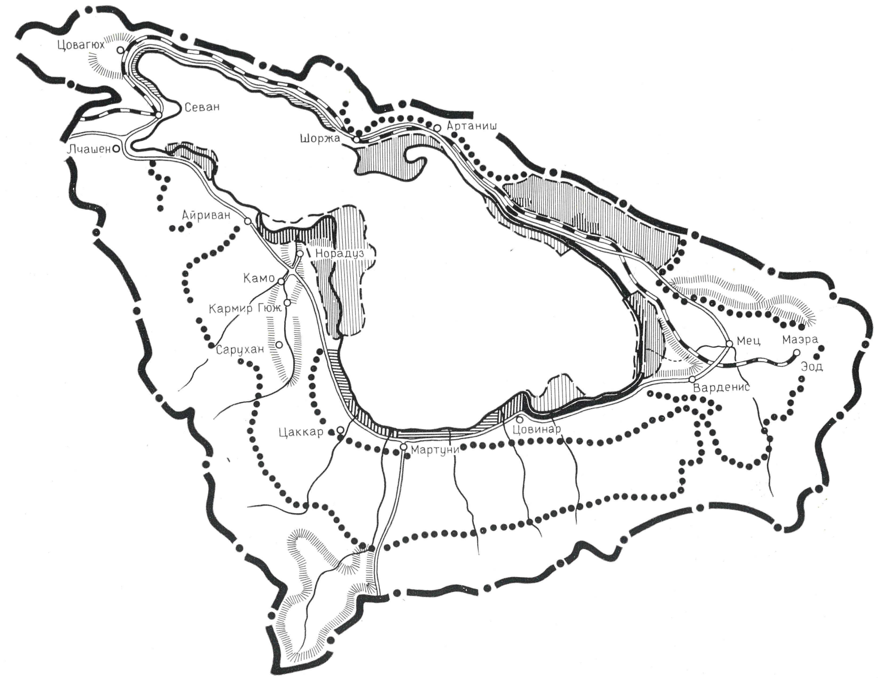
Город, входя в противоречие с человеком и окружающей природой, порождает проблему, разрешить которую в будущем можно только путем решения комплекса социальных, экономических, градостроительных, научно-технических, экологических и других вопросов.

В современных условиях настоятельной необходимостью стало также совершенствование технологических процессов в сочетании с эффективными градостроительными мероприятиями, связанными с организацией санитарно-защитных зон, выводом вредных

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 42.— С. 92.

Генеральная схема национального парка «Севан» Архитекторы Г. Сухудян, А. Манасерян

General layout of Sevan national park Architects G. Sykhydyan, A. Manaseryan

предприятий из районов сосредоточения людей. Должен быть поднят также уровень благоустройства и озеленения территорий как самих промышленных предприятий, так и прилегающих к ним городских кварталов. Правильный выбор площадок под строительство, строгое зонирование городов и соблюдение многих других, казалось бы, элементарных положений, при разработке которых допускаются ошибки, должны свято соблюдаться проектировщиками.

Одним из действенных способов охраны природы является правильное отношение к ней в градостроительстве. От современной градостроительной науки и практики требуется не только решение большого круга вопросов,

Ереван. Здание Главпочтамта, 1976 г. Архит. Э. Сарапян, конструкторы С. Багдасарян, А. Пахсрарян

Yerevan. General Post-Office building, 1976. Arch. E. Sarapyan, Designers S. Bagdasaryan, A. Pakhsraryan

Бульвар Главного проспекта в Ереване, 1970-е годы. Архит. А. Зарян

Main Avenue boulevard in Yerevan, 1970s. Arch. A. Zaryan

Административное здание в Эчмиадзине. Общий вид, 1975 г. Архитекторы М. Микаелян, Ф. Вагаршакян

Administrative building in Echmiadzin. General view, 1975. Architects M. Mikaelyan, F. Vagarshakyan

224

связанных с проблемами оптимального использования и обогащения природы, но и качественно нового подхода к работе архитектора и градостроителя, ко всему процессу проектирования и строительства. Каждая перспективная разработка должна учитывать все аспекты взаимодействия и взаимовлияния антропогенных и природных элементов и явлений в урбанизированной среде. С другой стороны, принимая во внимание, что природные системы независимы от воли человека, градостроители должны искать различные варианты для выбора оптимальных решений и выработки градостроительных принципов, основанных на конкретных природных условиях.

Решение проблемы охраны окружающей среды ученые с полным основанием возлагают непосредственно на человека. «Природа по-своему „социальна". „Социальность" ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, содействовать с ним, если тот, в свою

225

Эчмиадзин. Фрагмент благоустройства центра, 1975 г. Архит. Г. Рашидян

Echmiadzin. Downtown beautification fragment, 1975. Arch. G. Rashidyan

очередь, социален и интеллектуален сам» [34].

Быстрое развитие промышленного производства, размещаемого на больших урбанизированных территориях, привело к небывалому росту крупных городов, представляющих сложные взаимосвязанные системы группового расселения, с не всегда регулируемыми процессами, проходящими в них. Поэтому современный градостроитель обязан знать, контролировать и направлять все аспекты влияния города на экологическую систему.

Сегодня, в связи с острой необходимостью охраны природы, стали актуальными вопросы очистки естественной среды от загрязнения вредными выбросами. Однако пока еще не уделяется должное внимание геологическим основам преобразования природы и задачам охраны и рационального использования геологической среды — очень важной проблемы, особенно для горных районов страны. Еще в 1944 г. академик В. И. Вернадский точно определил роль человека в развитии поверхностной части земной коры: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой» [35].

Наиболее интенсивно, разнообразно и постоянно воздействие человека на геологическую среду происходит именно в городе в связи со строительством высотных зданий, метрополитена, трубопроводов различного назначения, дорог и других инженерных коммуникаций. Не рассматривая в комплексе все вопросы влияния своей деятельности на процессы, происходящие

в литосфере города, человек потом удивляется разрушающимся зданиям, высыхающим скверам и исчезающим рекам.

С другой стороны, важно, чтобы научные знания и достижения, которые мы имеем в области охраны окружающей среды, стали достоянием всего народа. Они должны непосредственно влиять на культуру быта людей и формировать в определенном плане философию их мышления. В вопросах природопользования особо актуально сегодня известное ленинское требование, «. . .чтобы наука у нас не оставалась черствой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»[1].

В современных условиях претерпели существенные изменения и творческие концепции по благоустройству в направлении выработки профессиональных навыков, раскрывающих идею демократизации городской среды.

В сущности благоустройство предполагает создание всей градостроительной (рукотворной) среды, в отличие от природной, ландшафтной. Исторические армянские города были далеки по своей морфологии от европейских концепций регулярности среды, которые начали стойко складываться в эпоху Возрождения и нашли развитие

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 391.

Застройка жилого квартала «Вагаршапат» в Эчмиадзине. Вид с ул. Мясникяна, 1978 г. Архитекторы Я. Исаакян, Г. Рашидян

"Vagarshapat" residential area development in Echmiadzin. View from Myasnikyan Street, 1978. Architects Ya. Isaakyan, G. Rashidyan

в классицизме. Определенная преемственность, идущая от эллинического понимания свободной городской среды, опиралась на натурфилософские корни. В этом нетрудно убедиться хотя бы на примере города Ани (X в.).

С тех пор, как понятие «благоустройство» обрело определенный смысл в законе о проектировании городов Англии 1909 г., оно претерпело множество различных толкований. В настоящее же время пределы его простираются от японской концепции, охватывающей общественную санитарию, удобство и уход за окружающей средой — до различных модификаций современного городского дизайна с его социакультурным подходом к проблеме.

Как бы то ни было благоустройство, включая озеленение, составляет раздел общей градостроительной направленности своего времени.

До середины 50-х годов у нас господствовали принципы, опиравшиеся на регулярность и замкнутость пространственного построения с периметральной застройкой. Приемы благоустройства точно следовали этой концепции. Идея пространственной расчлененности продолжалась и здесь. Ограды, штакетные ограждения, система озеленения и другие мероприятия как бы отражали некую элитарность, механически перешедшую в наше время из прошлых эпох.

Первые же попытки освобождения от этих, несомненно, устаревших концепций дали неожиданно эффективные результаты в практической деятельности. Два аспекта имели особое влияние на первые шаги переустройства городской среды в направлении ее гуманизации.

Во-первых, снятие архитектурных барьеров, членивших городскую пространственную среду, создало реальные связи между соседними территориями и, несмотря на отсутствие композиционно-организованного начала, они образовали спонтанные крупномасштабные озелененные зоны, которые позднее трансформировались в пешеходные.

Во-вторых, учитывая специфику южного города, улица и площадь стали пространственным продолжением зданий. Скамьи на остановках транспорта, небольшие точки для обслуживания населения совместно с произведениями декоративно-прикладного искусства демократизировали городскую среду.

Ландшафт и архитектура, будучи взаимосвязанными и взаимообусловливающими факторами, формирующими жизненную среду человека, дополняют и обогащают друг друга. Иногда на практике неверная трактовка связи «природа — человек» приводит к разрушению связи «ландшафт — архитектура». В этом смысле огромна ответственность градостроителя, так как идеи, связанные с правильным использованием природного ландшафта, должны быть заложены еще в генеральных планах населенных мест.

Неповторимость многих городов исторической Армении связана именно с удачным использованием естественной среды. Ярко

выраженное своеобразие примеров советского периода во многом связано с культурой и умением работать с ландшафтом.

Кольцевой бульвар, задуманный еще по первому генеральному плану города, до недавнего времени существовал лишь на бумаге. И сегодня он еще не завершен окончательно. Нельзя не отметить, что в идею создания сплошного зеленого кольца, охватывающего весь центр города, на практике были внесены изменения, нарушившие цельность кольца и почти на одну треть сократившие его протяженность. Тем не менее, своим осуществленным в натуре участком, бульвар внес принципиально новые черты в ландшафт всего центрального района Еревана.

На Кольцевом бульваре прежде всего обращает на себя внимание умелая работа с рельефом, использование всех его возможностей для создания интересных планировочных и пространственных, архитектурных и дендрологических композиций. Выложенные сухой кладкой террасы, удачно сочетающиеся с рельефом кафе, искусственный пруд свободной конфигурации, змеевидные бетонные скамейки придают отрезку бульвара между проспектом Ленина и ул. Теряна своеобразный колорит южного горного ландшафта [1].

Украшением бульвара является многоступенчатый металлический фонтан, замыкающий перспективу ул. Туманяна [1].

Завершается благоустройство последнего, южного отрезка бульвара, отличающегося своеобразием не только планировочной композиции, но и всего пространственного решения, формируемого с учетом особенностей микрорельефа участка [2].

С середины 60-х годов в Ереване ведутся работы по организации зоны отдыха в ущелье реки Раздан. Центральное, но вместе с тем из-за крутых скалистых берегов изолированное от жилых районов расположение, значительные размеры территории (около 400 га), протяженность более чем на 15 км и наличие активного природного фактора — реки Раздан, создали не только трудные, но порой противоречивые начала в проектировании и строительстве зоны отдыха общегородского значения.

В основу генерального плана зоны положены принципы свободной ландшафтной планировки, позволившие максимально использовать лучшие элементы природы ущелья и обогатить их дополнительными посадками деревьев и кустарников. Этой цели служат отдельные парковые объекты, число которых довольно ограничено. Зона представляет собой систему взаимоувязанных парков, расположенных на обоих берегах реки, являющейся по существу основой композиции, к которой тяготеет ряд побочных композиционных осей.

В связи с заметным уменьшением

[1] Архитекторы М. Айрапетян, Ф. Акопян, Ф. Дарбинян, дендролог С. Агабабян.

[1] Архит. Ф. Дарбинян.
[2] Архит. М. Айрапетян, дендролог С. Агабабян.

в последнее время количества воды в реке Раздан особую остроту приобрел вопрос использования водных поверхностей. Для его решения было осуществлено строительство небольших плотин, благодаря которым значительно увеличилась общая площадь водной глади. В ущелье образовался целый каскад естественно вписанных в рельеф небольших проточных озер.

Венчает зону отдыха искусственное Ереванское озеро, расположенное в юго-западной части города на месте расширения каньона реки Раздан. Оно разлилось на территории площадью в 62 га в результате строительства в 1964—1966 гг. дамбы на реке Раздан (на продолжении ул. Таманцинери). В соответствии с генеральным планом города на прилегающих к озеру территориях второе десятилетие ведется строительство парка общегородского значения, являющегося естественным функциональным продолжением зоны отдыха в ущелье реки Раздан [1].

Основной парковый массив создается на территории, примыкающей к Эчмиадзинскому шоссе. Здесь уже благоустроены берега озера, вдоль которых протянулась бетонная прогулочная аллея, связывающая общий пляж с детским, расположенным в северной части озера. В проекте намечается также строительство подземных переходов под Эчмиадзинским шоссе, которые свяжут парк с Далминскими садами.

Вдоль левого берега озера в начале 70-х годов построена набережная-аллея, примыкающие к которой крутые склоны уже частично озеленены. В соответствии с проектом на этой стороне Ереванского озера сданы в эксплуатацию ресторан и спасательная станция. Непосредственно из озера бьют струи фонтанов, проектная высота которых составляет 45—60 м. Они хорошо просматриваются как с территории парка, так и с различных точек города, являясь своеобразным ориентиром.

Создание Ереванского озера и барражирование реки резко изменили ландшафт всего района, значительно улучшили его микроклимат, а главное художественно обогатили его.

Водная поверхность стала в наши дни одним из активных компонентов городского ландшафта. Только за последние несколько лет в Ереване созданы искусственные озера у Театра оперы и балета им. Спендиарова [1], в парках «Победы»[2] и имени 26-ти бакинских комиссаров, у проспекта Свободы, недалеко от жилого дома «Трилистник» по проспекту Октемберян [3] и в других местах города. Живописно вписались в пейзаж искусственные пруды, построенные в Кировакане и Дилижане [4].

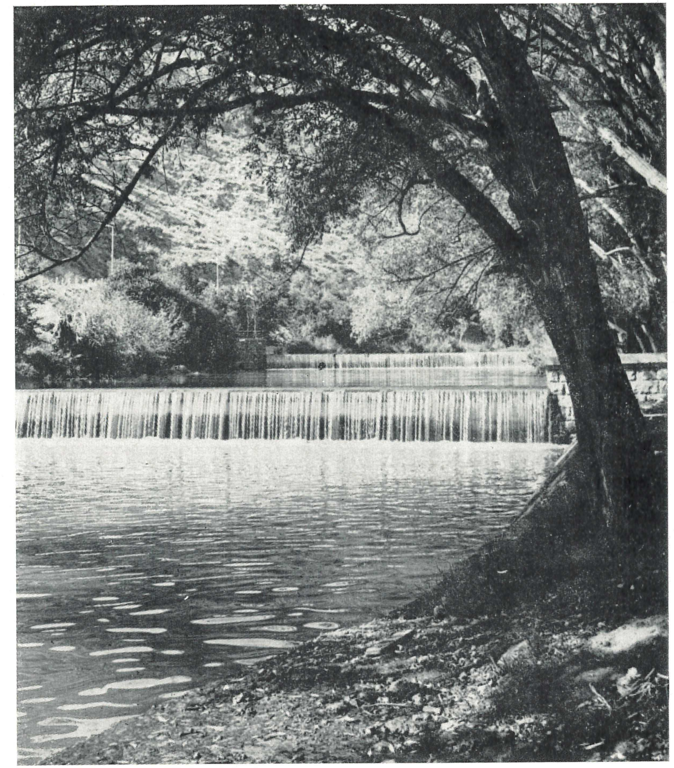
Еще в конце 30-х годов в Ереване были проведены значительные работы по озеленению каменистых склонов Норкской возвышенности, Арабкирского плато, возвышенности Цицернакаберд и других территорий, сыгравших

[1] Архит. А. Григорян, дендролог С. Агабабян.

[1] Архит. Г. Мушегян.
[2] Архит. О. Акопян.
[3] Архит. Г. Мушегян.
[4] Архит. Р. Бошян (Кировакан), архит. С. Аветисян (Дилижан).

Ереван. Зона отдыха в ущелье реки Раздан

Yerevan. Recreation zone in Razdan River canyon

важную роль в улучшении природной обстановки и создании того прекрасного зеленого амфитеатра, на фоне которого обозревается весь центральный район современного Еревана.

Сегодняшняя природная обстановка Еревана, созданный искусственно городской климат требуют решения новых градостроительных задач, непосредственно связанных с жизнью всего города.

В 1970—1980-х годах в теории и практике градостроительства Советской Армении в творческом

Ереван. Схема объемно-пространственной организации города, 1976 г. Архитекторы А. Григорян, С. Назарян

Yerevan. Scheme of city spatial arrangement, 1976. Architects A. Grigoryan, S. Nazaryan

16-этажные жилые дома в Ереване. Общий вид. 1976 г. Архитекторы А. Тарханян, Л. Мкртчян, Р. Багдасарян

16-storey residential buildings in Yerevan. General view, 1976. Architects A. Tarkhanyan, L. Mkrtchyan, R. Bagdasaryan

Ереван. Жилой дом по ул. Р. Израеляна, 1979 г. Архитекторы А. Алексанян, Ф. Акопян, конструктор А. Меграбян

Yerevan. Residential building in R. Israelyan Street, 1979. Architects A. Aleksanyan, F. Akopyan, Designer A. Megrabyan

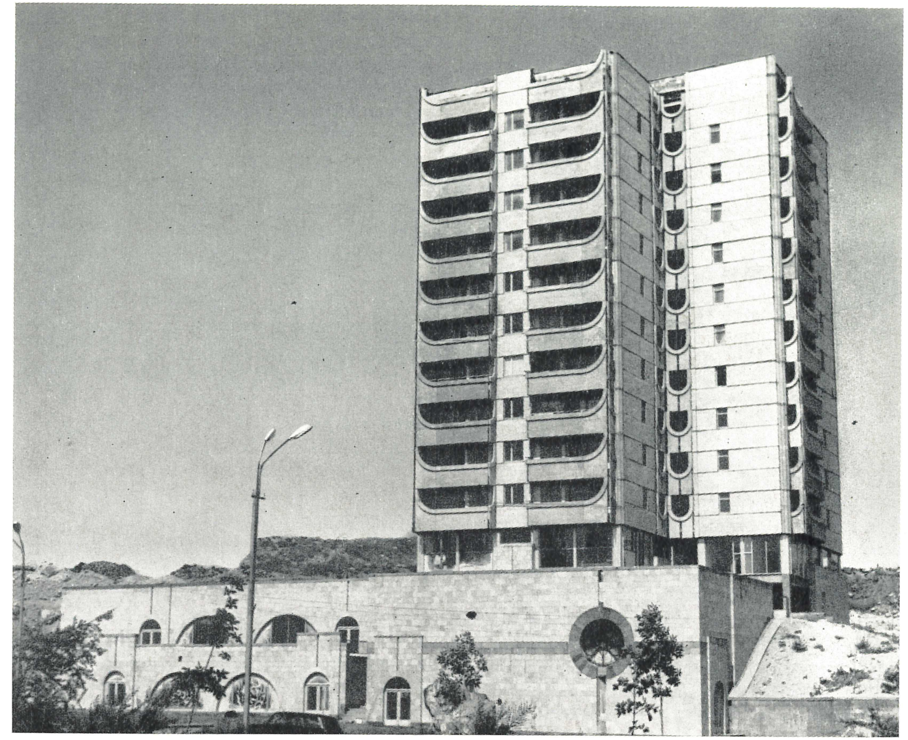
использовании факторов природной среды сделаны заметные шаги, о чем свидетельствуют научные и проектные разработки, выполненные в АрмНИИСА, институтах Армгоспроект, Ереванпроект.

В 1973—1976 гг. в институте Ереванпроект разработан проект ландшафтной организации территории Еревана[1] на расчетный срок генерального плана — до 2000 г. Здесь

[1] Архитекторы А. Григорян, С. Назарян, при участии канд. геогр. наук Г. Григоряна, дендролога С. Агабабян, канд. архит. Я. Исаакяна, канд. биологических наук О. Джугарян и др.

Комплекс горно-спасательной станции в Ереване. Общий вид, 1983 г. Архитекторы Г. Айвазян, Л. Нерсесян

Complex of mountain-rescue station in Yerevan. General view, 1983. Architects G. Aivazyan, L. Nersesyan

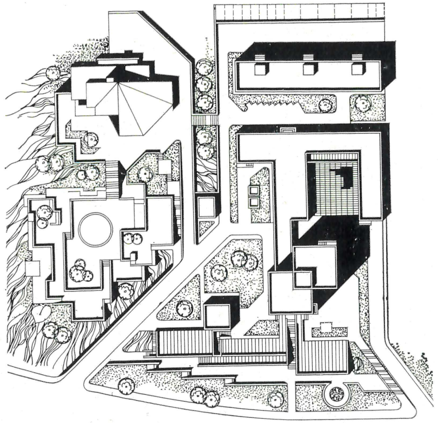

впервые на уровне проектных разработок сделана попытка решения проблем взаимосвязи города и природы.

В ландшафтной организации территории города важное место принадлежит комплексной оценке природных условий. Для выявления характера и удельного веса распространения разновидностей ландшафтов по всей территории Еревана был проведен анализ каждого ландшафтного подрайона в отдельности и составлена соответствующая карта. Аналогичные данные для города в целом обобщены

Комплекс горно-спасательной станции в Ереване. Генеральный план, 1983 г. Архитекторы Г. Айвазян, Л. Нерсесян

Complex of mountain-rescue station in Yerevan. Master plan, 1983. Architects G. Aivazyan, L. Nersesyan

в диаграмме ландшафтной дифференциации, где нашли отражение природная обстановка, современное состояние использования ландшафта и проектируемые ландшафты города.

Комплексная оценка природных условий дана в проекте по индивидуальным ландшафтным местностям и городу в целом с выделением природных элементов и явлений, назначения территорий и степени благоприятности природных условий.

Особое внимание обращено на анализ рельефа с точки зрения объемно-пространственной организации города, в связи с чем проверена видимость важнейших зданий и ансамблей из различных районов города.

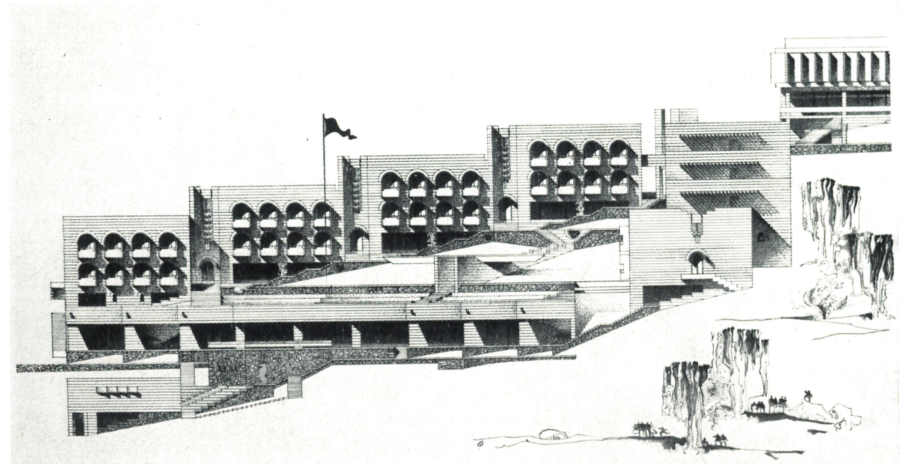
Чем же характерна объемно-пространственная организация центрального района сегодняшнего Еревана?

Он, как отмечалось, расположен в предгорной равнине, окруженной с трех сторон естественным амфитеатром возвышенностей с резко обрывающимися склонами. Панорамный обзор от центра в южном и частично юго-западном направлениях раскрыт полностью. Ведущей в центральном районе города является распластанная четырех-пятиэтажная застройка. Отдельные точечные многоэтажные здания, построенные за последние годы, еще окончательно не нарушили закрытого пространственно-обособленного характера системы центра города, несмотря на явную хаотичность их постановки. Но это уже сказывается отрицательно на формировании силуэта застройки. Между тем гипсометрическая ситуация центра города с ее интересной геоморфологией (ущелье реки Раздан, многочисленные холмы, Аванское ущелье и т. д.) в сочетании с редкими по красоте точками многопланового панорамного обзора на Арарат, Арагац и другие доминанты природного окружения создают богатые возможности для объемно-пространственной организации центра и города в целом.

Учитывая, что административно-общественные центры планировочных районов Еревана (кроме центрального) еще не сложились, на современном

Пионерский лагерь — база отдыха в Цахкадзоре. Проект, 1970 г. Архитекторы Ф. Африкян, А. Алоян

Young Pioneers' camp-recreation center in Tsakhkadzor, 1970. Architects F. Afrikyan, A. Aloyan

этапе повышается роль определения их пространственной связи с природным окружением и сложившейся застройкой.

Анализ и оценка гипсометрической ситуации территории Еревана и многочисленные неудачные, на наш взгляд, примеры использования рельефа в практике застройки города (жилые дома по улице Орбели, создавшие протяженный «экран» высотой более 30 м; жилые дома в Зейтуне, соперничающие из многих точек города по высоте с монументом Победы и др.) приводят к выводу, что застройку на переломных точках окружающего центр природного амфитеатра необходимо вести только в исключительных случаях, исходя из основных принципов объемно-пространственной организации центрального района и композиционных соображений построения города в целом. Вместе с тем, следует ограничить среднюю высоту жилой застройки центра для увязки новых жилых зданий со сложившейся четырех-пятиэтажной застройкой и акцентирование в пространстве общественных зданий города.

Думается, что при формировании застройки кварталов центра, особенно расположенных с внешней стороны Кольцевого бульвара, необходимо раскрывать перспективы на природный амфитеатр. При этом целесообразно исключить строительство протяженных

зданий повышенной этажности, которые нивелируют рельеф, замыкают пространственные коридоры, задерживают и гасят идущие сверху потоки прохладного воздуха, так необходимые в летнее время.

Кроме того, что природа есть «тело» человека, в ней происходит вся его хозяйственная деятельность, вливающаяся в общий естественный процесс и воздействующая на нее.

В эпоху натурального хозяйства эта тенденция была неощутима. «До тех пор, пока человеческое сообщество являлось составной частью естественного порядка, их физическая и биологическая стабильность была в значительной мере обеспечена процессами саморегулирования самой природы» [36]. Да и человек еще не обладал столь могучими возможностями, как сейчас. Поэтому в ответ на щедрость природы, одарявшей его всеми своими богатствами, он ничем не мог возмещать взятое, кроме как благодарностью в форме духовных, этических и эстетических проявлений.

Беспощадное наступление человека на природу началось, когда она капитализмом оказалась вовлеченной в систему товарно-денежных отношений. Обогащаясь за счет природы и тем самым накачивая свои мускулы, человек вновь обрушивался на нее с еще большей силой, чем прежде. Гневом полны слова У. Морриса об этом варварстве: «рубите прекрасные деревья. . ., разрушайте старинные здания, чтобы извлечь прибыль. . ., загрязняйте воду в реках, закройте солнце, отравляйте воздух — никто не обязан заботиться об этом, думать о способах противодействия этим страшным процессам: вот деятельность и цели сегодняшней индустриализации и капитала. . .» [37]. Казалось, что природа — «неисчерпаемая кладовая и бездонная свалка» [38].

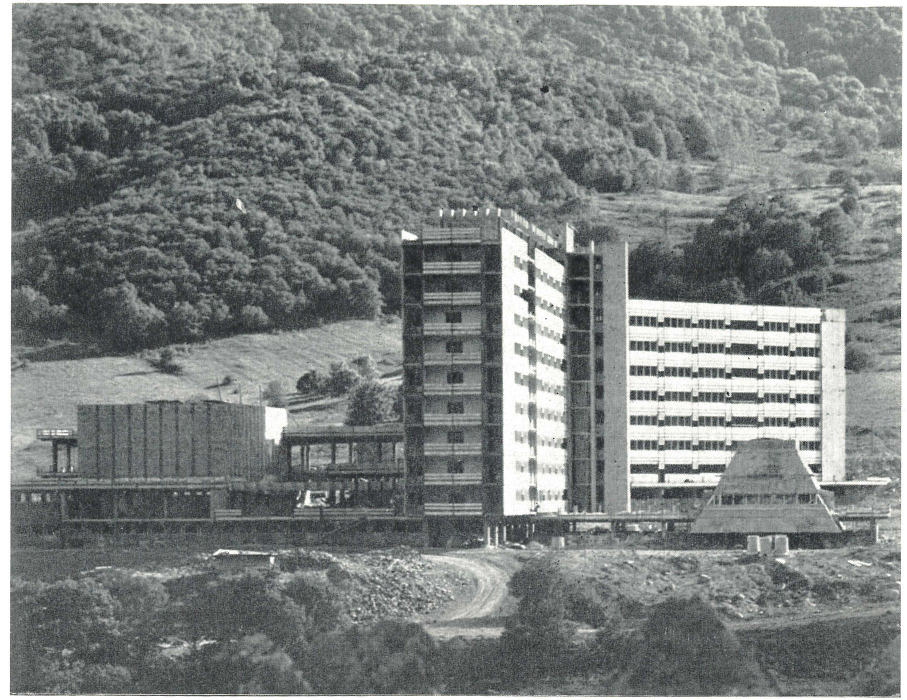
Потребительское отношение к природе проникало в сознание людей, трансформируясь в духовные категории, призванные оправдать их действия. В отличие от всех других видов духовной деятельности человека, других видов искусств это проникновение в архитектуру, имеющую двуединую сущность (симбиоза искусства и техники), было относительно легким и простым, так как техника для этого являлась, так сказать, «пятой колонной» в архитектуре. Кризис усугублялся нарушением внутреннего равновесия архитектуры, сдвигами в диалектическом единстве между ее функцией и формой.

Индустриальные методы строительства, основанные на серийном производстве множественной повторяемости, более не могли по старому обеспечить разнообразие, чтобы удовлетворить традиционные требования. Поэтому в массовом строительстве над архитектурой все более воцарялось господство дизайнерского «искусства абстрактной среды».

Формула «функция определяет форму», выведенная на заре «новой архитектуры», почти сто лет служит концептуальной опорой для различных, часто противоположных, направлений архитектуры: от ортодоксального функционализма до сердитой райтовской инверсии «форма определяет функцию».

Санаторий на 500 мест в Анкаване. Общий вид, середина 1970-х годов. Архитекторы М. Микаелян, К. Тиратурян

Sanatorium for 500 places in Ankavan. General view, mid-1970s. Architects M. Mikaelyan, K. Tiraturyan

Дизайнерское толкование функции вытекает из индустриальной сущности: создавать много, быстро и дешево, на научной основе. Эстетический критерий: правдивое выражение внутренней структуры и технологических особенностей в наружном облике, как бы говоря «только правду и ничего кроме правды».

Качественная ограниченность этой концепции с лихвой компенсируется объективными требованиями количественного аспекта, поддерживаемыми социальным заказом. Именно этому критерию на долгие годы суждено было господствовать и в нашей архитектуре. Это имело свою почву. Наша страна, решая огромную

Кольцевой бульвар в Ереване. Декоративный фонтан, 1978 г. Архит. Ф. Дарбинян

Ring Boulevard in Yerevan. Decorative fountain, 1978. Arch. F. Darbinyan

социальную задачу, ведет массовое строительство более чем какая-либо другая, именно индустриальными методами.

Сила концепции была столь велика, что заставила традиционную архитектуру сдать позиции индустриальному дизайну, превратиться в его послушное орудие. Первоисточником, откуда она теперь черпала вдохновение, была не природа, а технический мир, сотворенный человеком, так сказать, производная от природы. Подражая ей, дома и сооружения все более становились плотью не вечно живой природы, а этого рукотворного мира, поэтому им была суждена недолгая жизнь. Магическая сила однобокой концепции заставляла архитектуру даже в тех, не очень многих случаях, когда она могла проявить и раскрыть себя в определенном пространстве, отказаться от этого под страхом обвинения в ретроспективности.

Дизайнерская концепция тесно связана с развитием техники и ни на шаг не может позволить себе отстать

от нее. Постоянное динамическое состояние этого процесса не дает места традиционной нормативности, позволяющей добиваться устойчивых совершенных форм. Она быстро стареет, не имея стабильной основы, которой могла быть только окружающая среда.

Очевидно, что подобное одностороннее толкование, характерное для прикладного искусства дизайна, не в состоянии решать художественно-образные задачи архитектуры. Это воочию видно из повсеместной практики массового индустриального строительства, его однообразия и художественно-информативной скудности.

Не говоря о наивысших образно-художественных возможностях, к которым архитектура восходит в своих лучших проявлениях, ей в обычной практике необходимы средства для преобразования низших форм структурной организации в художественно оригинальные композиции. Эта оригинальность просто немыслима без творческого вовлечения в формирование архитектуры окружающей среды. Подхваченные особенности ее характера обратной связью проникают во внутреннее строение. Здесь уже внутренняя структура (здания, градостроительного комплекса), конструктивное построение становятся конкретной модификацией сформированной конкретной внешней средой. Форма становится посредником, гармонизирующим объект с его окружением. Через нее не только просвечивает внутреннее строение объекта. В ней отражается и внешний мир, а в высших формах художественной выразительности внешняя форма способна переносить смысл с одного предмета на другой.

Не в этой ли способности заложен феномен формы? Не потому ли форма, из которой давно «ушло» родившее ее содержание, продолжает восхищать, являя нам художественную самоценность?

Основой для этого служит степень глубины и широты отражения в ней факторов конкретной внешней среды, природы.

Отрицая историческую преемственность и нормативность, «новая архитектура» породила стереотип и штамп, которые в век скоростной информативности немедленно распространялись расхожими идеями по всему свету.

Проповедуя полную вседозволенность, подменяя эклектизмом высокое понятие о романтизме, область архитектуры превращалась в некий Вавилон, где «смешались языки» так, что один не понимал другого, будто не самоограничение является выражением полной свободы при вседозволенности.

Нетерпимость к оригинальному, уникальному, составляющая органическую суть дизайнерской множественности и повторяемости, естественно, направлена против кустарных промысловых искусств, многие из которых либо прекратили свое существование, либо находятся на его грани.

Так, объективно, техника растаптывала не только природу, но и духовные ценности, утверждавшие ее примат. Народное творчество,

Здание Армянской конторы Стройбанка СССР в Ереване, 1974 г. Архит. З. Бахшинян

Building of USSR Stroybank Armenian Office in Yerevan, 1974. Arch. Z. Bakhshinyan

Жилой дом по ул. Амиряна в Ереване 1974 г. Архит. Ж. Григорян

Residential building in Amiryan Street in Yerevan, 1974. Arch. Zh. Grigoryan

оказавшись в положении «мученика», в последние десятилетия вызвало небывалую волну симпатии. Изменилось в корне отношение и к старым заурядным зданиям лишь потому, что они были носителями этой культуры.

Эти противоречивые процессы — свидетельство нарушенного равновесия внутри древнейшего искусства зодчества. «Новой архитектуре», которая «умерла вместе с утопическими надеждами на преобразование общества ее средствами», сейчас на смену идет новая волна эклектизма с ее

признанием ценностей «контекста городской среды», историзма, культурной преемственности. Кажущиеся позитивными ее многообщения, однако больше ограничиваются сферой риторического развенчания «новой архитектуры», нежели результатами практической деятельности. Несмотря на привлекательность деклараций, провозглашаемых постмодернистами, их творческие устремления «пока выливаются лишь в утверждение мещанских идеалов». Тем не менее «возрождение интереса к культурным ценностям прошлого и контексту сложившейся среды стало не только опорой плодотворных поисков, но и оправданием новой волны эклектизма» [40].

В этом течении объединены все, часто противоречивые направления против «новой архитектуры», не позволяющие, говоря откровенно, дать однозначное определение его мировоззренческим позициям и творческим концепциям. Это должно будет сделать время.

Между человеком и средой — этими стабильными категориями природы — лежит архитектура, являющаяся посредником в их консолидации. Определяющими в ее функциях являются: удовлетворение человека организованным пространством с максимальными удобствами для каждого вида деятельности и гармонизация объекта с окружающей его средой. Наконец, реализация этих требований становится основой, на которой сила таланта творца сообщает ей наивысшую выразительность, поднимающую архитектуру до высот формы общественного сознания.

На этом уровне в ее формирование

вовлекаются более высокие духовные проявления среды в виде региональных, исторических и национальнных факторов. Только пройдя через это, архитектура становится интернациональной, доступной всем, что подтверждается всей историей ее развития. Любой разрыв в этой триаде, выделение отдельного звена или их сочетаний, подобно нарушению в биогеоценозе, неминуемо приводит к развалу всей культурной подсистемы, которую представляет архитектура.

Архитектура как область духовной деятельности, в последние десятилетия покорно прошагав за развивающейся техникой, совместно с ней подошла к критическому порогу, за которым разрушаются саморегулирующие возможности ее стабильности.

За этим порогом нашей эры (техносферы) два пути: мировая катастрофа или, по определению В. И. Вернадского, преобразованная научной мыслью и полностью управляемая человеком норсфера.

Повсеместная активизация всеобщего движения масс — от любительства природы до защиты мира на Земле, в конечном итоге служит единой цели и подтверждает положения В. И. Вернадского.

Из всех искусств архитектура, в силу своей специфики, особенно чутко реагирует на прогресс науки, которая составляет часть основ архитектуры и перебрасывает мосты во все области знаний. А главное, как сказал Гете, если художник изображает природу, то архитектор творит в природе.

Сегодня все говорит за то, что архитектура находится в преддверии нового исторического шага, когда будут отметены все чуждые ей односторонние проявления и обобщены достижения нашего времени.

* * *

Во все времена функция здания и его внешний облик должны были удовлетворять утилитарные и эстетические потребности в основном частного владельца, инвестирующего строительство. В обществе социального равенства эти отношения в корне изменились. Архитектура здесь в принципе свободна от конкретно-личностного требования и через оптимизацию отражает социальный заказ общества в целом в значительных и повторяемых масштабах. Она выступает не просто как категория, удовлетворяющая жизненно важные потребности людей, но и как социально-нормирующее средство нового общества. Эта особенность является орудием утверждения нового социально-экономического устройства и инструментом формирования адекватного духовного мира людей.

В нашем бесклассовом обществе, состоящем из разных социальных групп населения, нужды в жилье определяются не роскошью, а качественно различными требованиями, соответствующими специфике быта и рода деятельности каждой группы, первичной ячейкой которой является семья.

С другой стороны, в формировании этих социальных групп участвует демографическая специфика с конкретной половозрастной структурой. Только одни эти факторы — (социальный и демографический) в процессе их дифференциации и в углубленном внедрении могут дать огромное разнообразие «ассортимента» жилья. Это внутреннее своеобразие, с которым ни в какое сравнение не может идти «оберточное» стайлинговое отличие, имеющее сегодня расхожую распространенность за рубежом. Такое внутренне обусловленное разнообразие не может органически не отразиться на внешнем облике. Здесь заложены главные ресурсы разнообразия застройки. Жилье — наша «самая верхняя одежда», после перехода на индивидуальные методы производства вплотную приблизилось к сфере продукции широкого потребления. В самом деле, в идеале оно все более станет сходным, например, с индустрией производства обуви. Надо полагать, что первое индустриальное обувное производство не сразу стало удовлетворять спрос на все потребные виды. Заводское домостроение родилось несколько десятилетий назад и находится в начале своего развития. Ему приходится не только решать сложные технические вопросы и создавать свою архитектурно-художественную концепцию, но и преодолевать многие веками сложившиеся представления об архитектуре. Нет сомнения, что настанет время, когда индустриальное домостроение полностью будет выполнять социальный заказ, отличающийся органическим, внутренне обусловленным разнообразием.

Винный завод
в Иджаване, 1979 г.
Архит. Абрамян

Winery in Idzhevan,
1979. Arch.
A. Abramyan

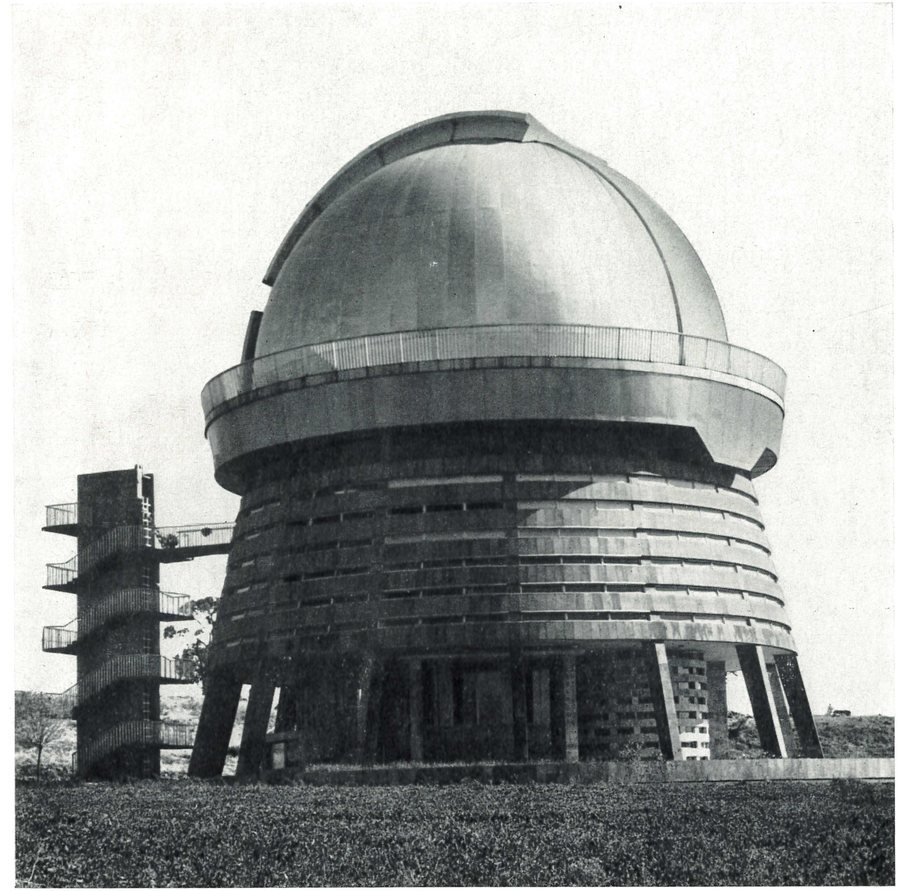
Население планеты сейчас в течение года возрастает почти на 80 млн. человек. К 2000 г., по самым скромным прогнозам, оно должно возрасти более чем в полтора раза. Отсюда становится ясно, что количественная проблема создания материальных благ выдвинула задачу повышения интенсификации производства. Это — главная движущая сила современной научно-технической революции. Индустриализация строительства, обеспечивающая неуклонный количественный рост производства материализованной среды, не самоцель и не родилась сама по себе.

В одном из своих писем Ф. Энгельс указывал, что «. . .если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»[1].

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма, М., 1948.— С. 469.

Башня зеркального
телескопа «Армения»
в Бюракане. 1976 г.
Архит. С. Гурзадян

Tower of "Armenia"
reflecting telescope
in Byurakan, 1976.
Arch. S. Gurzadyan

Дом культуры горняков в Кафане, 1978 г. Архитекторы С. Гурзадян, К. Матинян, М. Мурза

Miners' House of Culture in Kafan, 1978. Architects S. Gurzadyan, K. Matinyan, M. Murza

Продвижение это было бурным прежде всего в области количественной проблемы. Отставание же развития формы породило целый ряд парадоксов. Смысл главного из них заключается в том, что количественные требования заставляют сократить многодельность в технологии производства жилья и с этой целью предельно укрупнить размеры типоэлементов с сокращением их числа. Качественный же аспект, напротив, характеризуется склонностью к сокращению размеров и увеличению их количества для расширения не только ассортимента типов жилья, но и для повышения разнообразной вариабельности формы жилья — главного «наполнителя» городского пространства.

Это только часть дела, составляющая сущность проблемы, ограниченную задачами материальных потребностей.

Из всех вопросов, более всех волнующих нас сегодня, самый актуальный — преодоление эстетического кризиса однообразия, переживаемого массовым строительством.

Какие же ресурсы разнообразия таит сфера удовлетворения духовных, эстетических потребностей? На каком уровне они заложены в современных условиях?

Когда-то Л. Мис ван дер Роэ сказал, что архитектура начинается там, где один кирпич положен на другой. Очевидно, это сохраняет свою силу и поныне, но только в области

Здание железнодорожного вокзала в Ленинакане. Интерьер, 1979 г. Архит. Р. Егоян

Building of railway station in Leninakan. Interior, 1979. Arch. R. Yegoyan

строительства уникальных зданий, с характерным для них ювелирным искусством отделки каждой детали.

Древняя Греция создала образцы архитектуры, отличающиеся нюансами архитектурно-художественной интерпретации внутри каждого строго нормированного типа сооружения. Римляне их распространили на громадные территории. Несмотря на это, каждый географический регион с только ему присущими природными и ландшафтными особенностями, строительными приемами и материалами и, наконец, со своей самобытной культурой (конечно, и архитектурой) настолько адаптировали к своим условиям эти привычные типы, что их нельзя спутать с другими. Где, например, еще можно встретить подобие храму в Гарни, хотя сам по себе тип этот даже «бананален».

Новая, «честная» архитектура началась сто лет назад как реакция на эстетическую утопию модерна, все более удалявшегося от жизненных реалий несмотря на то, что он сам недавно способствовал крушению консерватизма и академизма в архитектуре.

В этой «честной» архитектуре, отдаленные корни которой восходят к идеалам искренности эпохи Просвещения, скорее выражалось «субъективное понимание реальности художником, чем объективное отношение структуры и художественной формы в произведении архитектуры»... «Последовательное устремление

к искренности в подобном понимании исключало подчинение объекта творчества условиям окружающей среды: этическое понятие, отнесенное к внутренним зависимостям объекта, претворялось в нетерпимость к любому давлению внешних факторов. Тем самым утверждалось представление о произведении архитектуры как замкнутом микрокосмосе, весьма существенное для развития архитектурной утопии в дальнейшем» [41] (выделение наше А. Г. и М. Т.).

Провозглашалось положение, при котором «современное здание должно извлекать свою архитектурную выразительность только из силы и значения своих собственных органических пропорций, должно быть истинно в самом себе» [42] (выделение наше А. Г. и М. Т.).

На смену утопии эстетической пришла утопия этическая, наиболее свободная для развития техники, ничем не опосредованная концепция, которая руками дизайна утверждала примат техники.

Так архитектура, потеряв свой основополагающий критерий красоты — гармоническую связь с окружающей средой (как минимум — ландшафтом), стала скатываться на творческие позиции технической эстетики, дизайна. Интересно, что критерии оценки ее стали дизайнерские. Словом «новаторство» обозначались, главным образом, конструктивные, технические достоинства. И, конечно, все менее внимания уделялось извечным свойствам архитектуры, совершенству ее специфических средств выразительности, отточенным в содружестве с окружающей внешней средой.

Пионеры «новой архитектуры», живя в век индустриального строительства, могли позволить себе «начать архитектуру» там, где на один кирпич положен другой. В сущности все их здания уникальны и подтверждают эти афористические слова.

Но нельзя, например, в таком городе, как Ереван, в течение года строить тысячи жилых домов и оставаться при этом в рамках мелкомасштабного кирпича и даже панели. Архитектура не может обладать незыблемой масштабностью. Она у каждой эпохи своя. И совершенно очевидно, что сегодня ресурсы архитектурной выразительности в массовом строительстве начинаются не с отдельного дома, поскольку композиционная завершенность его при многократном повторении утверждает однообразие художественной информативности. Поэтому такой подход, имевший место в применяемых ограниченных по номенклатуре сериях типовых проектов, сегодня изжил себя. Таким образом, функции пространственного смысла с отдельного дома переходят на более крупные образования, индивидуальный облик которых формируется каждый раз в органической увязке с конкретной средой.

Разбор различных аспектов, порождающих монотонность застройки современного города, показывает, что эта монотонность, как наивно полагают многие, не начинается и не кончается одним лишь однообразием

отдельных зданий. Сегодня немыслимо высокое архитектурное мастерство вне понимания в наиболее общем виде — градостроительном, ибо только оно формирует окружающую среду.

Все традиционные архитектурные выразительные средства в более масштабных выражениях, как мы уже говорили, выступают посредниками между зданиями и ландшафтом или архитектурной средой. Ведь десятки веков человек, всматриваясь в окружающий мир и живую пророду, формировал эти средства. Владение и умелое пользование ими не может не гарантировать успех в конечной своей деятельности — гармонизации рукотворных вещей с миром, породившим эти средства.

Характерно в этом смысле здание гостиницы «Двин»[1]. Крупномасштабность его нерасчлененного объема не согласуется с ландшафтными доминантами среды — ущельем реки Раздан и холмами Конда.

Нельзя не отметить и тот факт, что число разнообразных типов домов не всегда залог успеха застройки. Бывает даже наоборот. В сущности не каждый «кирпич», т. е. объемный элемент в застройке, должен выражать идею индивидуальности. Зато есть много примеров, когда при ограниченном их числе достигнуто не только архитектурно-пространственное единство, но и своеобразие. Это результат умелой организации движения человека в пространстве и владения искусством «архитектуры земли», поддерживающей композиционную идею пространственного решения и сообщающей интерес архитектурному пространству своей неповторимостью.

Несовершенное владение этими профессиональными приемами также порождает частое обращение к шаблонам и стереотипам.

Недопустима единая мерка и в методике типового проектирования. Мы уже говорили, что Армения представлена почти всеми зонами общесоюзного климатического районирования. Однако они территориально чрезвычайно малы, чтобы создавать для каждой из них свою, пусть даже небольшую, индивидуальную строительную базу. Требуемый «ассортимент» жилья в этих условиях необыкновенно возрастает, если учесть и неограниченное своеобразие горного рельефа. Активная практика двух десятилетий заводского домостроения больше показывала, как нельзя делать в этих условиях, чем то, как надо. Например, два-три не очень протяженных дома, построенных в предгорных условиях города, вызывали небывалый протест даже в непрофессиональных кругах. И, напротив, оригинально организованные дворы в районе Аван-3 из точечных домов оказались гармоничными с природным ландшафтом.

Шествие в едином методологическом фарватере индустриального заводского домостроения почти полностью заморозило выход научного поиска в этой области на практическую арену.

[1] Архитекторы Ф. Акопян, А. Алексанян, Э. Сафарян.

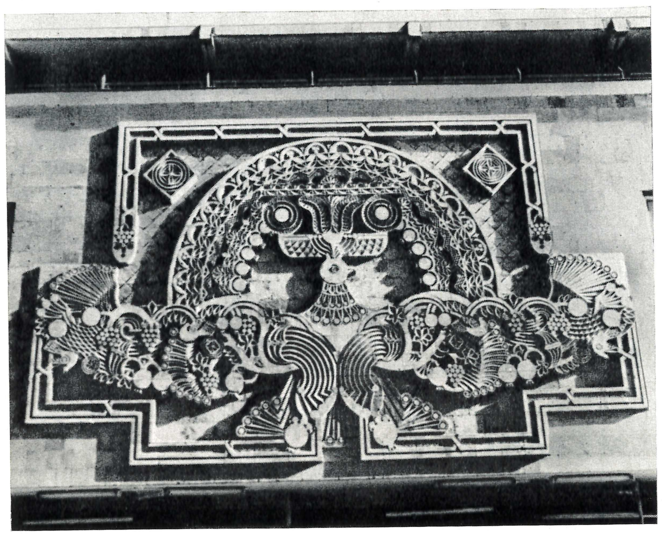
В строительстве все более утверждаются концепции индустриального производства и ясно, что возврата к старому не будет. Но ведь допускается и даже поощряется, чтобы при унификации и соблюдении общесоюзных стандартов продукция народного потребления отдельных регионов в зависимости от воздействия местных факторов была бы разнообразна. Почему же, когда очевидно, что новые районы массового строительства повсеместно становятся схожими и однообразными, представляя собой чуждые образу отдельного города полиферации, мы не делаем попытку развивать в новой сложившейся среде образ данного города?

В среде архитекторов все более раздаются голоса о том, что «причины так называемой безликости архитектуры кроются в том, что мы разорвали цепь основных звеньев, под которыми подразумеваются архитектурно-планировочное и

252

Ереван. Здание гостиницы «Двин». Декоративная композиция на главном фасаде. Скульптор А. Шираз

Yerevan. Dvin Hotel building. Decorative composition on main facade. Sculptor A. Shiraz

253

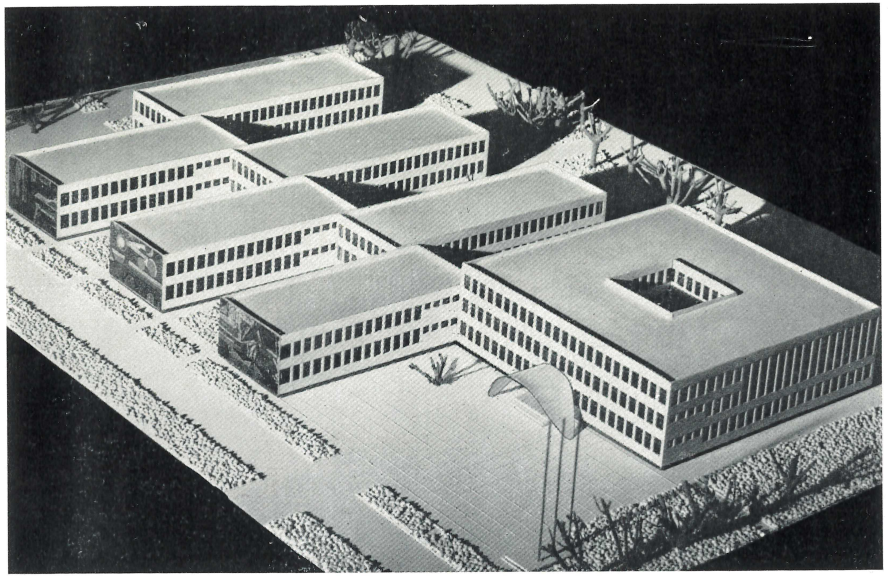
Ереван. Здание гостиницы «Двин», 1979 г. Архитекторы Ф. Акопян, А. Алексанян, Э. Сафарян

Yerevan. Dvin Hotel building, 1979. Architects F. Akopyan, A. Aleksanyan, E. Safranyan

Типовой проект общеобразовательной школы на 30 классов. Макет 1974 г. Архитекторы А. Тарханян, Л. Саркисян

Standard design of secondary school for 30 classes. Mock-up, 1974. Architects A. Tarkhanyan, L. Sarkisyan

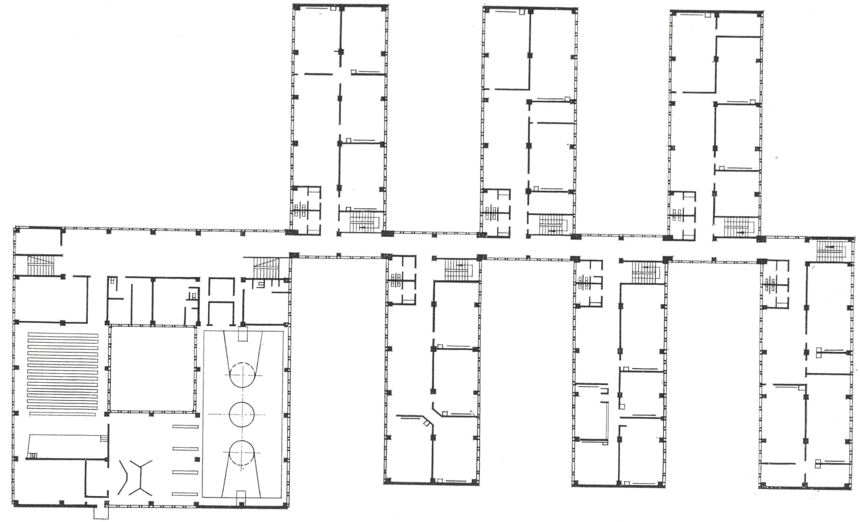
конструктивное решение, индустриальное производство, само строительство и экономика. Все это решается сегодня в отрыве одно от другого». В силу этого получается, что мы по существу «планируем и осуществляем невыразительность» [43].

Установившаяся методика типового проектирования, как показала многолетняя практика, не обеспечивает конечный, синтетический результат. Право синтезировать сохраняется за архитектором только на период проектирования, после чего каждая сторона (заказчик, строитель, поставщик и, наконец, приемщик объекта), заинтересованная в своих узковедомственных интересах, поворачивает судьбу объекта в выгодную себе сторону. Для успеха же общего дела архитектору должно быть возвращено единовластие от начала до конца, так как он по специфике своей профессии «вневедомственен», а плод его труда оценивается в натуре.

Бесспорна, на наш взгляд, также мысль о том, что не надо пытаться

Типовой проект общеобразовательной школы на 30 классов, план, 1974 г. Архитекторы А. Тарханян, Л. Саркисян

Standard design of secondary school for 30 classes, plan, 1974. Architects A. Tarkhanyan, L. Sarkisyan

улучшать, совершенствовать то, что себя не оправдало. Для каждого региона лучше всего то, что обеспечивает свои требования удобства, красоты и гибкости при передовой технологии и экономичности строительства. Нигде они не могут быть общими. И здесь кроется главный источник всеобщей по стране экономичности, целесообразности и разнообразия. Говоря словами Гете, «дозволено то, что подобает».

Оглядываясь на относительно недолгий путь развития и массового строительства в Армении, можно убедиться, что успехи в этой области всегда были связаны с теми случаями, когда в экспериментальном порядке допускались даже небольшие отклонения от сложившихся принципов.

Обращение к специфике ландшафтных условий Дилижана позволило создать микрорайон Кахни-Хач. Удушающее малоземелье в горных условиях Кафана сориентировало на строительство группы многоэтажных домов на сверхкрутом рельефе в самом центре города. Уникальная историко-архитектурная среда центра Эчмиадзина привлекла к пластически живописному решению жилой застройки квартала Вагаршапат

вблизи Кафедрального собора. Разнообразие в этих случаях не выступало как самоцель, как одно лишь стремление к эстетическим откровениям. Оно здесь — органическое следствие целесообразности.

Не пытаясь внести никакие поправки в социально-нормирующие основы сложившейся типологии жилья, действия наши следует направить на поиски такой системы, которая обеспечила бы наилучшее решение проблемы массового жилого строительства для каждого региона.

Сейчас в республике общей площадью в 30 тыс. км^2 в течение года вводится более 1 млн. м^2 жилья. Ее территория, как отмечалось, представлена почти всеми общесоюзными климатическими зонами, в которых строительство ведется без учета их утилитарных и экономических особенностей.

Только климатические условия и рельеф с их многочисленными сочетаниями требуют необыкновенной гибкости проектов. Существующие методы массового жилого строительства своей жесткостью и ограниченностью часто вынуждают выходить на поглощение и без того скудных ресурсов сельскохозяйственных земель с равнинным рельефом.

Клочковатость и распыленность различных по геоморфологии земель, наряду с климатической полиморфностью, требуют полного пересмотра всей сложившейся практики массового строительства. Малые размеры республики позволяют решить вопрос путем внедрения унифицированной системы индустриального производства жилья самых различных типов. Мы не видим другой альтернативы для разрешения проблемы строительства удобного, экономичного, красивого и разнообразного по облику жилья. Задача эта, однако, может быть разрешена пересмотром многолетней организационной практики строительства. Новую систему должно отличать единство цели, а управление делом должно обеспечить полное единство действия и средств различных заинтересованных ведомств.

В этом смысле определенные надежды вселяет принятая в 1984 г. программа перспективного развития индустриальной базы, повышения технического уровня, эффективности и качества массового жилищного строительства в Армянской ССР на 1985—1995 гг. В основу ее разработки положены принципы унификации проектных решений, специализации и кооперации домостроительных комбинатов и заводов железобетонных изделий, которые фактически в республике находятся в зачаточном состоянии, и, наконец, переход к блок-секционному методу с полным освоением всей номенклатуры проектов. Только улучшенная серия 129/1-2 состоит из 42 блок-секций для городского строительства и 16 — сельского.

Практически строительство жилых домов на основе унифицированных конструкций начнется с 1987 г. При сокращении до 40% общего числа типоразмеров и марок изделий значительно увеличивается вариабильность архитектуры зданий в целом и особенно архитектурно-планировочных и объемно-

Ереван. Фрагмент застройки 15-го квартала жилого района «Ачапняк», 1979 г.

Yerevan. Fragment of 15th quarter development in Achapnyak residential area, 1979.

пространственных решений жилых образований. Крайне важно и внедрение в практику 1-, 2- и 12—16-этажных жилых домов из монолитного железобетона с применением индустриальных переставных опалубок, а также новых серий 1-, 2- и 4—5-этажных жилых домов из естественного камня. Последнее имеет первостепенное значение для архитектуры малых городов и сельских населенных мест республики.

В современной обстановке, когда благодаря требованиям времени невероятный скачок совершен во всех областях человеческой деятельности, объем исходной информации в науке, а также в архитектуре возрос до гигантских размеров. Отдельные компоненты архитектуры выделились в самостоятельную научную область. Тесно смыкаясь с архитектурой, каждый из них имеет и свои четко очерченные границы компетенции. Социальная гигиена, климатология, технология строительного производства, технология зданий и многое другое сегодня могут развиваться совершенно изолированно. Нетрудно представить то беспомощное положение, в котором мог оказаться в этой обстановке зодчий, лишенный возможности охватить, синтезировать и гармонизировать невообразимый поток современной информации в самых, казалось, невероятных сочетаниях.

Архитектура сегодня, как впрочем и вся наука, переросла в область, могущую далее развиваться на основе только системного метода исследования и решения задач. Догма, царствовавшая долгие столетия в науке об «изменении факторов по одному», сегодня совершенно не приемлема в сложных системах, которые приходится решать и в архитектуре.

Современная наука находится в преддверии полного раскрытия той скрытой информации, благодаря которой будут выявлены закономерности, развивавшие искусство синтеза в прошлые времена. Тем самым человек, усовершенствовавший свои руки и ноги, совершенствует не только мышление, но и чувства.

В период творческой перестройки в середине 50-х годов подвергалась полному пересмотру и система архитектурного образования. Прежде всего снизились требования к отбору художественно одаренной молодежи. В архитектурные вузы шел даже малоподготовленный в этом смысле контингент.

Сверх всякой меры набухший объем чисто инженерных дисциплин, прямо скажем, сжал до жалких размеров программу эстетического воспитания архитектора. Все это было вполне в духе торжества функционалистических концепций в нашей архитектуре, последствия которых мы без труда обнаруживаем по сей день.

Инженерно-техническая подготовка способствовала утверждению формирования архитектуры на основе ее внутренних функций. Пространственное же мышление, основанное на овладении элементарными способами формирования композиций под воздействием и окружающей среды, а не только функций, было многими

«забыто». Уместно здесь вспомнить знаменитые традиции художественного образования архитекторов, выработанные в творческих школах наших выдающихся мастеров. Дело не только в предании забвению методов отражения в композиции факторов окружающей среды. Главное здесь в том, что низложение приоритета художественных дисциплин снизило общую эстетическую культуру специалиста-архитектора, вступавшего в творческую жизнь. Между тем, известно, что оттачивание художественного чувства происходит через серьезные занятия рисованием, живописью и, конечно, учебным архитектурным проектированием. Другого пути нет.

Мотивы, по которым в свое время архитектуру покинуло судостроение, столь ярко приведенные А. Буровым в книге «Об архитектуре», сегодня в большей мере могут быть отнесены и к индустриальному домостроению.

Потеря индивидуальности, серийное тиражирование создают объективную основу отнесения этой области не к искусству, а к промышленности. Если признать этот факт, то на индустриальное домостроение должны распространиться и свойства, отличающие промышленное изделие: техническое совершенство, безукоризненность исполнения, дизайн модели и т. д. Почему, например, окна жилого дома должны уступать в качестве окнам автомашин? Думаем, что такое несоответствие объясняется нахождением сегодня нашего заводского домостроения, по сравнению с автомобилестроением, на гораздо более низкой ступени развития, объясняемой молодостью области. Можно быть уверенным, что оконный стеклопакет в алюминиевом переплете и с механическим открыванием со временем в жилом доме станет проще и дешевле сегодняшних громоздких деревянных рам. Подобных несоответствий довольно много.

Видимо, настало время нормирования тиражируемых типов домов. А это будет означать внедрение постоянного новаторского поиска путей совершенствования и обновления жилья.

* * *

Как отмечалось, еще в 60-е годы градостроительство Советской Армении усиленно ориентируется на формирование средних и малых городов, обусловленное планами развития всего народного хозяйства республики и особенно размещением новых промышленных предприятий. Активизируются работы по благоустройству и жилищному строительству в уже сложившихся промышленных центрах — Ленинакане, Кировакане, Алаверди, а также в городах Эчмиадзине, Октемберяне, Дилижане.

За последнее десятилетие разрабатываются схемы районной планировки социально-экономических районов республики, проекты районной планировки около 30 районов. В настоящее время все города республики обеспечены генеральными планами, но расчетные сроки некоторых из них уже истекли, хотя и не достигнуты некоторые их основные показатели. Разрабатываются на расчетный 2010 г.

генеральные планы городов: Ереван, Ленинакан, Кировакан, Севан, Артик, Арташат, Дилижан; районных центров Апаран, Баграмян и др. К сожалению, анализ состояния городов республики показывает, что в подавляющем большинстве случаев рост населения, жилищно-гражданское и коммунальное строительство, озеленение и благоустройство не развиваются в них гармонично. Некоторое исключение в вопросах жилищного строительства и благоустройства составляют лишь города Раздан, Абовян, Кафан и Чаренцаван.

Период 1970—1980-х годов характерен завершением проектов детальной застройки основных курортов и зон отдыха республики. Общеизвестные курорты Джермук, Арзни, Дилижан, Анкаван, Степанаван обрели современные генеральные планы, проекты детальной планировки районов первоочередного строительства и проекты застройки отдельных курортных образований, служащих основой для их планомерного развития. Головным институтом Армгоспроект составлена схема распределения территорий национального парка «Севан», ТЭО размещения пионерских лагерей по республике, проекты детальной планировки и застройки отдельных курортных образований в Джермуке, Арзни, Анкаване, Арзакане, Дилижане. Удачными объектами здесь следует признать здание профилактория Ереванского шинного завода в Арзни, туристическую базу в Степанаване, противотуберкулезный санаторий в Дилижане, пионерский лагерь в Агбюраке, пансионат в Дилижане, пансионат ЕрНИИММ в Цахкадзоре и др.

Особенно следует отметить

архитектуру последнего. В пансионате ЕрНИИММ [1] сдержанное, но выразительное решение объемов, террасообразно взбирающихся по рельефу, культура детали, организация и трактовка интерьеров сочетаются с достаточно высоким качеством строительства. Некоторая неуместная монументализация образа, особенно в интерьерах, не снижает общую архитектурную выразительность здания. Каскадное построение композиции давно известно, но, когда прием этот вошел в контакт с окружающей природой, он прозвучал свежо и оригинально.

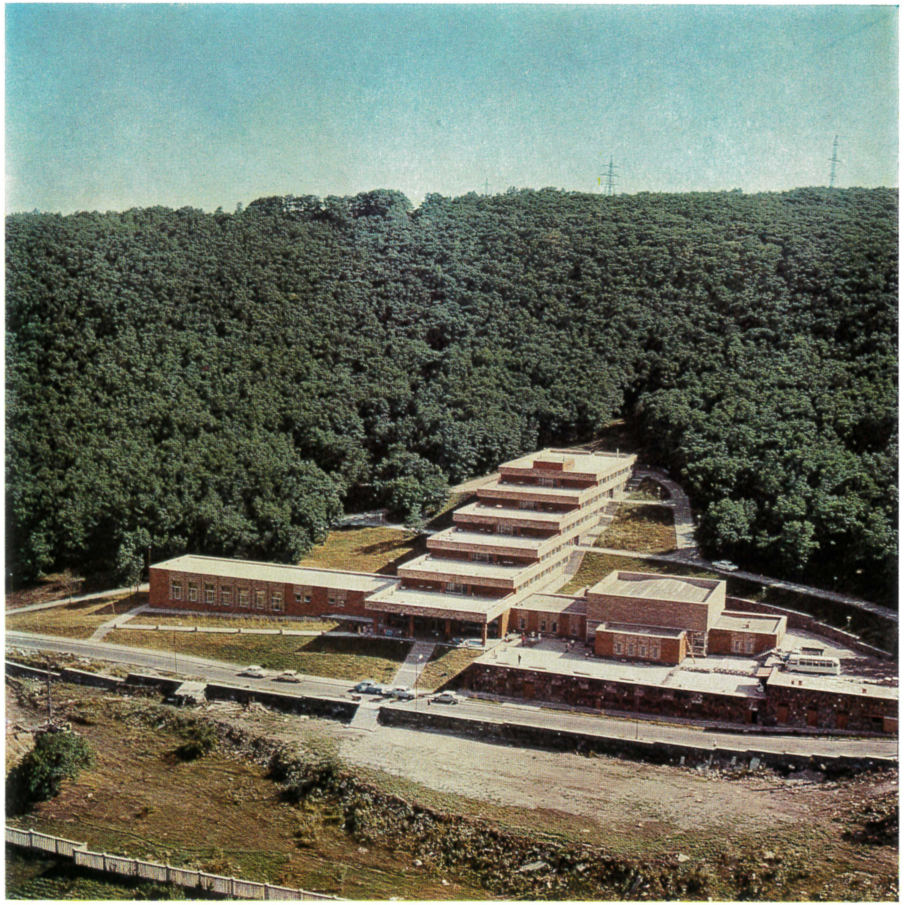
Строительство многих объектов в условиях республики осуществляется долгие годы. Некоторые при этом теряют оригинальность замысла. Эти здания часто страдают схематизмом, увлеченностью жесткими линейными системами, чуждыми местному ландшафту, огромными остекленными плоскостями проемов и немасштабностью композиционных приемов. Но даже при удачном в целом решении не все авторы проявляют должное упорство в стремлении к высокому качеству исполнения замыслов.

Растянутое на десятилетия строительство, как показала практика, рождает пагубное желание у застройщиков возводить мелкие, порой неузаконенные объекты, разбросанные сегодня во всех зонах отдыха и здравницах республики. Аналогичным методом застроено почти все Арзаканское ущелье,

[1] Архитекторы А. Алексанян, Р. Сатян.

Пансионат в Цахкадзоре, 1975 г.
Архитекторы
А. Алексанян,
Р. Сатян

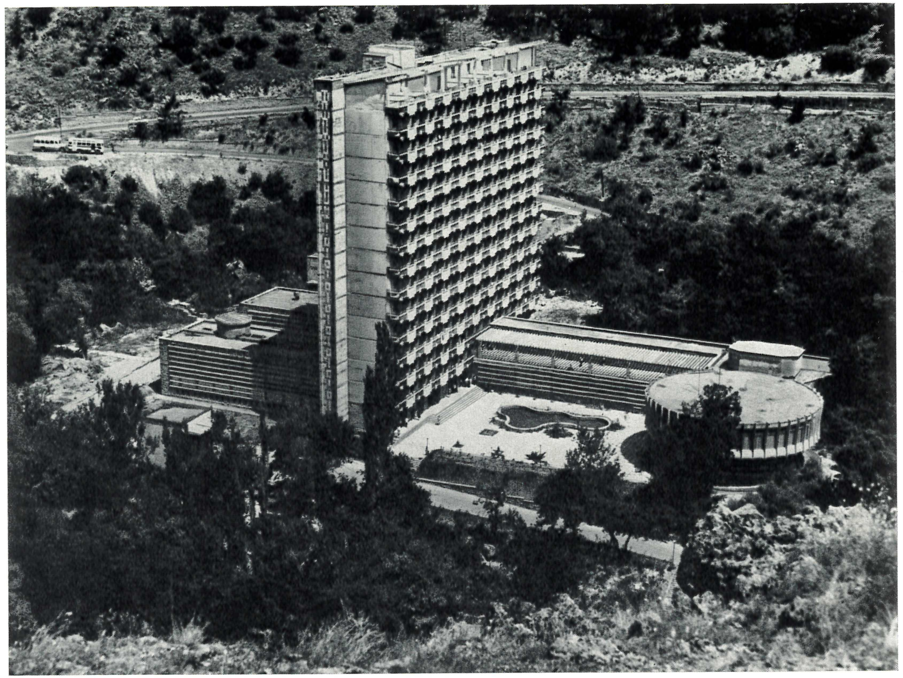
Holiday inn in Tsakhkadzor, 1975.
Architects
A. Aleksanyan,
R. Satyan

Здание санатория на 400 мест в Арзни. Общий вид. 1970—1980 гг. Архит. М. Микаелян, конструктор К. Казарян

Sanatorium building for 400 places in Arzni. General view. 1970—1980. Arch. M. Mikaelyan, Designer K. Kazaryan

262

отдельные участки побережья озера Севан и многие другие уникальные по ландшафту места республики. Хаос этот наносит ущерб и природному окружению, порою до невосполнимых потерь. Положение часто усугубляется отсутствием требуемых санитарных условий, инженерного оборудования, учреждений культурно-бытового обслуживания.

Курорт Джермук, например, наглядно иллюстрирует сказанное. Ведущая градостроительная идея в его застройке сегодня не прослеживается, несмотря на имеющийся генеральный план. Одна за другой поднимаются громады безликих корпусов. На низком уровне находится качество строительства, отсутствует должная культура ведения благоустроительных

Гостиница на побережье озера Севан. Общий вид. 1970-е годы Архитекторы С. Гурзадян, М. Мурза

Hotel on Sevan lakeside. General view, 1970s. Architects S. Gurzadyan, M. Murza

263

работ, в жалком состоянии озеленение. Во всем городе нет ни единого ухоженного уголка. Конечно, здесь уже бессильно любое уникальное природное окружение.

Решение вопроса формирования новой среды урбанизированных пространств непосредственно связано с повышением эффективности проектных решений и архитектурно-художественной выразительности объектов промышленности. Характерный для 70-х годов поиск путей преодоления однообразия и стереотипа в архитектуре распространился и на промышленную архитектуру. Каждому уже давно стало ясно, что унификация и типизация — это лишь средства индустриализации, а не конечные цели промышленного строительства.

Повышение внимания к этой области возрастает с учетом огромной градостроительной роли промышленных объектов, так как многие из них расположены в ответственных местах городской среды и активно формируют ее.

Проектированием промышленных объектов в республике занимается ряд проектных институтов, в том числе Армпромпроект, АрмНИИпроцветмет, Армгидропроект, Армгипротранс и другие институты и специальные конструкторские бюро [1].

В последнее десятилетие в институте Армпромпроект разработано более двадцати схем генеральных планов промышленных узлов, которыми охвачено около 300 промышленных объектов, составлены схемы упорядочения существующей промышленной застройки промышленных районов. Трудно переоценить роль этих работ в условиях ограниченных земельных ресурсов республики.

Значимость промышленной архитектуры для Армении видна в бесстрастном перечне основных объектов прошлой пятилетки. Это — Армянская атомная электростанция, Разданмаш, Октемберянский завод стеклотары, Ленинаканский завод магнитопроводов, расширение Каджаранского комбината, ереванские заводы электродвигателей и автопогрузчиков. Перечень этот можно было бы продолжить, включив в него как завершенные, так и начатые строительством объекты. Проектируются и строятся многочисленные комплексы научно-исследовательских институтов, отдельные корпуса предприятий, профилактории, непосредственно связанные с развитием промышленности.

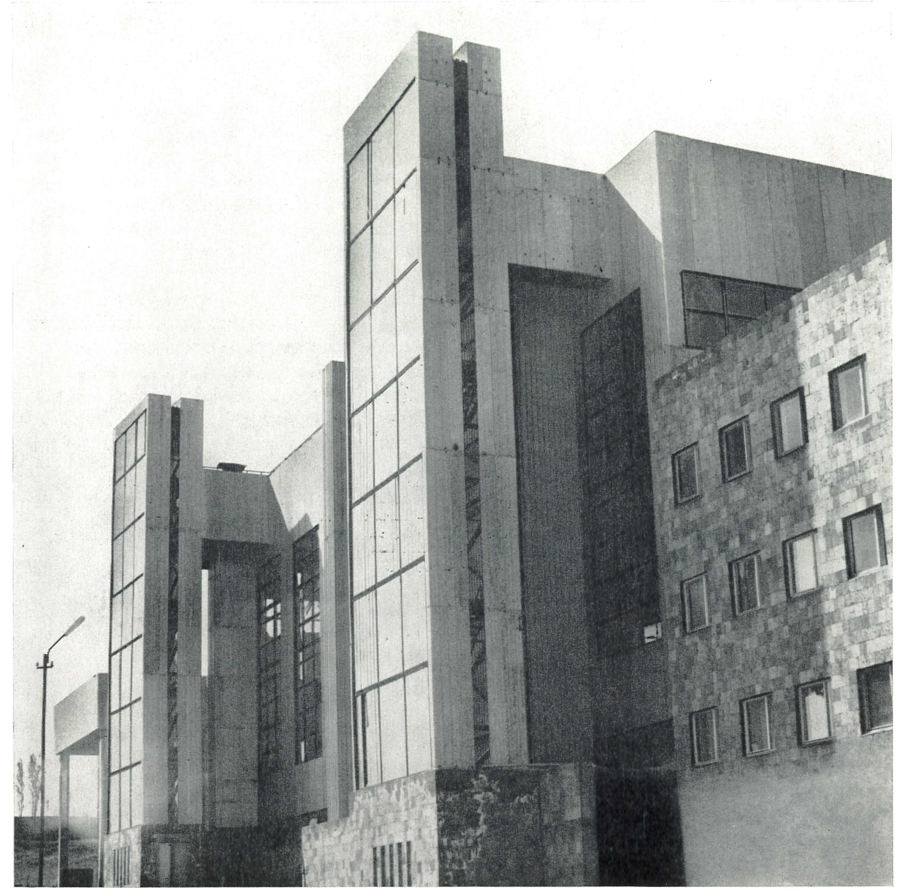
Творческим подходом к решению комплекса задач здесь выделяются автозавод ЕрАЗ, корпуса газетно-журнального производства, редакции и издательства ЦК КП Армении, здание типографии цветной печати в Ереване, Ленинаканская чулочная фабрика и Завод по капитальному ремонту дизельных автомобилей в Масисском районе.

Корпуса газетно-журнального производства, редакций и издательства

[1] В этой важной области архитектурно-строительной деятельности республики трудится более 100 архитекторов. Среди них многое сделали архитекторы О. Дохикян, С. Манукян, Т. Марутян, А. Погосян, Г. Тораманян, З. и В. Тоникяны, К. Ананян, Л. Акопян, Б. Арутюнян, Л. Мелконян, С. Мурадян, В. Саакян, Л. Оганесян и др.

Ереван. Фрагмент промышленной застройки, 1982 г. Архит. Л. Акопян, конструктор Д. Петевотян

Yerevan. Fragment of plant building, 1982. Arch. L. Akopyan, Designer D. Detevotyan

ЦК КП Армении характерны проявленным желанием связаться с существующей застройкой узла пересечения улиц Кармир Банаки, Ханджяна и проспекта Орджоникидзе [1].

Вместе с тем трудно не заметить здесь смешение устаревших и современных строительных конструкций — от стены «мидис» до стального каркаса здания.

Промышленная архитектура республики достигла определенных успехов, но не мало здесь и серьезных недостатков. Касаются они рациональности решения промышленных зон и генеральных планов территорий промышленных объектов, формирования среды промышленными зданиями и сооружениями, использования передовых методов строительства и достижений технических наук, а также сугубо художественных проблем. В Армении недостатки эти носят ярко выраженный характер, так как для республики проектируют объекты десятки отраслевых проектных организаций, расположенных в самых различных городах страны.

В этих организациях, пробующих свои силы на небольшой территории республики, разрабатываются как технологическая, так и архитектурно-строительная части проектов. Конечно, технологические части специализированных производств могут разрабатываться только в центральных специализированных проектных организациях. Но ведь архитектурно-строительную и инженерные части можно и должно проектировать в республике. Иначе трудно добиться архитектурно-

[1] Архитекторы О. Дохикян, Л. Оганесян.

планировочного, объемно-пространственного и стилевого единства и координации всех работ даже на одной стройплощадке, часто разделенной между несколькими проектными институтами, защищающими интересы не города в целом, а только своих ведомств. Особый ущерб при этом выпадает на долю архитектуры и рационального землепользования.

Современное состояние промышленной архитектуры республики можно охарактеризовать как недооценку ее социального значения и художественной роли в деле создания необходимых условий, стимулирующих производственную деятельность людей и влияющих на идеологическое и эстетическое воспитание трудящихся. В творческом же плане архитектура многих промышленных зданий еще очень далека по своему уровню от ставших классическими решений ЕрГЭС-1, комплекса винного завода треста «Арарат», зданий коньячного завода, Ереванского хладокомбината и других достижений прошлых лет.

В последние годы архитекторы республики, работающие над проблемами преобразования села, добились заметных успехов. Осуществление намеченной партией программы дальнейшего подъема сельского хозяйства находится в прямой связи с организацией капитального строительства. Забота о развитии строительства на селе сегодня стала важнейшей составной частью аграрной политики партии.

Достижения в области сельского

Здание издательства ЦК КП Армении в Ереване, 1981 г. Архитекторы О. Дохикян, Л. Оганесян

Publishing house of Armenian Communist Party Central Committee in Yerevan, 1981. Architects O. Dokhikyan, L. Oganesyan

строительства в определенной мере обусловлены организационными мероприятиями, непосредственно сказавшимися на практике проектирования. Если в недалеком прошлом только считанные села республики имели генеральный план, то сейчас ими обеспечены более 70% совхозных поселков. Хуже обстоит дело с колхозными поселками. Несмотря на значительную работу, проектами планировки и застройки обеспечены менее половины сел республики, что не может не сказаться отрицательно на качестве их застройки, носящей подчас хаотический характер или осуществляющейся привязками штучных объектов.

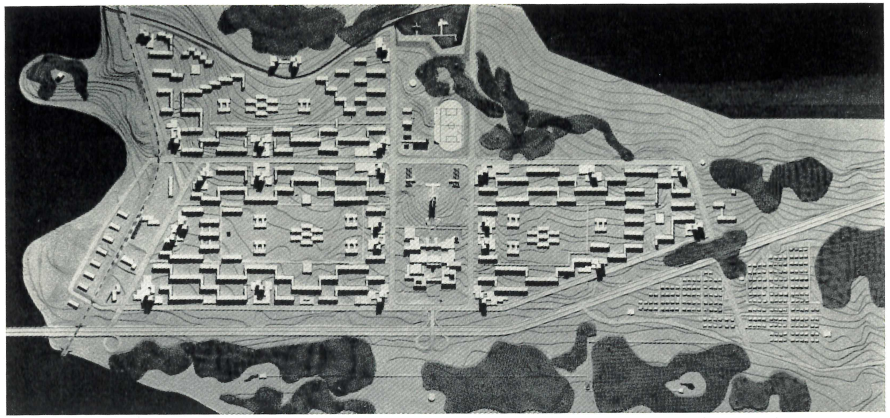
В 1983 г. началось строительство нового экспериментально-показательного поселка совхоза им. Паруйра Севака в Араратском районе. Завершены проектные работы поселка рабочих

Генплан
сельского поселка
Мецамор, 1970-е годы.
Архитекторы
М. Микаелян,
К. Тиратурян,
Г. Овсепян

Master plan of
Metsamor,
1970s. Architects
M. Mikaelyan,
K. Tiraturyan,
G. Ovsepyan

Проект реконструкции
и благоустройства
площади им. Героев
Майского восстания
в Ленинакане. Конец
70-х годов. Архитекторы
Ж. Шехлян,
А. Мкртчян,
Г. Тигранян

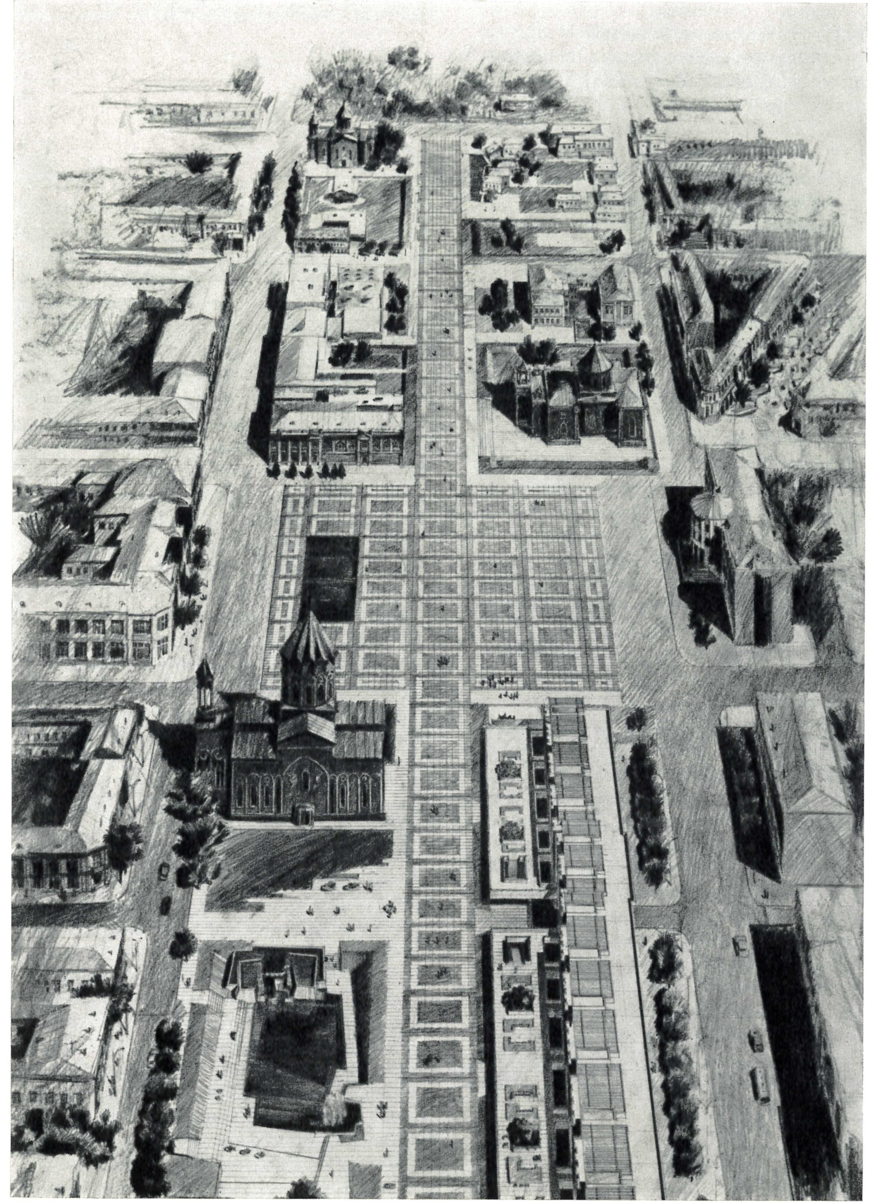
Design of
reconstruction and
beautification of the
square named after
Heroes of the May
Upprisal in Leninakan.
Late 1970s. Architects
Zn. Shekhlyan,
A. Mkrtchyan,
G. Tigranyan

Эчмиадзинской птицефабрики. Застройка поселка совхоза им. Паруйра Севака ведется по генеральному плану, разработанному институтом Армгипсельхоз. Улицы поселка формируются одно-двухквартирными каменными жилыми домами по индивидуальным проектам. Специально для поселка АрмНИИСА разработаны экспериментальные проекты жилых домов усадебного типа из монолитного туфобетона. В комплексе с ними строятся необходимые хозяйственные постройки. Возводятся детские сады, школа, общественно-культурный и торговый центр. Намечается также возведение мемориала, посвященного выдающемуся поэту Паруйру Севаку.

Переход к качественно новому этапу в сельском строительстве связан с созданием повсеместно на селе современной производственной базы. Для республики повышенную важность приобрели вопросы оптимального выбора территорий для развития перспективных сельских населенных мест, создания генеральных планов колхозных и совхозных поселков, разработки широкой гаммы проектов для села, учитывающих как специфику сельского производства и быта, так и культурные, художественные и строительные традиции армянского народа.

Неблагополучно обстоят дела в Армении с сельским жилым домом (если не учитывать индивидуальное строительство), в связи с чем требуется разработка новых проектов сельских жилых домов для различных природно-климатических районов республики и категорий застройки. Сочетанием этого

пути со своеобразием градостроительных решений можно будет избежать нивелирования внешнего облика армянских сел, способствуя тем самым и решению важной социальной задачи по закреплению на местах сельского населения.

Слабым звеном продолжает оставаться строительство сельскохозяйственных производственных объектов и комплексов. В планировке их территорий широко применяется павильонный принцип размещения объектов, из-за чего растрачиваются значительные площади земель. Резко сокращаются в связи с этим и возможности благоустройства и озеленения территорий. Низок архитектурный и строительный уровень возводимых производственных зданий, не выдерживающих в большинстве случаев серьезной критики, особенно в части решения интерьеров. А ведь положительный пример комплекса по производству молока на 800 коров в селе Овташат Масисского района говорит о возросших возможностях проектировщиков и строителей на селе.

* * *

Возвращаясь к градостроительным проблемам, хочется остановиться вкратце на двух вопросах, непосредственно связанных со средовым подходом к решению стоящих перед архитектурой задач.

Касается это творческого использования в градостроительстве исторического наследия — «памяти города» и работы в природной среде.

На современном этапе строительства Еревана в связи со значительным расширением его границ и активизацией работ по реконструкции центрального планировочного района особую важность приобрела проблема сочетания перспектив его развития с комплексом задач по охране и реставрации памятников архитектуры. Она актуальна для Еревана еще и потому, что отсутствие в прошлые годы строгой регламентации охраны памятников архитектуры, расположенных на территории города, привело в процессе строительства нового Еревана к их значительным изменениям, а в отдельных случаях — и к разрушению.

Практика реконструкции исторических частей многих советских и зарубежных городов приводит нас к выводу, что в интересах таких городов, как Ереван, Аштарак, Ленинакан, Эчмиадзин необходимо сохранить наряду с уникальными и в нужной мере рядовые здания и сооружения, не представляющие самостоятельной историко-архитектурной ценности, но являющиеся органической частью сложившихся ансамблей и создающие необходимую историческую и этнографическую атмосферу. К таким территориям Еревана относится Конд, часть поселения Аван, примыкающая к группе исторических памятников, отдельные участки старого Норка, застроенные характерными образцами архитектуры народного жилья.

Конд — старый жилой район Еревана, застроенный одно-двухэтажными, в основном ветхими жилыми домами, характерными для народной архитектуры и уклада быта XIX — начала XX вв. Расположен он на двух холмах в центральном

районе города, напротив Цицернакаберда. В северной части Конда находится церковь св. Ованеса Мкртыча (Иоанна Крестителя), датируемая 1710 г.

Наличие в прошлом канала «Мамури ару» (I тыс. до н. э.), который, по свидетельству Мхитара Айриванци, был восстановлен в II в., дает основание предполагать, что Конд — место древнейшего поселения. Об этом свидетельствует и прослеживающаяся система расположения древнейших поселений на территории Еревана (Тейшебаини-Шенгавит — Муханат Тапа — Эребуни, в северном же от Шенгавита направлении — Конд и Цицернакаберд).

Почти все здания, построенные в наши дни в районе Конда, стоят безразлично по отношению к холмам, не выявляя и не подчеркивая их характерный ландшафт. Нет также единства между ними. Старая застройка Конда получена городом в наследство от прошлых времен. Сохранение и обновление здесь градостроительной среды не вызывает сомнения.

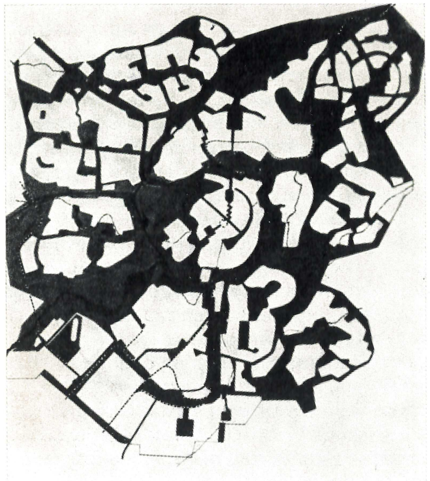
Какой должна быть эта среда, какова будет ее функция в новом городском организме? Здесь целый узел вопросов, связанных с сохранением уникальных ландшафтов города и территорий, имеющих археологическую ценность вместе с задачами разуплотнения центра Еревана и, наконец, интересами реставрации и воссоздания образцов архитектуры народного жилья. Крайне важно для Еревана и сохранение для последующих поколений хотя бы одного квартала с соответствующей прошлым столетиям исторической атмосферой и градостроительными принципами. В городе, на наш взгляд, нет другого более подходящего для этих целей места.

Застраивая Ереван и разворачивая работы по реконструкции его центральной части, нельзя не уделять особого внимания необходимости выявления исторической этапности застройки города, обеспечению возможностей его ретроспективного восприятия. В этом аспекте умелое сочетание исторически сложившихся элементов города с современной застройкой обогащает пространственную и художественную выразительность города. Жители подобных Еревану городов любят традиции, прошлое своего города, проявляют заинтересованность в сохранении его исторического наследия, так как романтика и интимный характер старых районов выгодно отличают их от огромных, зачастую холодных и безликих новых жилых районов.

Проведенный в 1985 г. конкурс подтвердил идею: не отводить Конд полностью под новое жилищное строительство, а частично застроить лишь участки, примыкающие к городским магистралям, и тем самым сбалансировать уже сложившуюся довольно безликую современную застройку. На остальной территории Конда предполагается провести работы по благоустройству и выборочному сохранению отдельных зданий и всей градостроительной среды для преобразования ее в этнографический квартал и создания центра развития народных промыслов и прикладных искусств.

Схема перспективного плана озеленения Еревана, 1973 г. Архитекторы А. Григорян, С. Назарян, Б. Арутюнян, дендролог С. Агабабян

Scheme of long-term greenery planting plan of Yerevan, 1973. Architects A. Grigoryan, S. Nazaryan, B. Arutyunyan, Dendrologist S. Agababyan

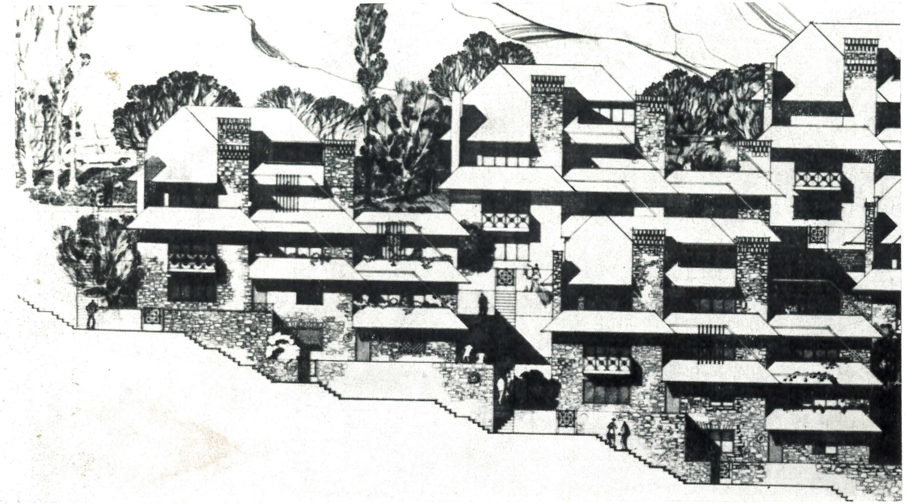
В последние годы проведена большая работа по выявлению и паспортизации ценных в историческом и архитектурном отношении зданий, построенных в конце XIX — начале XX вв., преимущественно в подлежащей реконструкции зоне центра города. Вопрос их сохранения чрезвычайно сложный и противоречивый. Дома эти, как правило, одно-двухэтажные, вкраплены в старую, ветхую или малоценную застройку. Их ценность во многом определяется гармоничностью всей подлежащей реконструкции среды, поэтому возникли предложения об их «переносе» в другое «родственное» им окружение. С другой стороны, при их сохранении на месте они вступают в масштабное несоответствие с обновляемой застройкой и превращаются в малые формы. Были даже предложения об их обходе застройкой не только по глубине, но и по высоте путем применения уникальных конструктивных решений, как это сделано в проекте детского кинотеатра по Главному проспекту.

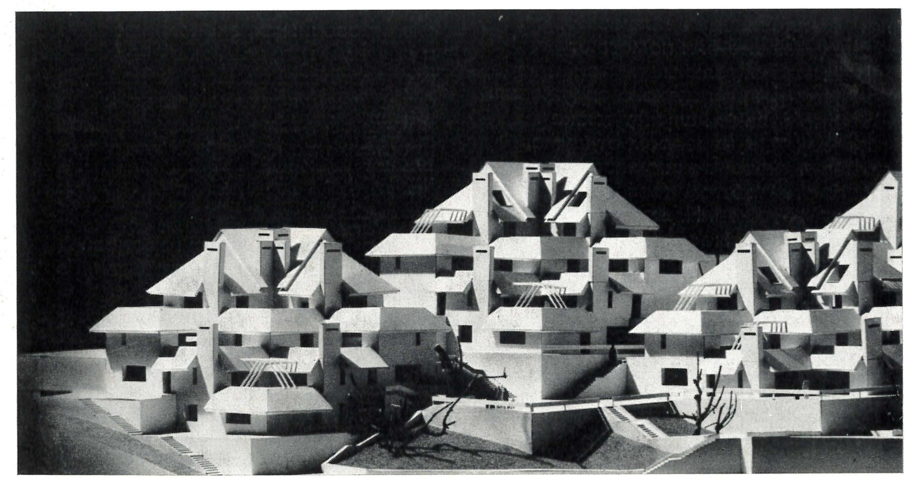
Представляется, что в этой проблеме, как нигде, не может быть однозначных рекомендаций. Предлагаемые меры, в конечном счете, говорят о ценности памятника, однако, мы думаем, что перенос архитектурного памятника — мера совершенно неприемлемая.

В суровых природно-климатических условиях Еревана, да и большинства других городов Армении, особую значимость приобретают зеленые насаждения, которые глубоко проникают в застройку, составляя неотъемлемую часть ее организма. Им принадлежит ответственная роль в формировании городского ландшафта, только с их помощью можно решить в комплексе структурно-функциональные, санитарно-гигиенические и эстетические вопросы организации городской среды. Неравномерность распределения зеленых насаждений в пределах современного Еревана и отсутствие во многих случаях планировочных и композиционных связей между парками, садами, скверами, бульварами и более

Проект застройки квартала № 5 в Горисе. Макет, 1979 г. Архитекторы Г. Погосян, А. Мкртчян, Г. Согоян

Design of No. 5 quarter development in Goris. Mock-up, 1979. Architects G. Pogosyan, A. Mkrtchyan, G. Sogoyan

крупными зелеными массивами сказывается отрицательно и на микроклимате, и на воздушном бассейне города. В особо неблагоприятных условиях в этом смысле находится южный промышленный район города.

При озеленении Еревана следует уделять большое внимание укрупнению массивов зеленых насаждений и их активному сочетанию с водными поверхностями. Жизненной потребностью города является также создание пригородного зеленого пояса. Кроме своих оздоровительных функций он становится своеобразным кордоном, закрепляющим в натуре пределы перспективного развития города, тем самым препятствуя его механическому расползанию.

Развитие застройки Еревана требует осторожного отношения к свободным, открытым пространствам города, несущим сегодня разнообразные функции. Значение этих пространств с доминирующим в них природным ландшафтом в условиях уплотняющейся городской среды велико. Они, как и «природные каналы», каньоны, ущелья и другие наполняют город воздухом и светом, принося прохладу в летнее время. Одновременно они помогают раскрытию отдельных частей города на элементы природного окружения. Пространства эти служат также естественным барьером от шума, препятствуют слиянию застройки и являются местом повседневного отдыха горожан. Наконец, это территориальные резервы для перспективного развития функций отдельных зон, особенно прилегающих к центру районов.

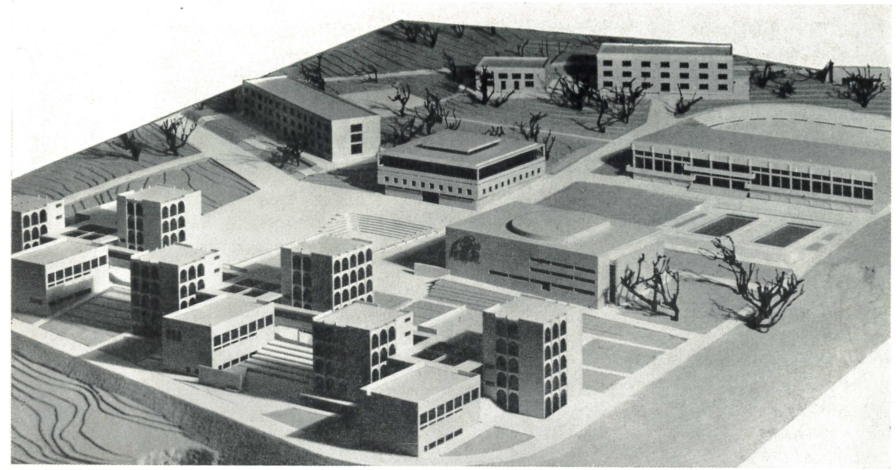
В этом смысле целесообразно сохранение Далминских садов, территории Ераблура, озелененных склонов вокруг центра города, старого Норка, ущелья реки Гедар, уникальных по красоте ландшафтных урочищ, примыкающих к группе памятников Авана, резервирование полосы вдоль бровок каньона реки Раздан.

Населенное место необходимо строить с обязательным учетом и всесторонним использованием его естественной среды. Но многочисленные примеры неудачного расположения зданий в Ереване и других городах и селах республики говорят о том, что вопросы масштабности, пропорций, силуэта застройки нельзя решать независимо от ландшафта территории. Более того, особенности природных условий должны быть выявлены в каждом отдельном случае и положены в основу проекта в сочетании с конкретными архитектурно-планировочными, экономическими и другими требованиями. Важно создавать активные впечатления, связанные с природой, так как в течение суток урбанизированное пространство и без того давит на людей дискомфортностью и неэстетичностью многих своих форм и проявлений.

Территории многих городов республики (Ереван, Кировакан, Горис, Кафан, Аштарак) отличаются исключительной мозаикой природно-ландшафтной обстановки. Картографирование этих природных образований может и должно служить основой для градостроительных целей. На основании динамики количественных показателей

Филиал Армпединститута в Горисе. Макет, 1970 г. Архитекторы С. Гурзадян, К. Матинян, Р. Саруханян

Armenian Pedagogical Institute Branch in Goris. Mock-up, 1970. Architects S. Gurzadyan, K. Matinyan, R. Sarukhanyan

ландшафтных компонентов оно дает возможность прогнозировать состояние окружающей среды при различных способах функционального использования территорий в градостроительстве и определять наиболее оптимальные варианты, усиливающие положительные качества природы и ослабляющие ее неблагоприятные для жителей проявления.

Еще в 1937 г. выдающийся советский зодчий И. В. Жолтовский писал: «. . .Любовь к природе является для меня признаком того, что у человека есть, пусть не развитое, но эстетическое чувство, чувство красоты, зачатки художественного вкуса, без которого не будет архитектора» [44].

Нельзя забывать о том, что для общества наибольшую ценность представляет не архитектура отдельного здания, пусть даже выдающегося, а совокупность компонентов, формирующих наилучшие условия жизни членов общества.

Рассказав об успехах современного периода развития градостроительства Советской Армении, следовало бы остановиться в общих чертах и на нерешенных проблемах, часть которых нами уже была затронута выше. Градостроительные разработки, ведущиеся в республике до 70-х годов, далеко не всегда обеспечивались необходимым исходным материалом

и не подкреплялись соответствующими теоретическими и методологическими основами для прогнозирования.
К началу 80-х годов картина заметно изменилась. Жизнь успела откорректировать многие положения, заложенные в основу последних проектов планировок городских территорий, связанных с развитием градообразующих факторов, оценкой территориальных ресурсов, ростом численности населения, задачами охраны окружающей среды и другими социально-экономическими, демографическими, экологическими и этническими вопросами. Некоторые градостроительные работы не располагают сегодня достаточным информативным материалом и анализом перспективной обеспеченности основными ресурсами и ожидаемого роста уровня социально-культурных потребностей населения, включая выявление степени их возможного удовлетворения в будущем.

Для определения путей творческого решения проблемы массового жилья, являющегося основным компонентом застройки городов и сел, требуется критическая оценка опыта жилищного строительства, ведущегося в Армянской ССР.

Архитектурно-художественный образ новых жилых образований, за небольшим исключением, стереотипен. Стереотипны решения и целых градостроительных систем и урбанизированных пространств, что особенно недопустимо в условиях своеобразной и характерной природной среды районов Армении. Четкая на чертежах проектных разработок пространственная структура новых жилых районов в натуре зачастую воспринимается как нагромождение объемов зданий, лишенное объемно-планировочной композиции. Там, где прослеживается эта взаимосвязь, результат оказывается много интереснее, а облик нового жилого образования — запоминающимся.

Значительно снижен эстетический уровень сложившейся застройки в итоге известных неудач в строительстве жилых образований в Ереване, Аштараке, Эчмиадзине, Иджеване, Ленинакане, отличавшихся до этого своим ярко выраженным архитектурным образом, связанным с самобытностью исторического развития и с богатством естественной среды территорий, на которых они расположены. Такое положение — следствие автономного развития типового проектирования, между тем оно должно основываться на результатах экспериментального проектирования и строительства. Только после экспериментальной проверки может быть дана путевка в жизнь той или иной типовой серии для массового строительства. При этом авторы типового проекта должны участвовать на всех последующих этапах проектирования вплоть до массового внедрения их типовых проектов в жизнь.

Многие недостатки современной армянской архитектуры объясняются слабостью градостроительного подхода к решению всего комплекса архитектурных, инженерных, технологических и других вопросов, которые выдвигает жизнь. В отсутствии перспективной оценки решений

Дом политпросвещения в Ереване, 1979 г. Архитекторы М. Григорян, Г. Аракелян, конструктор М. Ростомян

House of Political Education in Yerevan, 1979. Architects M. Grigoryan, G. Arakelyan, Designer M. Rostomyan

сегодняшних задач планировки и застройки городов и сельских населенных мест кроются многие недостатки современного этапа развития градостроительства. Градостроительные разработки (проекты районной планировки, генеральные планы городов и населенных мест и др.) не согласовываются всесторонне с долгосрочными прогнозами социального и культурного развития района, города или региона. В Ереване продолжительное время застройка центрального планировочного района из-за отсутствия соответствующих разработок велась не на основании определенных единых градостроительных установок, а исходя из локальных решений, ограниченных кварталом, улицей, отдельным домом или просто волевыми решениями. В результате наметилось разрушение сложившегося до середины 50-х годов архитектурно-художественного образа ядра Еревана.

Роль уникальных зданий трудно переоценить. Они несут важную градостроительную и художественно-образную нагрузку в организме города. Не редки примеры, когда образ целого города олицетворяется одним лишь зданием или комплексом. Так было во все времена: Кремль в Москве, Адмиралтейство и Петропавловский собор в Ленинграде, Дворец дожей в Венеции, Ратуша в Стокгольме и поныне служат символами этих городов.

Удачным выбором места и мастерской разработкой композиции этих зданий целый город может засверкать новыми, неведомыми гранями и, наоборот, неудача может привести к потускнению прежних архитектурно-художественных достоинств в больших пространствах — сферах влияния этих зданий.

Как явствует опыт, чем больше творческой свободы при проектировании уникальных общественных зданий и чем меньше они подвержены прямому навязыванию изделий массового строительства, тем выше их образно-художественный потенциал. В последний период в республике построен ряд уникальных крупных общественных зданий, многие из которых получили признание за ее пределами. В них ярче, чем в строительстве жилья, выразились концептуальные основы творческих направлений архитектуры, обусловленные свободой самовыражения.

Рассматривая примеры строительства жилья, в прошлых главах мы говорили об их недостатках в плане учета особенностей среды. Этот аспект в архитектуре уникальных зданий имеет более широкое значение и толкуется на качественно более высоком уровне. Значение его иерархично. Оно лежит между умелой привязкой здания к конкретному месту и его способностью выразить передовые общественные идеи. Между этими точками средового толкования архитектуры важнейшую роль играет объективное определение градостроительного значения объекта.

Ограниченность видов и форм общественных зданий в исторически сложившихся ныне крупнейших городах Закавказья была характерна. Ереван не составляет исключения. Только немногие из этих зданий

подчинены правилам градостроительного регулирования. Бóльшая же их часть размещена стихийно, по законам частной собственности.

Преобладающими видами обслуживания были сферы торговли и ремесел. По форме эти учреждения большей частью совмещались в одном здании с жильем владельца или в виде доходных домов. Из этого объемного материала формировались две основные пространственные формы организации центров городов — главные улицы и торговые площади. Эти формы исторически соответствовали уровню социального развития общества и, в частности, уровню развития сферы обслуживания.

Новые социальные условия, созданные после революции, в корне изменили основы системы обслуживания. Возникли новые виды общественных зданий административных, бытовых, культурных, торговых и т. д. Это привело к развитию новых прогрессивных форм их функциональной и технологической организации.

Передовые градостроительные тенденции быстро вошли в кровь и плоть нашей практики. Однако недостатки, имеющие место в размещении общественных зданий, живучи и поныне. В чем же они проявляются?

В проектах центров городов не всегда на основе научных прогнозов определяются номенклатура и места общественных зданий. Не уделяется строительству общественных зданий должное внимание и планированию по этапам с целью формирования архитектурных ансамблей.

Ведомственное планирование строительства общественных зданий, вне комплексного планирования всего необходимого городу строительства, часто усложняемое неопределенностью их месторасположения и композиционного единства, приводит к случайному размещению объектов.

Во многом это объясняется схематизмом ПДП центров городов.

Несмотря на многочисленные примеры размещения общественных зданий в незапланированных по их назначению местах внутри ядра центра Еревана, в целом развитие его шло в рамках исторически сложившейся закономерности и соответствовало направлению развития центра и всей городской территории. Жизнь направляла этот процесс.

Своеобразными маяками в системе центра Еревана, вокруг которых по сей день продолжает формироваться его ядро, являются площади имени В. И. Ленина и Театральная несмотря на то, что по сравнению с первым генеральным планом Ереван вырос почти в семь раз.

Здесь очевидны закономерности, которые должны определять дальнейшее функциональное зонирование центра города и размещение общественных зданий и комплексов в соответствии с их содержанием. В условиях реконструируемого центра их основу составляют следующие исходные позиции:

потенциальные транспортно-пропускные возможности различных зон;

учет функционального назначения зданий и частоты их посещаемости. Уникальные учреждения, являющиеся объектами эпизодической посещаемости, по роду своего содержания могут быть отнесены к зонам ограниченной транспортной доступности;

уникальные, редко посещаемые объекты должны найти место при зонах отдыха, являя собой их активную часть. Известно, что последние в крупных городах располагаются, как правило, на ландшафтных доминантах. Поэтому их гармоничное обогащение уникальными объектами приобретает особый градостроительно-композиционный смысл.

Ни одно из перечисленных нами условий не может быть самодовлеющим. Напротив, только одновременное решение всех условий может дать желаемый результат. Более того, именно этот комплекс является критерием для оценки качества размещения общественных зданий в центре.

Примеры красноречиво подтверждают это.

Так, крупнейший в республике двухзальный кинотеатр «Россия» в Ереване оказался на территории, ограниченной магистралями общегородского значения. Стадион «Раздан» на 70 тыс. зрителей в системе общегородского центра требует значительных усилий для решения транспортных и пешеходных проблем, вызванных его размещением в зоне отдыха реки Раздан у общегородской магистрали — Эчмиадзинского шоссе.

Характерен и другой пример. Здание нового универмага оказалось у колхозного рынка в самом центре реконструируемого района Еревана с узкими улицами, закрепленными опорными многоэтажными домами. Это привело к образованию значительных транспортно-пешеходных нагрузок в большом радиусе.

Нельзя не отметить также неудачное размещение ряда значительных административных и деловых учреждений по пр. Маршала Баграмяна в Ереване. Не лишены аналогичных недостатков и другие города республики.

Подобная практика случайного размещения общественных зданий не отражает уровень развития современной градостроительной науки. В одних случаях не выдерживаются принципы их зонального размещения. В других — по функциональному признаку они не группируются в местах, удобных для обслуживания транспортом. И, наконец, они оказываются втиснутыми в реконструируемую зону центра, не обеспеченную минимальными возможностями обслуживания транспортом. Физическая и психологическая дискомфортность сводит на нет эмоциональный заряд, полученный от посещения культурно-зрелищных учреждений, чем снижается их функциональная ценность.

Здание двухзального кинотеатра «Россия»[1] со дня своего рождения было в центре внимания архитектурной общественности в силу своей масштабной значительности.

[1] Архитекторы Г. Погосян, А. Тарханян, С. Хачикян, конструкторы Г. Геворкян, И. Цатурян.

280

281

Ереван. Двухзальный кинотеатр «Россия». Общий вид, 1975 г. Архитекторы Г. Погосян, А. Тарханян, С. Хачикян, конструкторы Г. Геворкян, И. Цатурян

Yerevan. Rossiya two-hall cinema. General view, 1975. Architects G. Pogosyan, A. Tarkhanyan, S. Khachikyan. Designers G. Gevorkyan, I. Tsaturyan

Кроме того, в нем наиболее полно выявлены средства архитектурной выразительности. Наконец, оно свидетельствует о возросшем уровне мастерства зодчих республики, которое способно разрешить самые сложные комплексные вопросы современной архитектуры.

Ясность замысла внутренней композиции, выраженной игрой объемов двух залов, мастерское применение вантового перекрытия в сейсмических условиях, правдивое воплощение в формах современного содержания — вот, на наш взгляд, неоспоримые достоинства его архитектуры.
Сопряжение двух залов, острое пластическое сочетание которых определяет монументальную сущность здания — лейтмотив композиции.

Кинотеатр задуман как многофункциональный культурный центр: кинозалы здесь объединены с выставочными помещениями, танцзалом, кафе. Кинозалы приподняты над вестибюлем, фойе и служебными помещениями. Развитие композиции начинается изнутри, а красота форм основана на их соответствии тектонике основных строительных материалов. Логично решение поднять залы на верхний уровень, высвободив в затесненных условиях нижний уровень под рекреацию.

В интерьерах нашли место скульптура и витраж, а также умелое использование естественного камня, который, теряя свою традиционную конструктивную сущность, выступает как активное декоративное средство и оттеняет современную тектонику здания.

Вместе с тем, общая правдивость

282

здания, как отмечалось, неполно охватывает внешние, конкретные градостроительные вопросы.

Принятая планировочная форма здания с ее двухмерной, прямоугольной структурой трудно вписывается в треугольный участок, ограниченный магистралями, и по этой причине, вырастая в объем, вступает в противоречие с окружающей и без того довольно неудачной застройкой. Минимальная взаимосвязь между ними при отсутствии более сложной единой тематической или пропорциональной связи могла быть достигнута хотя бы единством пространственной ориентации либо же, как нам кажется, здание кинотеатра должно было решаться в более мягкой, скульптурной трактовке.

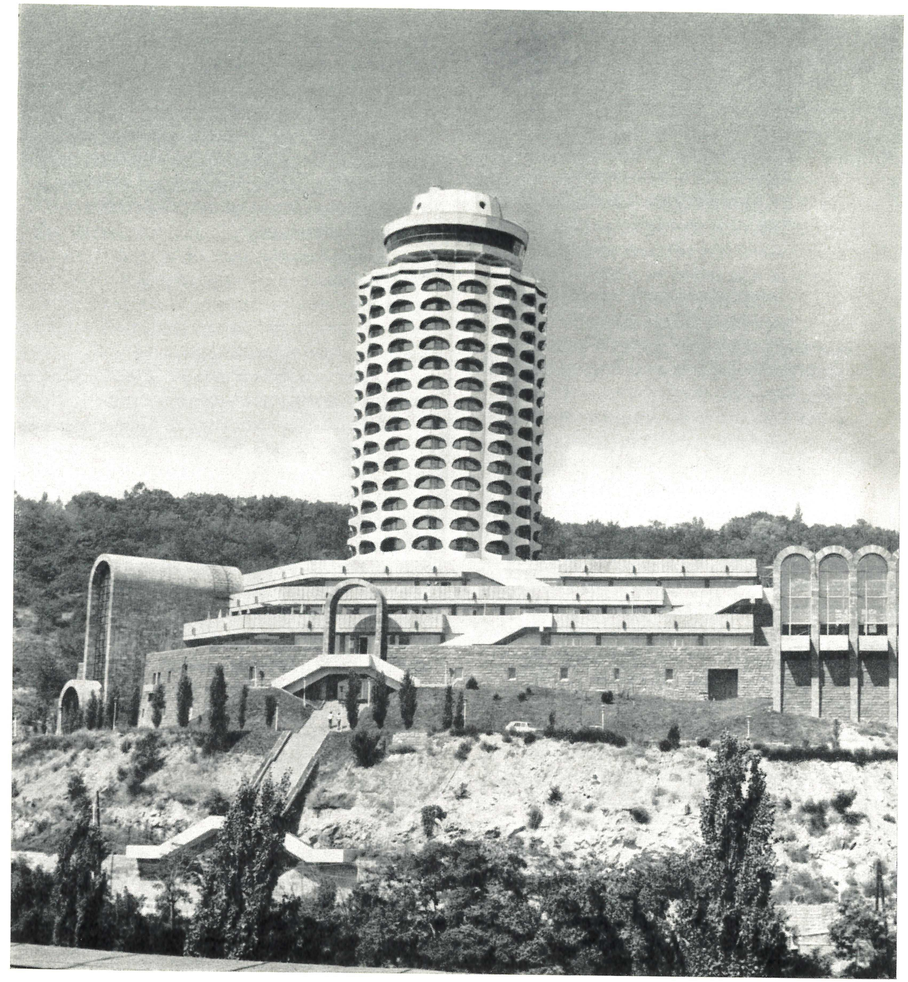
Своим объемом и сильной продольной осью, направленной против движения бульвара на юг, кинотеатр создал такую поперечную проспекту Октемберян динамику, что направление проспекта от вокзала к площади В. И. Ленина на этом участке оказалось пространственно перебитым в сторону бульвара. Это случилось еще и потому, что из-за ограниченности участка здание с гигантским «объемом-козырьком» повисло непосредственно над тротуаром проспекта.

В итоге все это создает впечатление, что образ здания начал формироваться задолго до определения места его строительства, т. е. оно с первых творческих шагов не было задумано частью конкретной градостроительной среды. Лишившись

283

Дворец молодежи в Ереване. Общий вид. 1970-е годы. Архитекторы Г. Погосян, А. Тарханян, С. Хачикян М. Закарян, конструкторы Г. Геворкян, И. Цатурян, С. Багдасарян

Youth's Palace in Yerevan. General view. 1970s. Architects G. Pogosyan, A. Tarkhanyan, S. Khachikyan, M. Zakaryan, Designers G. Gevorkyan, I. Tsaturyan, S. Bagdasaryan

этой обязательной, как мы уже говорили, особенности градостроительного искусства, оно еще задолго до того, когда было осуществлено, потеряло те потенциальные архитектурные достоинства, которыми, несомненно, могло бы обладать, учитывая его уникальность и творческие возможности авторского коллектива. С сожалением приходится отмечать, что кинотеатр «Россия» не стал формирующим архитектурный ансамбль градостроительным объектом, несмотря на отмеченные достоинства.

На этих недостатках мы считали нужным остановиться для утверждения более высоких критериев оценки абсолютных достоинств этого произведения, ибо необычность формы здания в условиях нашего города, масштабные достоинства, небезынтересные приемы применения произведений прикладного искусства заслоняют саму архитектоническую сущность здания.

Авторами кинотеатра «Россия», весьма плодотворно работающими в области строительства общественных зданий, на небольшом холме при склоне Арабкирского плато, в зоне студенческого городка сооружен комплекс Дворца молодежи [1].

Здесь в едином центре объединены универсальный зал на 1000 мест, зал бракосочетания, библиотека, выставочный зал, дискотека, гостиница, ресторан, кафе и т. д.

Над комплексом доминирует круглый высотный объем гостиницы, неориентированная обтекаемая форма которого равнозначна при обозрении со всех точек. С его последнего этажа, где расположено вращающееся кафе, открываются великолепные панорамы городского ландшафта.

Стилобатный объем комплекса, решенный террасами, арочными пропилеями и подпорными стенами из базальта различной обработки, несколько несвойственен авторам, верным основам «новой архитектуры». Прослеживается и обращение к национальным архитектурным традициям, хотя и со стремлением к их модернизации.

И здесь, к сожалению, приходится отметить средовые недостатки комплекса. Застроенный холм несколько подавлен несоразмерными с ним объемами комплекса, который к тому же планировочно оказался изолирован от композиционных артерий центра города. Вопрос этот ждет разрешения с точки зрения слияния богатого функциональными возможностями комплекса со всем организмом центра.

И все же здания кинотеатра «Россия» и Дворца молодежи в Ереване «бесспорно являются новаторскими по духу и формам, вводя новые тектонические закономерности и необычные сочетания приемов и принципов построения» [45].

В последние годы завершено строительство здания аэропорта «Звартноц» [1]. Объемное решение

[1] Архитекторы Г. Погосян, А. Тарханян, С. Хачикян, М. Закарян, конструкторы Г. Геворкян, И. Цатурян, С. Багдасарян.

[1] Архитекторы А. Тарханян, С. Хачикян, Л. Черкезян, Ж. Шехлян, конструктор С. Багдасарян.

сложного комплекса весьма эффектно и подкупает своей лаконичностью. Во внешнем подковообразном объеме размещены зал ожидания со службами отправления; в центре — службы, обслуживающие пассажиров; ниже — зал прибытия. Этот объем связан с залом ожидания радиальными остекленными переходами. Центр этого гигантского колеса занимает грибовидный столп, увенчанный залом ресторана и помещениями диспетчерской службы.

Вся композиция внушительна по масштабности, но не переходит пределы, за которыми начинается область гигантомании. Это несомненно, одно из достоинств здания. Структура конструктивного скелета здания благодаря своей четкости и некоторой доли «ершистости» исключительно напряжена. Особенность, которая еще более усиливается почти полным соответствием этой структуры объемно-пространственной организации. Здание напоминает холмы вулканического происхождения, которыми усеяна Араратская долина.

Сейчас трудно сказать, как бы задействовало здание при полном освоении всего современного сложного технологического оборудования, но в нынешнем виде не все функциональные звенья представляются столь совершенными, как были задуманы. Блок услуг для ожидающих пассажиров оторван от залов ожидания и размещен в разных с ними уровнях. Второстепенная лестница в центре грибовидного столпа, стала важным коммуникационным путем для сообщения пассажиров, хотя она не имела такого назначения. Пассажиры все время, с момента прибытия на вокзал, находятся в поиске то одной, то другой службы.

В чем причина этого? Ведь многократно и компетентно рассмотренный проект перед реализацией получил одобрение.

А дело в том, как нам кажется, что признанный лучшим конкурсный проект с линейной композицией в процессе дальнейшей разработки претерпел значительные изменения. При переходе на круглую форму под ее воздействием технологические и композиционные достоинства первого варианта неожиданно не только не сохранились, но и преобразовались в недостатки.

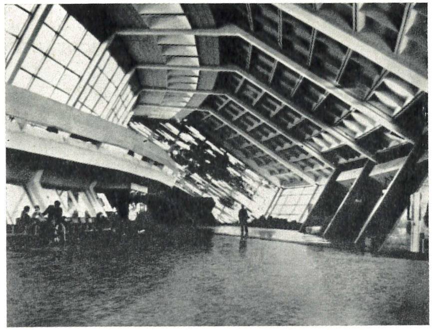
Линейная композиция плана широко раскрывала залы ожидания на летное поле и на гору Арарат. В реализованном варианте большой подковообразный зал ожидания воспринимается стереотипными изолированными фрагментами, лишенными каких-либо доминантных ориентиров на внешнюю среду. Вследствие этого человеком овладевает чувство нахождения «везде и нигде», т. е. выраженного психологического дискомфорта.

Таким образом, форма здания оказалась в определенной отчужденности от его технологической и особенно композиционной сущности. Она создает впечатление, что авторы сознательно шли на создание замкнутой, обращенной внутрь себя композиции, хотя с этим трудно согласиться.

Однако и здесь имеет место ряд непоследовательностей, порождающих противоречия.

Аэровокзал «Звартноц» в Ереване, Общий вид, 1980 г. Архитекторы А. Тарханян, С. Хачикян, Л. Черкезян, Ж. Шехлян конструктор С. Багдасарян

Zvartnots air terminal in Yerevan. General view, 1980. Architects A. Tarkhanyan, S. Khachikyan, L. Cherkezyan, Zh. Shekhlyan Designer S. Bagdasaryan

Аэровокзал «Звартноц» в Ереване. Интерьер 1980 г.

Zvartnots air terminal in Yerevan. Interior, 1980.

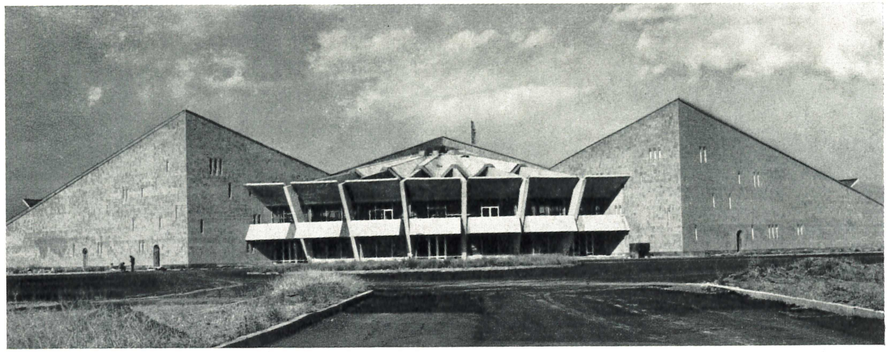
Так, например, в разрезе основной объем зала ожидания высокой частью обращен на башню. Однако перерезанность пространства в продольном направлении антресолью и глубоко выдвинутыми в зал лестницами, ведущими на нее, лишает весь зал последнего опорного ориентира для человека в пространстве — центрального двора. Это становится очевидно, когда оказываешься в плоскости антресоли. К тому же антресоль представляется технологическим излишеством, так как растянутость точек регистрации пассажиров в главном зале столь велика, что пространство между ними далеко не полностью используется ожидающими пассажирами.

Здание аэровокзала в Ленинакане. Общий вид 1982 г. Архитекторы Р. Асратян, Г. Мушегян, Л. Христафорян

Air terminal building in Leninakan. General view, 1982. Architects R. Asratyan, G. Mushegyan, L. Khristaforyan

288

Думается, что при разработке проекта реализованного варианта здания произошел отказ от первоначальных средовых концептуальных основ в пользу ортодоксального функционализма. Это привело даже где-то к потере человека как потребителя архитектуры, и не только в функциональном плане.

Умение выделить и расставить пространственные элементы по своей значимости не есть категория академическая. В его основе лежат свойства человека по ним угадывать свое место в пространстве и далее при помощи композиции определять свои действия во времени. В этом заключается глубинная сущность искусства пространственной организации — архитектурной композиции.

Проверенному жизнью предмету композиции функционализм под предлогом борьбы против академизма в последние десятилетия нанес тяжелый урон. Тем самым естественный процесс рождения архитектуры из конкретной среды и в соответствии с биологическими свойствами человека подменялся лозунгами о новаторстве.

Но разве не на этих свойствах человека и не на основе требований конкретной среды рождается новое? Не отрыв ли от этих основ породил расхожие шаблоны «новаторских» образцов, по которым стали кроить архитектуру чуть ли не всей планеты?

Конкретную среду следует трактовать шире: от участка строительства до национальных и этнических особенностей людей, их духовных устремлений и идеалов.

При этом все конкретное одновременно следует рассматривать в общем универсальном русле, т. е. в чертах классического подхода к задаче. Требование о том, что

289

Здание аэровокзала «Эребуни» в Ереване. Общий вид, 1983 г. Архитекторы Р. Асратян, Л. Христафорян, конструкторы Э. Тосунян, И. Баграмян

Erebuni air terminal buildin in Yerevan. General view, 1983. Architects R. Asratyan, L. Khristaforyan, Designers E. Tosunyan, I. Bagramyan

«прямое восприятие человеком своего окружения должно быть главным критерием его ценности» [46], сегодня имеет особый и актуальный смысл. В этом контексте нам представляются интересными другие два здания аэровокзалов: «Эребуни» в Ереване [1] и Ленинаканский [2]. Простая и органичная форма в соответствии с ясной технологией вылилась в целостные гармонические композиции. Формы их, несомненно, современны, сохраняя в то же время традиционалистские корни. Сомасштабно решены и внутренние пространства зданий.

Другим примером является здание Центральной детской библиотеки им. Хнко-Апера в Ереване [1].

[1] Архитекторы Р. Асратян, Л. Христафорян, конструкторы Э. Тосунян и И. Баграмян.
[2] Архитекторы Р. Асратян, Г. Мушегян, Л. Христафорян.

[1] Архитекторы Л. Галумян, Р. Аллавердян.

Ответственное место в архитектурно-организованном курдонере квартала, по соседству с Театром оперы и балета предъявляло особые требования к формированию композиции здания. Компоновка внутренних пространств, контрастное их сопоставление и пропорциональные соотношения весьма выразительны.

Некоторое сомнение внушает равнозначная трактовка объема во внешней композиции, образовавшая вертикальную пространственную ось вместо продольной, в сторону театра. Обширное пространство с Лебединым озером требовало от композиции библиотеки соответствующего доминирующего акцента, тем более что торцевые плоскости формирующих курдонер существующих зданий с их определенными архитектурными темами, наш взгляд, недвумысленно подготовили это.

Логические предпосылки подобного пластического решения требовали в здании библиотеки их выхода на свою кульминацию. Однако вместо этого здесь нас встречает тема асимметричной глухой стены с декоративной расстановкой на ней окон.

Так, градостроительные просчеты снизили многие достоинства этого, несомненно интересного здания.

Закрепление здания Государственной картинной галереи на площади имени В. И. Ленина вызвало значительные трудности в достижении задуманного Таманяном сложного градостроительного единства между Театральной площадью и площадью имени В. И. Ленина. Ошибка эта настолько непоправима, что пять из семи авторских коллективов, принявших участие во Всесоюзном конкурсе на центр Еревана, в своих проектах либо искали другие пространственные связи между этими ансамблями, либо предложили полностью отказаться от нее, т. е. от Северного проспекта.

Пример этот показывает, к каким необратимым градостроительным последствиям может привести неверное решение только одного здания. Проведенный в 1984 г. конкурс на застройку Северного проспекта вновь подтвердил это.

Здание нового почтамта на оси Главного проспекта также закрыло пространственную связь с Кондом и зоной отдыха, в ущелье реки Раздан, превратив бóльшую часть проспекта в удлиненное, замкнутое пространство — ни проспект, ни площадь. Обидно, что эти ошибки реализованы вопреки предупреждениям архитектурной общественности.

А ведь примерами удачного вписания зданий в городской ландшафт еще в недавнем прошлом мы не так уж бедны. О них было сказано выше.

Архитектура как пространственное искусство развивалась в течение тысячелетий. Новые приемы пространственной организации постоянно обогащали достижения прошлого. Можно отказаться от применения орнамента, отбросить устаревшую конструкцию, но трудно изменить принципы пространственной организации, которые всегда являлись художественной сутью ансамблей и определяли роль частного в целом.

Все удачные примеры независимо от времени их строительства роднит

Ереван.
Новое здание Государственной картинной галереи Армении, 1970-е годы.
Архитекторы М. Григорян, Э. Сарапян, А. Казарян

Yerevan.
New building of State Picture Gallery of Armenia, 1970 s.
Architects M. Grigoryan, E. Sarapyan, A. Kazaryan

чувство среды, масштабности, композиционного единства, динамичности развития темы, музыкальности ее разработки и т. д.

Многовековой опыт цивилизации сформировал эстетические аспекты градостроительства в достаточно точную науку. Однако многие из нас не всегда обращаются к ее услугам и надеются на свою безошибочную интуицию, не говоря о таких профессионально сложных формах достижения гармонии среды, как создание гармонических рядов или контрастных сопоставлений тем. С горечью сталкиваемся с частым отсутствием таких хрестоматийных правил взаимосогласованности зданий,

как соблюдение единых высот и членений с соседними зданиями, решение их стыков, согласование масштабности, простое тематическое родство, колорит, фактура и т. д. Одним словом, забываем об обычном «чувстве локтя» между зданиями. В этом смысле, на наш взгляд, показательно новое административное здание по Главному проспекту [1].

Месторасположение здания чрезвычайно ответственно. Напротив находится Дом правительства, а с западной части раскрывается площадь имени В. И. Ленина. Чтобы понять это здание, следует вновь обратиться к соседнему с ним Дому правительства.

Это главное по значению здание на площади. А. Таманян выбрал его место асимметрично и кажется — даже ординарно по отношению к главным осям пространства. Но это только первое впечатление. Рассматривая генеральный план центра, нетрудно понять значение этой идеи. Ось Северного проспекта на площади имеет излом, направляясь далее на юго-запад. Дом правительства с его неосуществленным объемом зала, должен был стать своеобразным градостроительным «шарниром», на котором происходит излом этой оси.

Ядром площади, его статическим началом, таким образом становился этот объемный акцент, перекликавшийся со сценической коробкой Оперного театра в северной части проспекта.

Отсюда и весь облик Дома правительства, задуманный в единой архитектурной теме, динамично развивающейся в сторону зала, т. е. главного входа. Выбранная тема

[1] Архитекторы Т. Геворкян, В. Гусян.

292

стены с проемами мастерски разрабатывается подобно сложному полифоническому музыкальному произведению. Масштабная, пластическая, силуэтная кульминация находится в нужном месте.

Тончайшая разработка архитектурной темы имеет симфонический характер. Всюду сила и нежность идут рука об руку, нигде не давая абсолютной, «лобовой» трактовки ни одному, ни другому. И только контрапунктное их звучание подчеркивает необходимую общность в одном из ключей. В этом аспекте здание стоит в одном ряду с шедеврами советской архитектуры и является наглядной школой высшего мастерства. Сравните только микрорельеф бровок над нишами пилонов и мощную пластику главной аркады!

Вот по соседству с этим зданием и построено новое административное здание.

Прежде всего оно вступает в единоборство с Домом правительства высотой своего объема, превышая его почти в два раза. Сверх меры гипертрофированный масштаб аркады также спорит с темой Дома правительства и других зданий площади. Статичная, симметричная композиция не представляется обоснованной, так как обращена не к главной площади города, а на второстепенную территорию автостоянок — в тыльной части Дома правительства. Надуманность ее особенно обнаруживает себя со стороны площади имени В. И. Ленина, проектируясь на пространство

293

Ереван.
Административное здание по Главному проспекту. Общий вид.
Архитекторы
Т. Геворкян, В. Гусян

Yerevan.
Administrative building in Main Avenue.
General view.
Architects
T. Gevorkyan,
V. Gusyan

которой, здание смотрится в половине своего объема глухим массивом, ассоциирующимся с образом промышленного или другого сооружения.

Как же решены в этом здании другие вопросы?

Во-первых, несущий железобетонный каркас здания полностью изолирован и не участвует в формировании архитектурного облика, предоставляя полностью эту роль наслонной на каркас стене. Во-вторых, эта стена взяла на себя всеми выразительными средствами представлять конструктивную сущность здания, тогда как при нормальной роли каркаса она должна была нести всего лишь функцию ограждающей конструкции. Однако и этого оказалось мало. «Нагруженная» функциями стена была еще более

«усилена» тем, что в ней упрятали коммуникации кондиционирования воздуха. В довершение всего архитектурная тема — аркада, как бы выточенная в стене, необычностью своей формы настолько декоративна, что лишает традиционную для национальной архитектуры тему стены здравого тектонического смысла.

Многие успешно применявшиеся нами в недавнем прошлом тектонические приемы считались нормальными. Сегодня мы уже так не строим. Поэтому нам кажется, что оценка нашим сегодняшним постройкам должна даваться с позиций современного уровня развития техники.

Каркас, обложенный каменной стеной, на наш взгляд, никак нельзя в век заводских панелей признать современной тектонической системой, так как оба они — самостоятельные архитектурные субструкции.

Все эти наслоения в здании не могли не повлиять на художественный уровень ансамбля. Более того, ясно, что самому зданию Дома правительства при этом был причинен определенный художественный ущерб. Монументальная тема стены с арками Дома правительства по ул. Мелик-Адамяна, площади имени В. И. Ленина, ул. Налбандяна и Главному проспекту будто бы уменьшилась в размере. А ведь сколько требовалось мастерства А. Таманяну, чтобы достичь этой монументальности в низких, трехэтажных объемах!

Несмотря на заданные абсолютные размеры, новое здание теряется в пространстве из-за отсутствия живых связей с ним. Это парадоксально, но, нам кажется, что при его подчиненном решении в сложившейся ситуации,

соответствующем пропорциональном членении оно могло подчеркнуть доминирующее значение Дома правительства и тем самым стать частью единого целого. От этого оно стало бы не только значительнее, но и преодолело бы свою чуждость сформированному архитектурному окружению.

Все это — результат неверно поставленной задачи и выбора путей ее решения.

Для определенной степени полноты разбора, не лишне будет отметить еще одно обстоятельство.

Было время, когда небольшой кусочек орнамента на фасаде расценивался как «излишество». Несомненно, что при этом допускались явные перегибы. Однако, как расценить результат работы, где конструктивная щедрость такова, что ее возможно хватило бы на строительство двух подобных зданий? Не здесь ли место подлинных излишеств?

Сложный сплав, именуемый мастерством, состоит из идейной зрелости, способности точно определять задачу и выбрать пути ее решения. Таланту и профессиональной выучке обязательно присущи эти способности, предохраняющие от непоправимых ошибок.

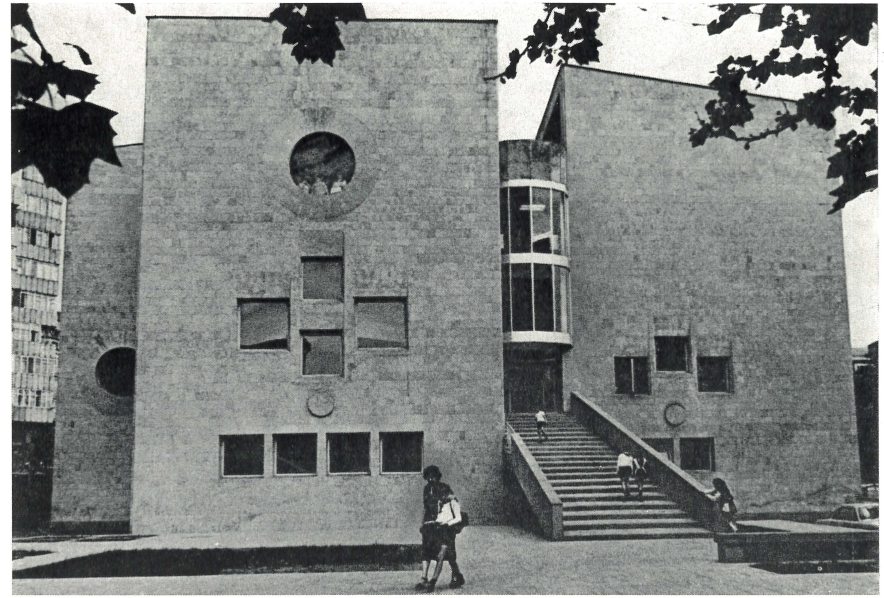
В одних случаях эти ошибки — результат сознательной недооценки их последствий, в других же — неверно поставленной задачи.

* * *

Архитектура создается сообществом людей. Только взаимно

Ереван. Республиканская детская библиотека им. Хнко-Апера, 1979 г. Архитекторы Л. Галумян, Р. Аллавердян. Общий вид.

Yerevan. Republican Children's Library named after Khnko-Aper 1979. Architects L. Galumyan, R. Allaverdyan
a. General view;
b. Entrance floor plan

согласованные действия создают архитектурные ансамбли. При современных объемах строительства не могут быть никакие «объемные сенсации» без пространственного осмысления группы сооружений.

Решающую роль приобретают перспективные градостроительные разработки, на основе которых должны определяться не только места необходимых центру города общественных и других зданий, но главное — их пространственное и архитектурно-художественное взаимоотношение со сложившейся застройкой.

Другой формой организации обслуживания должна стать свободная пространственная форма с ее удобным местоположением по связи с жилыми территориями, транспортными коммуникациями, зеленью общественного назначения, а главное — совмещенностью видов обслуживания в многофункциональных центрах.

При полной реконструкции ветхого и аварийного фондов в центрах

городов высвобождаемые территории должны быть, в первую очередь, отведены под формирование узлов центрального ядра города. Растущее, трудно прогнозируемое многообразие форм обслуживания требует бережного отношения к этим территориям. В связи с тем, что программы освоения этих территорий строительства общественных зданий не находятся во временно́м соответствии, их следует резервировать путем временного благоустройства. Не следует их отдавать под жилое строительство, темпы и объемы которого сейчас резко опережают все виды гражданского строительства и поглощают большинство свободных земель. Стихийное образование узлов обслуживания приводит к разрушению композиционно-функциональной системы центров. Разобщенность лишает систему масштабности и затрудняет комплексное решение транспортных вопросов.

Удобное же транспортное обслуживание этих узлов, согласованное с гармоничным подбором учреждения в многофункциональные центры, сохраняет силы и время населения.

Значительным событием в жизни республики последних лет стало строительство Ереванского метрополитена.

В условиях сильно разросшейся городской территории (около 17 тыс. га) и наличия перевалившего рубежи 1 млн. населения, метрополитен представляется тем радикальным средством, которое помогает решать не только проблемы передвижения. Благодаря ему ощутимо снижается загрязненность атмосферного воздуха от наземных транспортных средств,

что способствует повышению качества среды обитания.

Считается, что метро — дорогостоящее сооружение. «Это справедливо, если рассматривать его только как объект строительства. Но если принять во внимание, что оно позволяет экономить огромные затраты, необходимые для прокладки и реконструкции магистральных улиц, при которой сносится немало жилых домов, для развития трамвайного, троллейбусного движения, а главное сократить время поездок населения, то окажется, что метро — самый дешевый вид транспорта! [47].

Фактору времени в индивидуальной жизнедеятельности людей наша идеология придает одно из определяющих значений.

«Время есть пространство человеческого развития»[1]. «Настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития»[2].

Таков вкратце комплекс основных факторов, определяющих любые действия, призванные увеличить ресурсы свободного времени трудящихся.

Нетрудно оценить значение снижения «транспортного времени» в этих ресурсах и роль метрополитена как радикального средства для

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.—Т. 16.—С. 147.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 26.— Ч. III. С. 264.

достижения этого в условиях крупнейшего города.

Красноречиво свидетельствует в пользу метрополитена и тот факт, что за неполных два года первая очередь метрополитена с пятью станциями перевезла более 80 млн. пассажиров. На строительстве метрополитена были использованы инженерно-технические и архитектурные достижения советского метростроения, богатый опыт которого имеет всемирную славу. Тем не менее творческий подход в учете каждого конкретного условия дал свои интересные и разнообразные решения.

На станциях вновь нетрудно проследить широту творческой направленности, характерную для архитектуры республики в последние десятилетия. Она охватывает диапазон между концепциями «новой архитектуры» и тенденциями привлечения традиций национальной архитектуры. К первому направлению следует отнести станции «Еритасардакан» и «Маршал Баграмян»; ко второму — «Площадь Ленина», «Горцаранаин», «Сасунци Давид» и отчасти «Барекамутюн». В стадии строительства находятся еще две станции: «Площадь Спандаряна» и «Шенгавит».

Главным звеном наземной части станции метрополитена «Площадь Ленина»[1] является рекреационный подземный дворик с мощным фонтаном, струи которого видны на уровне верхней площадки. Эскалаторы отсюда ведут на станцию, архитектура

[1] Архитекторы Дж. Торосян, Р. Минасян.

которой построена на мотиве перспективных арок, ассоциирующихся с древнейшими формами национальной архитектуры. Однако здесь нет тени архаизма или стилизаторства, так как формы эти творчески переосмыслены.

Менее удачно решена верхняя площадка. Она значительно приподнята над уровнем улиц.

И все же здесь «логично организованная, хорошо функционирующая, т. е. безукоризненно современная форма «расцветает» орнаментом, порождающим ассоциации с образами национальной культуры. . . Скупые, но точно найденные детали завершают композицию, естественно соединяющую полезное и прекрасное» [48].

Несколько в отличном плане идет интерпретация преемственности национальной архитектуры в станции «Горцаранаин»[1] и «Сасунци Давид»[2]. Если в первой акцент поставлен на применение традиционных конструктивных, тектонических тем стены и перекрытия в строгом соответствии с современным рационализмом, то во второй — доминирующее значение придано скульптурно-пластическому началу. Образно-художественная задача углубления темы национального эпоса, герою которого поставлена великолепная скульптура на привокзальной площади, здесь находит свое отражение. Мастерски выполненные рельефы вестибюля показывают безграничность пределов решения серьезных архитектурных проблем различными средствами.

[1] Архит. Г. Гукасян.
[2] Архитекторы Б. Арзуманян, С. Нерсесян, Р. Исраелян, скульптор А. Овсепян.

Станция «Площадь Ленина» Ереванского метрополитена. Общий вид, 1981 г. Архитекторы Д. Торосян, М. Минасян

"Lenin Square" station of Yerevan metro. General view, 1981. Architects D. Torosyan, M. Minasyan

298

299

Подземный вестибюль станции «Площадь Ленина» Ереванского метрополитена, 1981 г. Архитекторы Д. Торосян, М. Минасян

Underground entrance-hall of "Lenin Square" station of Yerevan metro, 1981. Architects D. Torosyan, M. Minasyan

Станция «Еритасардакан» Ереванского метрополитена. Общий вид, 1981 г. Архит. С. Кюркчян

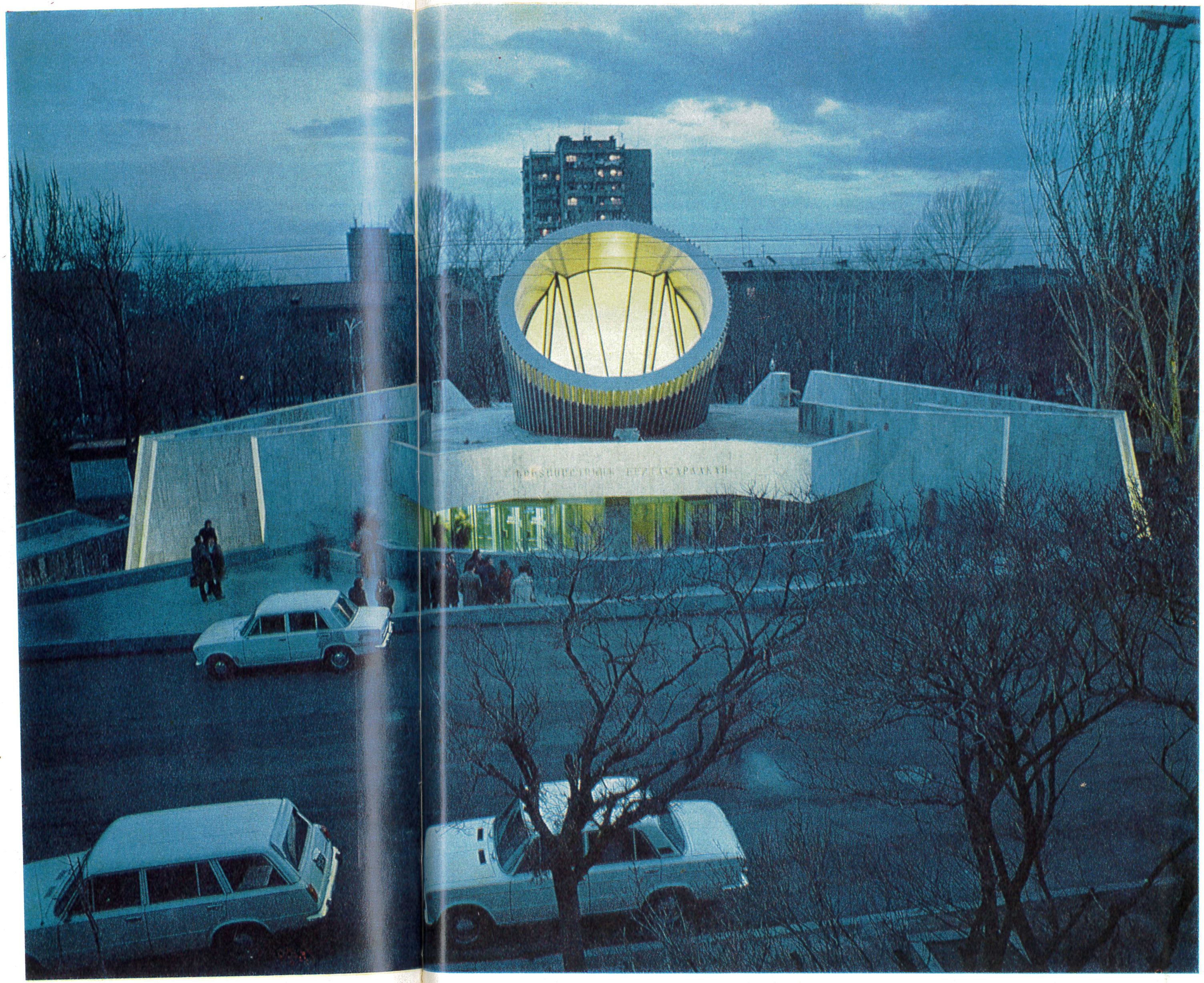
"Yeritasardakan" station of Yerevan metro. General view, 1981. Arch. S. Kyurkchyan

На станциях «Маршал Баграмян» и «Еритасардакан» хочется остановиться особо. Они отличаются друг от друга, несмотря на общее формальное примыкание к концепциям «новой архитектуры».

Авторы первый [1] станционный зал решают в стоечно-балочной системе с активным привлечением к архитектуре средств искусственного освещения. Хотя и реализация не полностью соответствует проекту, но сочетание беломраморных рядов столбов с дневным освещением звучит легко и празднично.

Много интересного вложено и в архитектуру наземного вестибюля. Через сплошное остекление павильона, сооруженного в стальных конструкциях, просматривается зелень парка, в котором он построен. В отличие от бессредовых сооружений «новой архитектуры» авторы, формально оставаясь на ее позициях, все же сделали удачную попытку композиционной увязки вестибюля с окружающей средой путем пропуска внутреннего мостика через павильон в сторону холма за ним. Но, к сожалению, немасштабность маленького прохода, направленного к большому холму, заставляет усомниться в целесообразности поднятия всей высоты павильона, заслонившего природную доминанту

[1] Архитекторы С. Кнтехцян, А. Зурабян, конструктор И. Манучарян.

по оси подхода к ней с проспекта. Тем не менее, станция в целом и может считаться авторской удачей.

Последовательностью воплощения остроконфликтной концепции отличается станция «Еритасардакан»[1]. Функционалистско-дизайнерская «внутренняя правда» здесь вылилась в чрезвычайно заманчивую и выразительную форму. Наклонный эскалаторный тоннель, продолжаясь над вестибюлем, выражен огромным железобетонным световым фонарем. За его масштабом безошибочно угадывается огромное подземное сооружение, которое оно «представляет» на открытом воздухе. Динамичность формы поддержана экспрессией окружающих стен, как бы устремленных за ней.

В отличие от предыдущего примера в станции «Еритасардакан» ощущается бескомпромиссность в претворении основного замысла. Тыльная сторона павильона не столь активно раскрывается на пространство бульвара, как этого объективно требовала среда. Представляется, что при соответствующей реакции на это, можно было бы добиться такой уравновешенности всей композиции, которая несколько обуздала бы ее мощную динамику и смягчила бы крайнюю близость входной части к тротуару.

Подземный станционный зал благодаря умело найденным пропорциям пилонов, а также их оригинальной архитектуре кажется просторным и вместе с тем уютным. В целом станцию и особенно наземный вестибюль можно считать яркой находкой в рамках реализованной архитектурной концепции.

[1] Архит. С. Кюркчян.

В станции «Барекамутюн»[1] обращает на себя внимание оригинальное решение подземного кольцевого пешеходного перехода, в центре которого размещено кафе. Умелое владение средствами современного дизайна совместно с богатым наследием национального прикладного искусства сообщило сооружению определенный архитектурно-художественный интерес.

В сооружениях Ереванского метрополитена нетрудно заметить, в каком широком круге творческих концепций и огромном диапазоне привлечения средств художественно-образной выразительности работают ныне армянские архитекторы. Впрочем, это подтверждает нашу мысль, высказанную вначале относительно одновременного и совместного сосуществования обоих извечных направлений в искусстве: классического и романтического. Добавим лишь, что при этом романтическое направление было своего рода «экспериментальной лабораторией», где получало путевку в жизнь все новое, а классическое — умело внедряло.

«Национальные черты дополнительно конкретизируют региональные (наверно, и средовые, А. Г. и М. Т.) особенности. Тут существуют две позиции. Сторонники одной считают, что нужно создавать современными средствами комфортные сооружения, учитывающие специфику климата и сегодняшних запросов народа, и это

[1] Архит. Ф. Дарбинян.

Наземный вестибюль станции «Маршал Баграмян» Ереванского метрополитена, 1981 г. Архитекторы С. Кнтехцян, А. Зурабян, конструкторы И. Манучарян, А. Саргсян

Aboveground entrance-hall of "Marshal Bagramyan" station of Yerevan metro, 1981. Architects S. Kntekhtsyan, A. Zurabyan, designer I. Manucharyan, A. Sargsyan

как раз и явится современной национальной архитектурой. Но сложность в том, что сегодня запросы наций неотъемлемо включают национальную историческую традицию и интерес к ней растет. Сторонники второй позиции акцентируют именно этот момент и стремятся создать н а ц и о н а л ь н о - у з н а в а е м у ю а р х и т е к т у р у (выделение наше А. Г. и М. Т.), сознательно интерпретируя историческое наследие. Пожалуй, как нигде отчетливо обе позиции проявляются в Армении. . .» [49].

Среди общественных зданий, построенных в других городах, обращают на себя внимание административное здание в Абовяне [1], кинотеатр в Эчмиадзине, Дом творчества кинематографистов в Дилижане и др. Их среда различна. Если первое находится в центре нового города, а второй (кинотеатр) — недалеко от выдающихся памятников средневековой архитектуры, то третий — в богатейшей ладшафтной лесистой местности с реликтовой растительностью. Тем не менее их объединяет чувство среды и ее учет в формировании архитектурно-художественного образа.

В кинотеатре [2] традиционная каменная аркада портика нашла современное выражение не только в оригинальном перспективном построении. Весь строй древней каменной темы звучит необыкновенно свежо благодаря выверенности пропорциональных соотношений в соответствии с тектоникой комбинированной конструкции здания — из камня и железобетона. Выбор формы продиктован историко-заповедной сущностью окружения и, несомненно, оправдан.

В другом ключе решен Дом творчества кинематографистов [3]. Здесь ценна неординарность композиции. В позитивном плане функционалистские концепции, верность которым сохранена авторами, здесь в целом нашли контакт с окружающим пейзажем. Крупные объемные массы сооружения, четко сформированные по функциональному признаку, образуют композицию, пронизанную компонентами пейзажа. Умело использован рельеф во входной части.
Рекреационный дворик выражен своеобразным вестибюлем, с которого разветвляются пути в звенья сооружения. Особенно удачно решены коттеджи.

Некоторое беспокойство, на наш взгляд, вносит щедрое использование разных конструктивных приемов и отделочных материалов. Однако крупная масштабность композиционного приема в определенной мере снижает значение этого недостатка, сохраняя при этом целостность сооружения и единство его восприятия. И все же стилистическое разнообразие форм, по-видимому, несколько ослабляет это достоинство.

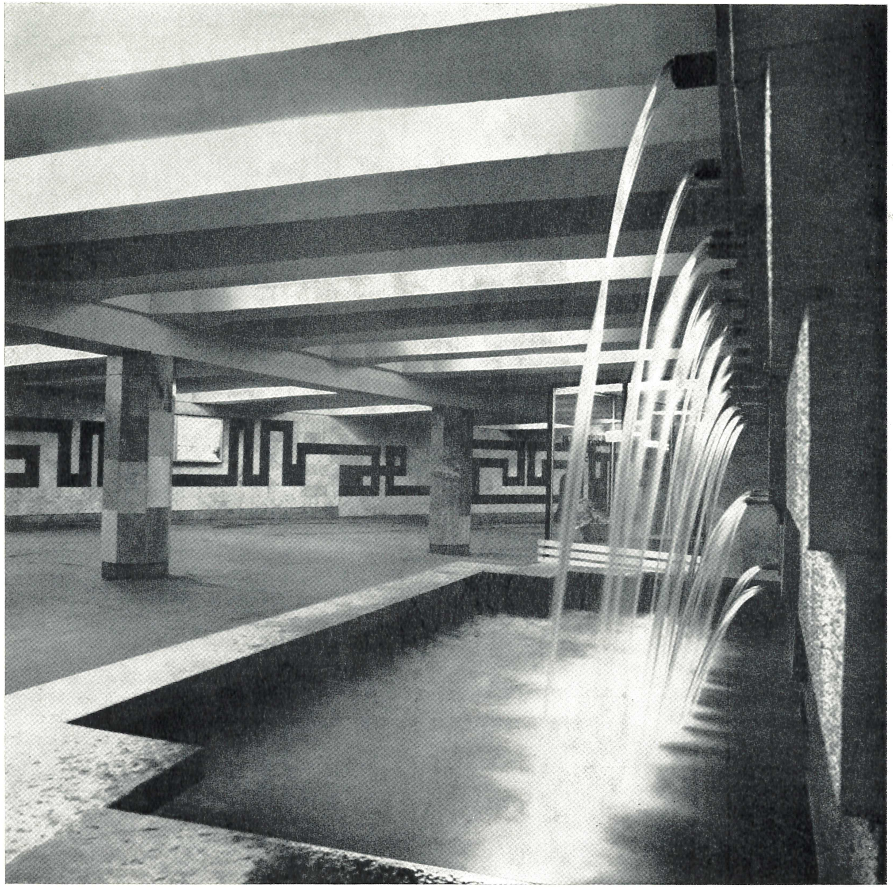
Яркими и значительным событием архитектуры республики последнего времени является завершение строительства крупнейшего общественного сооружения —

[1] Архитекторы Г. Рашидян, А. Акопян.
[2] Архитекторы С. Гурзадян, М. Алексанян.

[3] Архитекторы Г. Погосян, Л. Сафарян, С. Хачикян.

Ереван. Фрагмент подземного перехода станции «Барекамутюн», 1982 г. Архит. Ф. Дарбинян

Yerevan. Fragment of underground passage at "Barekamutyun" station, 1982. Arch. F. Darbinyan

Абовян.
Административное
здание, 1984 г.
Архитекторы
Г. Рашидян, А. Акопян

Abovyan.
Office building, 1984.
Architects
G. Rashidyan,
A. Akopyan

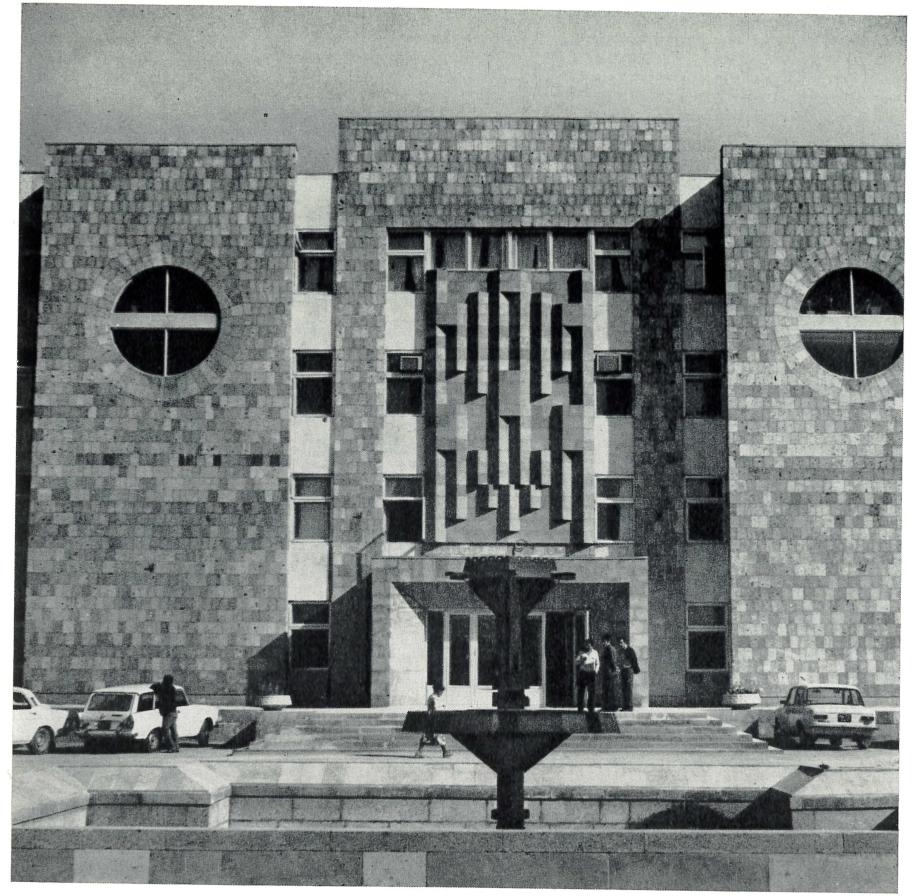
306

307

Здание кинотеатра
в Эчмиадзине, 1982 г.
Архитекторы
С. Гурзадян,
М. Алексанян

Cinema building
in Echmiadzin, 1982.
Architects
S. Gurzadyan,
M. Aleksanyan

Ереван. Генеральный план парка «Цицернакаберд», 1980 г. Архит. О. Берберян

Yerevan. Master plan of Tsitsernakaberd, 1980. Arch. O. Berberyan

спортивно-концертного комплекса (СКК) в Ереване [1].

Комплекс построен на холме парка Цицернакаберд [2], господствующем над всей северо-западной зоной центра города. Объем сооружения дополняет богатый ландшафт парка вдоль живописного ущелья реки Раздан. Подходы в виде каскада (фонтаны, лестницы, эскалаторы) организованы со стороны магистрали общегородского значения — ул. Ленинградян.

[1] Авторский коллектив: архитекторы К. Акопян, А. Тарханян, Г. Погосян, С. Хачикян, Г. Мушегян; конструкторы Н. Цатурян, Г. Азизян.

[2] Автор генерального плана парка архит. О. Берберян.

Внутренняя пространственная композиция комплекса органически вытекает из конструктивных и технологических предпосылок. По существу внешний облик здания здесь стал четким выражением конструктивной сущности современного крупнопролетного перекрытия. Неоднозначность его формы, оправданной сложностью всего сооружения, определила и архитектурно-художественный образ.

СКК является сооружением многофункционального назначения. Большой зал на 5000 мест для спортивных состязаний и массовых зрелищных представлений находится над вестибюлем и связан с ним лестницами и эскалаторами. Малый зал на 1300 мест расположен по оси вестибюля. Перед залами находится поворотная трибуна, которая, трансформируясь, увеличивает емкость каждого зала на 1000 мест. Весьма эффективно во всем комплексе решены вопросы естественного и искусственного освещения. Крестообразный свод над главной ареной, решенный вантовой конструкцией, дополняется свободно висячими консольными крыльями. Сквозь зазоры между ними проникает естественный свет, способствующий облегчению массивных конструкций. Невольно возникают ассоциации с традиционными приемами использования естественного света в образцах народной архитектуры.

На уровне высокой современной техники решены вопросы акустики, информационной службы.

Дом творчества кинематографистов в Дилижане. Общий вид, 1984 г. Архитекторы Г. Погосян, Л. Сафарян, С. Хачикян

Holiday home for film-makers in Dilizhan General view, 1984. Architects G. Pogosyan, L. Safaryan, S. Khachikyan

Спортивно-концертный комплекс в Ереване. Общий вид, 1984 г. Архитекторы К. Акопян, А. Тарханян, Г. Погосян, С. Хачикян, Г. Мушегян, конструкторы И. Цатурян, А. Азизян

Sports and concert complex in Yerevan. General view, 1984. Architects K. Akopyan, A. Tarkhanyan, G. Pogosyan, S. Khachikyan, G. Mushegyan, Designers I. Tsaturyan, G. Azizyan

310

311

Спортивно-концертный комплекс в Ереване, Интерьер спортзала, 1984 г. Архитекторы К. Акопян, А. Тарханян, Г. Погосян, С. Хачикян, Г. Мушегян. конструкторы И. Цатурян, Г. Азизян

Sports and concert complex in Yerevan. Sports hall interior, 1984. Architects K. Akopyan, A. Tarkhanyan, G. Pogosyan, S. Khachikyan, G. Mushegyan, Designers I. Tsaturyan, G. Azizyan

Пространство над концертным залом и колосниками можно использовать для проведения различных совещаний, симпозиумов и в качестве репетиционных помещений.

Особо следует отметить работу проектировщиков и строителей. СКК показал их возросшую техническую зрелость в решении комплексных задач сложных современных сооружений, достойных крупнейшего современного города. В этом смысле был сделан скачок в овладении новой суммой научно-технических средств и возможностей их реализации.

Некоторая неувязка главного подхода к СКК с планировкой района и активная пластика каскада, нарушающая естественную структуру холма, существенно не влияют на общую величественность комплекса, несомненно являющегося достижением нашей архитектуры.

* * *

Архитектура — древнейшее из искусств. Она является носительницей большой правды. В ней всегда «сияет истина». Только она из всех искусств — в полной мере искусство пространственное. В отличие от живописи и скульптуры, она не может быть перенесена в любую среду. Это обеспечивается гармонической связью единства внутренней и внешней композиции с окружающим пространством. В этом заключается главный критерий оценки художественной ценности архитектурного произведения.

Связь сооружения с глобальным пространством осуществляется через его связь с конкретной средой. Только таким образом здание становится частью бесконечного. Обращение к истории развития этого положения показывает, какими сложными, однако целеустремленными путями люди стремились сделать здание или сооружение частью вселенной.

На отдельных исторических этапах идея эта в зависимости от степени развития технических возможностей общества и эстетических идеалов осуществлялась различными средствами. Например, если в древнегреческой архитектуре стоечно-балочная, а в армянской архитектуре стеновая тема добивались действенной связи с окружающей средой, то в эпоху Возрождения идеалы стали опережать технические возможности и эта связь стала иллюзорной. Такие композиционные вопросы, как раскрытие здания на природу, его направленность, обращение на какие-то ладшафтные или архитектурные доминанты чаще стали носить изобразительный характер. Сила эстетического идеала была настолько велика, что влияние ее можно проследить даже в антуражах произведений живописи этой эпохи (Джотто, Пьеро делла Франческа, Карпаччо и др.).

Таким образом, несмотря на характер воплощения, связь с окружающей средой всегда оставалась в центре внимания как одно из основных требований архитектурной композиции.

Творческий процесс предполагает создание необходимой идеальной модели, которая в процессе своей конкретной материализации в форме

здания гармонизируется с данной средой, учитывая ее особенности.

Выразительными средствами архитектуры, такими, как требуемая масштабность здания, верный выбор ведущей темы с ее динамикой развития (рождения, роста, кульминации, спада и угасания), пропорциональный строй сложившейся архитектурной среды, логически диктующий строй нового здания, пластика, цвет и т. д. — удается мертвый строительный материал как бы одухотворить.

В природе нет обезличенной, абстрактной ландшафтной или архитектурной среды. Понятно, насколько объективно должны быть учтены композиционные предпосылки, диктуемые конкретной средой. Их сбор, накопление и синтезирование — важнейшая часть творческого процесса. Здесь не может быть речи о неких математически определенных методах, о простом геометрическом порядке. Простой порядок ничего общего не имеет с классическим пониманием композиции — сложным художественным порядком. Первый чрезвычайно ограничен в возможностях отражения разнообразия окружающего нас мира, беден и чужд искусству. Второй же бесконечно богат, ибо основан на законах жизни и природы. Постоянно обогащаясь открытиями науки и техники, он динамичен в развитии и щедр художественными откровениями.

Красоте свойственны задачи не простого подобия или элементарного порядка, дающие эстетический примитив. Она основана на сложной гармонии и, более того, гегелевской «гармонии гармонии и дисгармонии».

Подлинное архитектурное произведение — симбиоз разумного и эмоционального начал. Незадолго до смерти Шопена Эжен Делакруа записал в своем дневнике: «Наука, как ее понимают и представляют себе люди, подобные Шопену, есть не что иное, как само искусство и, наоборот, искусство совсем не то, чем считает его невежа, т. е. некое вдохновение, которое приходит неизвестно откуда, движется случайно и изображает только внешнюю оболочку вещей. Это — сам разум, увенчанный гением, но следующий неизбежным путем, установленным высшими законами» [50].

Справедливость этих слов применительно к архитектуре непререкаема.

В зависимости от таланта и темперамента, культуры и интеллекта творца ответы на задачи в одной и той же среде могут быть различные, но при всех обстоятельствах — учитывающие объективные, логические установки, диктуемые средой. Творец здания, образно говоря, должен «перевоплотиться в здание», которое он создает.

Степень тонкости учета архитектором объективных установок среды должна определить иерархическое место произведения в среде. Отсюда вытекает и степень его выразительности. Этот комплекс в целом характеризует личность творца, в диапазоне от его мировоззрения — вплоть до вкуса, являющегося эстетическим выражением нравственных взглядов.

Всем этим арсеналом выразительных средств умело

пользовались наши предки, создавшие такие шедевры, как храмы Рипсиме и Звартноц, Ахпат и Санаин. Масштабная собранность Рипсиме, несмотря на размеры храма, придала ему свойства сотворенного природой кристалла, способного войти в пейзаж Араратской долины. Сложные комплексы Ахпата и Санаина, находящиеся друг от друга на достаточном расстоянии и решенные на различных объемно-пространственных началах, производят впечатление строго взаимосогласованных комплексов. Монументальная скульптурность первого дополняется пластичной изрезанностью второго, образующего локальные и логичные, направленные на среду полураскрытые пространства. Мужественной строгости одного противопоставлена поразительная масштабность, человеческая теплота другого.

В ясный день они взаимно обозреваются. В плохую же погоду, в условиях полной невидимости они напоминают о себе звоном колоколов. Однако их совместное восприятие в четвертом измерении — времени, самое поразительное: гармония между ними преодолела пространство. В этом можно убедиться, если в течение одного дня осмотреть оба памятника в независимой последовательности. Здесь достигнут удивительный «перезвон» между ними — в широком смысле слова.

Не на этих ли классических принципах единства армянской архитектуры основаны ансамбли академика Таманяна? Античной скульптурности объема Оперного театра противопоставлена строгая пространственная организованность площади имени В. И. Ленина, героическая масштабность которой позже не нашла ожидаемой поддержки.

Уже говорилось, что архитектура всегда конкретна во времени и пространстве и вместе с тем она специфична двуединством функции, как принято говорить — внутренней и внешней. Даже жилой дом служит не только бытовым функциям ограниченного числа жильцов. Он определенными средствами архитектурной выразительности через единство с соседними домами входит в городскую среду, становясь «вещью для всех».

Таковы и все здания. В них меняется только внутренняя утилитарная функция для непосредственных потребителей и внешняя, духовная для всех, в соотношениях, определяемых местом и значением каждого из них в системе города. Конкретность во времени выражается в форме стилевых особенностей, присущих каждой исторической эпохе.

Пространственная же конкретность помимо таких простых проявлений, как учет физико-географических факторов (ландшафт, рельеф, климат и т. д.), имеет в виду более сложные формы, определяющие духовное содержание искусства архитектуры, в том числе и безошибочное определение, так сказать, архитектурной тональности здания. Любое упущение здесь ведет к общей неудаче.

Именно на этой ступени выдерживается экзамен на мастерство, требующее огромного

культурного потенциала, знаний и таланта, опирающееся на художественное осмысление среды.

С сожалением приходится отмечать, что с тех пор, как наша архитектура 30 лет назад перешла на новый путь развития, именно здесь мы понесли самые большие потери богатств, накопленных прежними поколениями. Наша увлеченность концепциями «правдивости» и «рациональности», как теперь видно, слишком дорого обошлась в формировании больших градостроительных пространств, масштабы которых постоянно росли.

При проектировании зданий нами больше руководило стремление сделать новое, необычное, ни на что не похожее. Это стремление само по себе прогрессивно, если преследует конкретизирующие архитектуру во времени и пространстве цели и опирается на культуру широкого средового понимания архитектуры.

Общее понятие о связи со средой, с природой лежит в основе пространственной сущности архитектуры. Оно бесконечно, как само пространство. Органичность этой связи, обусловливающей красоту как проявление единства и гармонии, определяется полнотой учета и отражения в архитектуре особенностей конкретной среды.

В этом свете средовость выражается не просто учетом региональных особенностей или своеобразия места. Ее своеобразным и более высоким духовным проявлением выступают национальные и исторические корни. Не в них ли всегда крылись подлинные ресурсы новаторства и разнообразия? Не упразднение ли этих истоков породило скуку и монотонность, для определения которого мы устремились к первооткрытиям «нового»: лишь бы не обращаться к уже давно известным истокам? Так «новаторство» становилось лишенной почвы самоцелью. Шаг за шагом наши здания и сооружения, теряя общность архитектурного языка, становились подобными людям, которые лишены способности понимать друг друга. Стремление к новизне стало просто престижным. Ранее мы столь рьяно не ратовали за новизну. Не симптоматично ли это? Не проявление ли это сожаления по утрате искусства создания нового? Не является ли однообразие еще и следствием отказа от средового понимания архитектуры? Не отрыв ли от этого могучего источника разнообразия и замыкание только в сфере внутренней «правдивости» породил расхожие внешние композиции, откуда пошли и слепое копирование, и стереотипы?

Не без основания некоторые теоретики постмодерна стали утверждать, что «стремление, само по себе, к новизне — омерзительно». Скажем мягче; прежде чем стать непохожими на других, сначала надо быть таким, как все. Этот закон природы выражен также в искусстве, где «каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность»[1].

Не потому ли сейчас мы все более стали обращаться к мастерам прошлого в поисках истин, растерянных нами?

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве.— М., 1976.—Т. 1.—С. 4.

Гармоническое мышление в архитектуре, подобно музыке — суть профессиональная категория, обязательный уровень для творца. Если архитектура не может быть вне гармонии со средой, то подобно человеку, она не может не иметь высших, духовных особенностей, определяемых средой: этнических, исторических и, наконец, национальных.

Эти категории составляют нашу общественную память, помогают нам развивать и совершенствовать издревле перешедшую к нам культуру, традиции и миропонимание. Только одно поколение не в силах создать все это. Подобно тому, как путь в космос, говоря фигурально, начался с каменного века, так и достижения современного строительного искусства основаны на опыте всех предыдущих поколений. Бесконечность этого процесса определена жизнью для создания, оценки, отбора и развития.

Так распорядилась природа.

Не этим ли объясняется то, что во времена чужеземного владычества и упадка собственной культуры Армения — страна камня, строила из сырца-кирпича? Отказ от памяти прошлого может превратить людей в существа, лишенные разума и воли, без роду и племени. И никакие потуги на «новизну» не могут изменить дело.

Искусству архитектуры свойственно пробуждать другие, более возвышенные эмоции, чем удивление, хотя и есть искусства, где это считается главным. Таково, например, цирковое искусство. В этой связи уместно вспомнить слова одного из пионеров «новой архитектуры» Корбюзье, не побоявшегося сравнить архитектора с акробатом, который «. . .доверяет свою жизнь случаю, для чего он в постоянной опасности для жизни делает движения, которые необычны и стоят на границе возможного и даже за ней. . . Он готов сломать себе шею, кости и разбиться. . . он принадлежит другому миру — миру акробатики. Он делает вещи, которые другой сделать не может» [51].

Такой «новизной» недвусмысленно определялся эстетический критерий целой эпохи. . .

Мы в большей мере солидарны с теоретиками, которые ратуют сегодня за нормативность формы и универсальность архитектуры. Эти качества органически вытекают и обусловлены средовой контекстуальностью в том широком понимании, о котором мы говорим.

Наконец, вершинами, пиками искусства, в том числе и архитектуры, следует признать произведения, которые порождены прогрессивными общественными идеями и своей высокохудожественностью возвышают народ, помогают ему жить, а часто и выжить в трудные для него времена.

Эти произведения высшего разряда, как правило, интернациональны прежде всего своим национальным своеобразием.

Мы не верим в глобальную интеграцию культур. Если это случится, то будет означать катастрофу. Мы убеждены, что национальное в своем совершенном проявлении интернационально и является достоянием всех народов.

Именно, благодаря этим качествам, возможным в условиях социалистического общества, такие

произведения, как Дом правительства и Оперный театр Таманяна, наряду со страстной революционно-гражданской поэзией Чаренца, лучезарными полотнами Сарьяна и «пиром музыки», как назвал Б. Асафьев музыку Арама Хачатуряна, помогли возродить из пепла Армению.

И конечно, не обладай они корнями национального своеобразия, творческим их осмыслением в духе времени, навряд ли смогли они стать опорой нации, воспевать и величать грандиозные социальные перемены в ее жизни. Гражданственностью и героическим масштабом эти здания стали живыми трибунами, взывающими к жизни некогда обескровленный народ.

На фоне этих задач, достигнутых средствами искусства, любые недостатки научно-теоретического порядка кажутся мелкими и теряют свое значение, а то и, как это не парадоксально, переходят в разряд достоинств, как это часто мы встречаем в большом искусстве!

Всякую художественную концепцию всегда питала идеологическая основа общества: натурфилософия — античность, клерикализм — средневековье, гуманизм — Возрождение и т. д.

Что же двигает призывами отказа от национального своеобразия? Чтобы быть кратким, сошлемся на решение об «отгрузке» из центра архитектурных «полуфабрикатов» или «манекенов», в виде неких «прообразов, своего рода прототипов», на которые надо будет одевать «одежду» местной архитектуры, тем самым «конкретно довершая в духе местных особенностей и традиций облик зданий, уже в региональных проектных организациях» [52].

Но ведь не это столбовая дорога архитектуры. И явно уж не новейшая западная архитектура, о которой американский критик Блейк признал, что «. . .из всего, чему мы научились у новейшей архитектуры, испытания не выдержало ничего». И далее: «база, на которой мы создавали свой мир, рушится; рушатся вместе с ней и наши представления» [40]. Не помогла и этическая ценность правдивого выражения функции и конструкции, знак равенства между которой и критериями красоты пробовали ставить.

Вызывает недоумение и та настойчивость, с которой все же время от времени, ставя этот вопрос, кажется, хотим добиться отказа от национального своеобразия именно в архитектуре. Мы говорим об этом, так как ни в каком другом искусстве не встречается подобная постановка вопроса. Поэтому с должной осторожностью хочется предложить снять обсуждение этого вопроса в широком плане, ибо помнится, что каждый раз, когда он встает, тут же, рядом с ним возникает как зловещая тень — не менее казуистический его напарник: «искусство ли архитектура?» Уж не вина ли национального своеобразия во всех наших неудачах? Не мешает ведь оно другим искусствам?

Посмотрите, как мы бережны в охране народных промыслов Палеха и Хохломы — в России, Кубачей и Балхара — в Дагестане и многих др. Такого же отношения требует в Армении и культура камня, выражаемая через архитектуру.

Вопрос национального своеобразия имеет особое значение для нашей самой многонациональной в мире страны. Его проблемами нигде не занимались столь долго, как у нас.

Нельзя сказать, что все научно-теоретические работы в этой области были неудачны. Просто, на современном этапе требуется другой, более фундаментальный подход к проблеме.

Наша страна, которой идет седьмой десяток, на основе нового общественного строя, можно сказать, создала свой собственный культурно-психологический «генофонд», который служит процессу создания единого сообщества. Трудно представить советскую культуру без ярко выраженного национального своеобразия в творчестве Свиридова и Хачатуряна, Шолохова и Айтматова, Севака и Гамзатова или, вообще, русского театрального искусства и балета, грузинского кино, молдавского песенного и танцевального фольклора. Все не перечислишь.

Только у нас, архитекторов, еще не все получается, поэтому нам следует поставить на службу все средства, способные преодолевать однообразия формы, а не подрезать шаг за шагом их корни.

Выше мы неоднократно сознательно подчеркивали значение широты диапазона «средовой контекстуальности», считая ее остро недостающей архитектуре на современном этапе развития.

. . .Спуск воды Севана 50 лет назад считали делом добрым, а сегодня мы иначе расцениваем это.

Дело так не может продолжаться, ибо когда-нибудь заведется «красная книга» и на области культуры, в которую, подобно редким животным или растениям, будут занесены приходящие на грань исчезновения культурные ценности и традиции.

Мы уверены, что дело до этого не дойдет. Мы строим только отрезок светлой столбовой дороги в будущее. Ее строили до нас и будут строить после нас.

Нам важно понять свое скромное место в этом бесконечном пути.

Список литературы

1. Манандян Я. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван, 1941, с. 8.
2. Конрад Н. Избранные труды. Об эпохе Возрождения. М., 1974, с. 238.
3. Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 336.
4. Саинян А. Гарни-Гегард. Советакан Грох, Ереван, 1978.
5. Якобсон А. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950, с. 25.
6. Якобсон А. Там же, с. 52.
7. Марр Н. Ани. Армгиз, Ереван, 1939, с. 227—228.
8. Халпахчьян О. Архитектурные ансамбли Армении. М., 1980, с. 185.
9. Азарян К. Армянские хачкары. Ереван, 1973, с. 21.
10. Хачатурян В. Соображения об основах армянского искусства. Вестник АН Арм. ССР, 1982, № 10, с. 10.
11. Якобсон А. Очерки истории зодчества Армении V—XVIII вв., М.—Л., 1950, с. 149—150.
12. Якобсон А. Гандзасарский монастырь и хачкары: факты и вымыслы. Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, 1984, № 2, с. 150—151.
13. Шуази О. История архитектуры (в двух томах), ВАА, 1937, т. 2, с. 52—53.
14. История армянского народа. Ереван, 1980, с. 161.
15. Там же, с. 267.
16. Якобсон А. Очерки истории зодчества Армении V—XVIII вв., М.—Л., 1950, с. 67.
17. Хорурдаин Айастан (на арм. яз.), 1934, № 10, 10 июня.
18. Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., т. 1, с. 250.
19. Вестник архивов Армении, № 2 (20), 1968, с. 36.
20. Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., т. 1, с. 252.
21. Мазманян М. Архитектура Советской Армении. Ежегодник «Октембер-Ноембер» (на арм. яз.), 1932, с. 368.
22. Рябушин А., Шишкина И. Советская архитектура. М., 1984, с. 4.
23. Таманян А. Творческие отчеты.— Архитектура СССР, 1935, № 5, с. 3.
24. Рябушин А., Шишкина И. Советская архитектура. М., 1984, с. 62.
25. Архив исторического музея Армении. Архив Н. Г. Буниатян, № 3, рукопись: Народное творчество в прикладном искусстве.
26. Декларация ВОПРА. «Печать и революция», 1929, кн. VI, с. 125.
27. Декларация ОПРА Армении. Архив АФИМЛ при ЦК КПСС, ч. 1, оп. 36, с. 20.
28. Там же.
29. Долуханян Л. Архитектура Советской Армении, 20-е годы. Ереван, 1980, с. 61.
30. Линч К. Образ города. М., 1982, с. 15.
31. Там же, с. 19.
32. Бочаров Ю., Любовный В. Город — целостный социально-экономический комплекс.— Коммунист, 1979, № 2.
33. Вернадский В. Автотрофность человечества.— В кн.: Биогеохимические очерки. М.—Л., 1940, с. 47.
34. Лихачев Д. Заметки о русском.— Новый мир, 1980, № 3, с. 18.
35. Вернадский В. Успехи современной биологии. М., 1944, т. 18, с. 118.
36. Джакомини В. Кризис городов.— Курьер ЮНЕСКО, 1981, май.
37. Гольдзамт Э. Уильям Моррис и социальные истоки современной архитектуры. М., 1973, с. 54.
38. Новикова Л. Эстетика и техника: альтернатива или интеграция. М., 1976, с. 270.
39. То же, с. 87.
40. Иконников А. Зарубежная архитектура от «новой архитектуры» до постмодернизма. М., 1982, с. 247, 251.
41, 42. То же, с. 44—45. Там же.
43. Полянский А. Выступление на расширенном заседании Госгражданстроя.— Архитектура, приложение к Строительной газете, 1984, № 3.
44. Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975, т. 1, с. 31.
45. Яралов Ю. Проблема взаимосвязей национальных и интернациональных особенностей в современной армянской архитектуре. Ереван, 1978, с. 52.
46. Линч К. Образ города. М., 1982, с. 14.
47. Бордуков И. Метро в жизни города. Правда, 1984, 27 декабря.
48. Иконников А. Художественно-композиционные проблемы архитектуры и дизайна. В сб.: Дизайн и архитектура. 1984, с. 23.
49. Рябушин А. Творческие поиски и тенденции 70—80-х годов. Попытка анализа.— Архитектура СССР, 1984, № 5, с. 35.
50. Вейс Д. Возвышенное и земное. М., 1970, с. 758.
51. Am Rande. 5 Fragen an le Corbusier „Bauen + Wohnen“, 1963, № 3, s. 95
52. Архитектура. Приложение к Строительной газете, 1983, № 9, с. 1.
53. Хан-Магомедов С. Теоретические концепции творческих течений советской архитектуры. Обзор. М., 1974, с. 52.

Научное издание

Арцвин Гайкович Григорян
Мартин Левонович Товмасян

АРХИТЕКТУРА СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

В книге использованы материалы институтов Армгоспроект, Ереванпроект, Армпромпроект, фотохроники Арменпресс, фотоархива Союза архитекторов Армении.

Цветные фотографии А. Аладжяна, А. Награльяна, В. Якобсона

ИБ № 3966

Сдано в набор 23.09.85. Подписано в печать 17.06.86. Т-15705. Формат 70×90 1/16. Бумага мелованная. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,4. Усл. кр.-отт. 93,82. Уч.-изд. л. 23,8. Тираж 20 000. Изд. № AIX-1240. Заказ 1467. Цена 3 р. 80 к.

Стройиздат, 101442, Москва, Каляевская, 23а.

Ордена Трудового Красного Знамени ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191126, Ленинград, Звенигородская, 11.

Редакционно-издательская группа: Е. И. Астафьева, Т. А. Гатова, Н. И. Гинзбург, Н. Н. Дмитриева, В. И. Доброва, Р. И. Кадиев, Т. М. Кан, В. А. Касаткин (руководитель), М. Х. Маркина, И. С. Морозова, М. Н. Митрофанова, Н. И. Орехова, Т. Н. Федорова

Редактор Е. И. Астафьева
Оформление и макет художника И. Б. Кравцова
Художественный редактор В. П. Сысоев
Художественный редактор по графике Э. С. Хвостюк
Технический редактор Н. В. Высотина
Корректоры Г. Г. Морозовская, И. В. Медведева

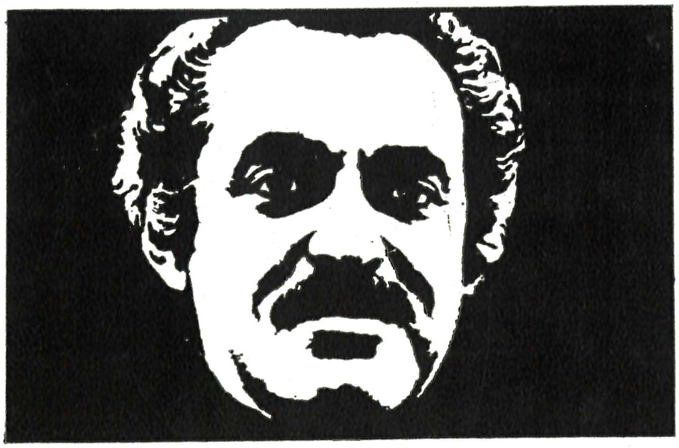
Художники-графики: Э. Н. Ахтырская, Н. Г. Громова, В. А. Богородский, Л. В. Богородская, Г. В. Астафьев, В. А. Гавриков, В. А. Бродская, Е. Ю. Морозова, Н. Н. Окунева, Н. И. Павлова, Т. Г. Гаврилова, И. М. Абаева, М. В. Рыбачук, Л. Н. Скакальская, М. А. Власова, Е. Н. Садкова, И. Л. Каневская, Н. П. Хлынова, В. Н. Власов, Ю. Г. Рогозин
Художники-ретушеры: Ю. Г. Зайцев, Т. И. Зайцева, Ю. Н. Волков, Т. Д. Белоусова, Л. В. Грачева, Л. В. Владеско, В. К. Панов, Е. Л. Топчиева, С. Б. Ицко

Полиграфические работы производились в Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 3 им. Ивана Федорова под наблюдением генерального директора А. Б. Пешкова, при участии инженерно-технических работников Е. Н. Кагана, Ю. Ф. Комарова, Л. И. Черняевой, А. М. Лемешко, Л. А. Гришаевой, Л. П. Ивановой, О. А. Анисимовой, Ф. Н. Сизовой, С. В. Архиповой, В. И. Дмитриевой, Т. А. Чекстер, Ю. В. Заграничного, Ю. В. Саксина, А. А. Денисовой, З. А. Рахманиной

В изготовлении издания участвовали тоновые и цветные травильщики Г. В. Пушнин, Л. В. Воеводов, Е. В. Савчук, В. П. Иванова, С. В. Екимов; фотографы С. Г. Михневич, Б. П. Васильев; копировщик К. Б. Волков; под руководством мастеров В. В. Федоровой, Т. Б. Дмитриевой
Наборные процессы осуществляли наборщики Н. И. Козловская, Г. Н. Копьева, Н. П. Морева, корректор М. Г. Поллак, под руководством мастеров Л. И. Хромченко, Л. Ф. Екимовой

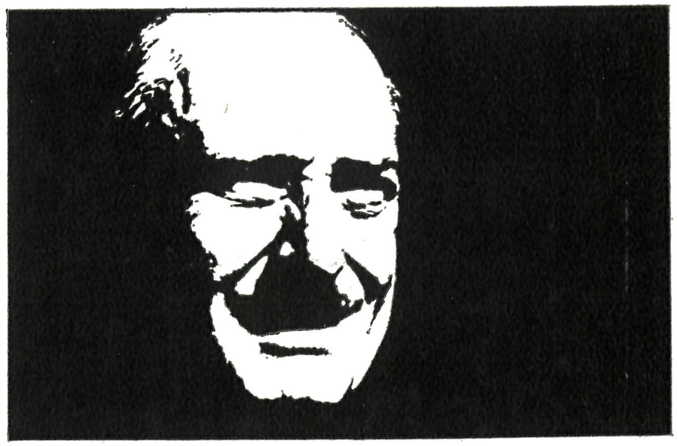
Печать производили бригады печатников цеха высокой печати под руководством технолога Е. Л. Исаева

Переплетные работы выполнялись В. В. Дударевым под руководством мастера К. В. Белокуровой

Арцвин Григорян — архитектор, работает в области практики и теории градостроительства: автор монографии «Современная архитектура Армении» (Ереван, 1983), книги «Ереван, Гарни, Гегард, Эчмиадзин, Аштарак» (в соавторстве с Н. Степанян; Москва, 1985), более 70 статей по различным вопросам архитектуры и искусства, опубликованных в СССР и за рубежом. Участник ряда международных и всесоюзных конкурсов и смотров, на которых удостоен медалей и дипломов. Занимается живописью и графикой, персональные выставки его работ состоялись в Ереване, Тбилиси, Киеве, Ленинграде и Москве.

А. Г. Григорян — заслуженный архитектор республики, лауреат Государственной премии Армении, кандидат архитектуры. Является председателем Союза архитекторов Армении, секретарем правления СА СССР.

Мартин Товмасян — архитектор, член правления СА Армении, автор планировки и застройки северо-западного жилого района Баку, ряда жилых домов в центре города, Морского вокзала, автовокзала, станции метрополитена «26 Бакинских комиссаров», зеленого театра (удостоен диплома Союза архитекторов СССР) и др.

Является одним из авторов ТЭО генплана Еревана, принимал участие в проектировании площади Ленина в Баку и центра Сумгаита.

Многие годы преподает в Ереванском политехническом институте. Опубликовал целый ряд статей в специальной и периодической печати.

Москва Стройиздат